

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СМЕРТЬ ЯЗЫКА – СМЕРТЬ НАРОДА?

ЯЗЫКОВЫЕ СИТУАЦИИ
И ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА
В РОССИИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Ответственные редакторы:
Елена Филиппова и Сергей Соколовский

Москва
Горячая линия – Телеком
2019

УДК 323.1
ББК 66.5(0)
DOI: 10.33876/978-5-9912-0836-9-2019-1-259
C50

Р е ц е н з е н т ы : доктор ист. наук, профессор *Д. А. Функ*;
кандидат ист. наук *Е. А. Пивнева*

А в т о р ы :

С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова, И. Л. Бабич, М. Ю. Мартынова,
А. А. Плеханов, Б. А. Синанов, В. А. Тишков, Х. М. Акбаев,
С. В. Галактионов, О. А. Подлесных, К. Г. Шаховцов

C50   Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова, И. Л. Бабич и др.; Отв. редакторы Е. И. Филиппова и С. В. Соколовский. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия – Телеком, 2019. – 260 с.: ил.
ISBN 978-5-9912-0836-9

Коллективная монография посвящена анализу языковой политики и языковых ситуаций в России и сопредельных государствах и рассматривает их динамику в зеркальной оптике: сквозь призму положения языков меньшинств в различных регионах Российской Федерации – Поволжье, Сибири и на Кавказе, с одной стороны, и положения русского языка, имеющего миноритарный статус в сопредельных государствах – Латвии и Украине – с другой. Книга написана в жанре этнографии языковой политики, что позволяет выявить различные уровни такой политики – от международного и государственного до низового: локального или семейного.

Для специалистов, политиков, преподавателей и студентов, гуманитарных вузов.

ББК 66.5(0)

Утверждено к печати Ученым советом Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Вводная глава, главы 1, 2, 3, 4, 5 и 7 написаны в рамках проекта
Российского научного фонда (РНФ) №15-18-00099п

Книга публикуется по результатам работы XIII Конгресса
этнографов и антропологов России

ISBN 978-5-9912-0836-9

© Коллектив авторов, 2019

© Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2019

© Издательство «Горячая линия – Телеком», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>C.B. Соколовский, Е.И. Филиппова.</i> Законы и идеологии: политика и управление языковыми ситуациями	5
Раздел I. Язык, идентичность и образование	
Глава 1. В.А. Тищков, Х.М. Акбаев. «Народ не умирает с языком» или «Язык не живет без народа»? Диалог ученых о конфликте вокруг родного языка.....	19
Тезис о родном языке	21
Тезис о добровольной ассимиляции.....	24
Тезис о правах языка	26
Тезис о государственном языке	29
Тезис о двуязычии.....	33
Тезис о нерусском моноязычии	36
Тезис о языке диаспоры	37
Заключительный комментарий	38
Глава 2. М.Ю. Мартынова. Язык и школьное образование.	
Российский опыт	40
Российская культурная среда: единство и многообразие	40
Этапы становления поликультурного образования в России	44
Подходы к содержанию образования в новой России.....	46
Этнокультурное образование	51
От этнокультурного к поликультурному образованию	54
Усложнение культурного многообразия России и образование	57
Новые тенденции и подходы	61
Судьба «родных языков» и реакция на реформу в регионах	65
Школьное образование как ресурс национальной и культурной идентичностей	70
Раздел II. Языки меньшинств в регионах Российской Федерации	
Глава 3. С.В. Соколовский, О.Н. Подлесных. Язык и политика в сфере образования в Татарстане	75
Вводные замечания	75
Конфликтное противостояние в области языковой политики (2017–2019)	76
Заключение	86
Приложение. Хронология событий.....	91
Глава 4. Б.А. Синанов. Языковая ситуация и языковая политика в Республике Северная Осетия — Алания	99
Введение.....	99
Новые законодательные инициативы и дискуссии в обществе....	104
Современное состояние осетинского языка.....	110
Этнополитические процессы и языковая ситуация в РСО-А на современном этапе	115
Языковая политика	122
Заключение	129

Глава 5. И.Л. Бабич. Современные языковые процессы как фактор национальной идентичности причерноморских адыгов-шапсугов	137
Введение.....	137
История «языковой» проблемы	138
Литературный адыгейский язык и адыгейская литература в системе современного школьного образования	142
Язык и общественная организация Адыгэ Хасэ причерноморских адыгов-шапсугов.....	147
Государственная (краевая) политика и язык.....	149
Язык и экономика	150
Язык и семья.....	152
Заключение	157
Глава 6. К.Г. Шаховцов. Селькупский язык и Европейская языковая хартия.....	160
Вводные замечания	160
Расселение селькупов, демографическая и языковая ситуация	161
Имеющиеся ресурсы	164
Оценка численности учащихся.....	168
Методика оценки затрат	172
Оценка затрат на реализацию положений Хартии в отношении селькупского языка	175
Заключение	182
Раздел III. Русский язык за пределами России: миноритарный статус	
Глава 7. А.А. Плеханов. Негосударственный язык: законодательное положение русского языка в постсоветской Украине	187
Международные документы, посвященные защите языковых меньшинств.....	194
Языковая политика в позднем СССР	198
Языковой вопрос в первые годы независимой Украины	204
Русский язык в годы президентства В.А. Ющенко	205
Положение русского языка при В.Ф. Януковиче	207
Положение русского языка в годы президентства П.А. Порошенко	210
Выводы	222
Глава 8. С.В. Галактионов. Языки Латвии в контексте практик коммуникации и самоидентификации.....	232
Предыстория вопроса.....	232
Первые годы независимой Латвии: установление новых правовых отношений между латышской и русскоязычной общинами	237
Развитие ситуации в 2000-е гг.	242
Современный языковой ландшафт: 2 + 1?	247
Заключение	253

ЗАКОНЫ И ИДЕОЛОГИИ: политика и управление языковыми ситуациями

Сергей Валерьевич Соколовский — д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва); sokolovskiserg@gmail.com

Елена Ивановна Филиппова — д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва); elena_filippova89@yahoo.fr

Текст написан в рамках проекта РНФ «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтничных государствах: российский и зарубежный опыт» № 15-18-00099п.

Перед читателями вторая коллективная монография, посвященная рассмотрению и анализу языковых ситуаций, написанная в рамках поддержанного РНФ исследовательского проекта «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтничных государствах: российский и зарубежный опыт» (гранты № 15-18-00099 и 15-18-00099п). В первой, опубликованной коллективом авторов в 2017 г. книге «Языковая политика, конфликты и согласие», рассматривались различные варианты языковой политики, направленной как на развитие, сохранение и упрочение национальных языков, так и на защиту и поддержку региональных языков и языков меньшинств в балканских государствах, Франции и ее заморских территориях (Гваделупе), Исландии, Испании и на Кипре.

Замысел дальнейшего развития затронутой темы и написания второй книги о языках возник у команды проекта после принятия поправок в Закон «Об образовании» (2018), устанавливающих добровольность изучения «родных языков» и вполне предсказуемо вызвавших бурную реакцию во многих республиках. «По мнению значительной части национальных активистов, — пишет М.Ю. Мартынова (глава 2), — переход изучения языков на добровольную основу повлечет за собой утрату культуры народа. Местные элиты и этнонациональная интеллигенция республик восприняли действия Центра как принижение статуса их языков. Именно поэтому республики крайне болезненно отреагировали

на решения властей, посчитав, что тем самым Москва ставит под угрозу само существование титульных языков республик».

Особенно бурную реакцию поправки в Закон об образовании ожидали вызвали в Татарстане, где языковая политика на всем протяжении постсоветской истории остается полем противостояния множества политических сил как местного, так и федерального уровней (см. об этом главу 3). Пересмотр сетки учебных часов в пользу татарского языка в ущерб русскому вызвал поток жалоб родителей, дошедших до суда и прокуратуры, так что принятые поправки, по сути, призваны обеспечить «конституционное право каждого гражданина Российской Федерации на “свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества”» (ст. 26.2 Конституции РФ). Однако они были восприняты национальной элитой как посягательство на татарский язык.

Недовольство проявилось и в других российских республиках — в частности, в Северной Осетии, где «в поручении Президента РФ генеральной прокуратуре о проверке добровольности изучения родного языка некоторая часть общества увидела далеко идущие планы федерального центра по ущемлению правосубъектности национальных республик и в перспективе — «ассимиляцию (русификацию) их титульных этносов» (глава 4).

Избыточная политизация языковых отношений и управления в сфере языковых реформ характерна для всех постсоветских государств и может рассматриваться как одна из издержек нациестроительства и продолжающегося поиска национальной идеи, которые затрагивают не только элиты, но и рядовых граждан этих государств. Как пишет литовский политолог Раса Балочкайте, исследовавшая языковые последствия демократизации, «концепт хорошего или правильного языка — это чисто политическая идея, внедряемая в целях управляемости как советскими властями, так и пронационалистическими правительствами <...> концепт, в котором маскируются властные неравенства; <...> языковые идеологии и в советский, и в постсоветский периоды оставались на службе у идеологий политических» [Baločkaitėi 2013: 53, 58]. Поэтому нам показалось интересным сконцентрировать внимание на России и сопредельных государствах и

рассмотреть языковую политику и динамику языковых ситуаций в зеркальной оптике: сквозь призму положения языков меньшинств в различных регионах Российской Федерации, с одной стороны, и русского языка, имеющего миноритарный статус в сопредельных с ней государствах, с другой.

Все эти государства имеют общее прошлое, так или иначе влияющее на состояние и вектор их нынешней политики в области языка и образования. Вполне вероятно, что это прошлое и реакция на него продолжают определять текущую политику в области языка, законодательные реформы и выбор ориентиров при построении образовательных систем в этих государствах. Во всяком случае, это обычно сразу приходит в голову нашим зарубежным коллегам, озадаченным степенью напряженности и политизированности, характеризующей реформы, которые затрагивают язык и образование на языке [ср.: *Haarmann 1995*].

Парадоксальным образом в риторике российского федерального центра сосуществуют декларации о поликультурности и многонациональности, предполагающие «сохранение и развитие этнокультурного многообразия и самобытности народов России», с представлением о том, что «единый культурный (цивилизационный) код» российского государства основан «на сохранении и развитии русской культуры и языка», и лишь затем — «историко-культурного наследия всех народов» [Стратегия 2012–2025]. Между тем, по мнению республиканских элит, «многонациональность страны — это не только декларация, это, прежде всего, многоязычие, потому что основным фактором идентификации этноса является язык. Если мы только с помощью русского языка хотим создать многонациональное государство, этого не получится. [...] Языковая политика — это есть формирование многонационального государства» [Информационно-аналитический...: 44].

Концепция идеологии, которая используется в представляемой вам книге, мало связана с тем содержанием, которым наделяли ее К. Маркс и Ф. Энгельс и следовавшие за ними советские марксисты, рассматривавшие ее прежде всего как «ложное сознание» и противоположность «объективному знанию». Разделяемый авторами этой монографии подход скорее ближе

к позиции известного нидерландского специалиста по анализу дискурса Т. ван Дейка, определявшего идеологию как «основание социальных представлений, разделяемых социальной группой» [van Dijk 2006: 729]. В соответствии с этим подходом идеологией обладают не только политические и иные элиты или капиталисты, контролирующие средства производства, но все социальные акторы, имеющие собственные интересы и собственное мировоззрение, обуславливающие интерпретацию происходящего. В приложении к языковым ситуациям это центральные и региональные власти, законодатели, силовые структуры, НПО, школьники и их родители, судьи и прокуроры, депутаты и их избиратели, религиозные деятели и рядовые верующие, учителя и директора школ, университетские преподаватели, представители различных министерств и ведомств, международные структуры, ученые, писатели и журналисты, «националисты» и «демократы» — словом, все, кто играет сколько-нибудь активную роль в складывающейся конфигурации событий и имеет в ней свои ставки. При всей своей вариативности идеологии, тем не менее, остаются групповыми, т.е. характеристиками определенных социальных и культурных сообществ, и именно они лежат в основании группового (в узком смысле социального) знания и групповых ценностей и установок, позволяющих ориентироваться в происходящем и оценивать его как желаемое или негативное. Некоторые современные лингвисты рассматривают обучение языку, независимо от того, является ли он доминирующим или миноритарным, как «сугубо идеологическое занятие», поскольку на презентации языка и саму его доступность для учеников влияют как их «экономическое положение, так и господствующие социокультурные, политические и педагогические парадигмы» [Curdt-Christiansen, Weninger 2015: 1].

Две взаимосвязанные языковые идеологемы особенно тесно связаны со сферой образования: это представления о «нормальности» языковой стандартизации иmonoязычия [Farr, Song 2011: 651]. Как та, так и другая оформились в Европе в период становления национальных государств с их принципом «одна страна — один народ — один язык» и привели, с одной стороны, к миноризации языков, не обладающих государственными

ресурсами, с другой — к языковому сдвигу, заключающемуся в массовом переходе населения на государственный язык и отказе от региональных (или этнических, в зависимости от принятой в том или ином обществе категоризации) языков, низведенных в ранг диалектов или говоров. В современном контексте глобализации, роста миграционной активности и кризиса национальных государств моноязычие перестает быть достаточным, а развитие информационных технологий наносит сокрушительный удар по государственной монополии на письменное слово и, как следствие, по языковой стандартизации. Тем не менее европейские государства упорно сопротивляются, более или менее успешно охраняя и отстаивая заповедное пространство своих языков уже не только от языков меньшинств и мигрантов, но и от нового моноязыка — всемогущего и вседесущего английского, с финансами и инфраструктурными ресурсами которого конкурировать сложно. Языкам с небольшим числом носителей все труднее поддерживать национальное культурное и научное производство, а следовательно, и обеспечивать качественное конкурентоспособное образование. Поэтому небольшие страны вынуждены «допускать» английский в свое образовательное пространство — в нашей книге это показано на примере Латвии (глава 8), где на смену прежней конфигурации — государственно-этнический латышский + русский как язык всего «нетитульного» населения и как *lingua franca* — приходит новая: русско-латышское и латышско-русское двуязычие + английский в роли *lingua franca*. Таким образом формируется «элитный билингвизм и космополитизм, при котором английский не заменяет национальные языки и идентичность, но сосуществует с ними» — наблюдение, которое было сделано применительно к семьям азиатских транснациональных мигрантов [Farr, Song 2011: 658], справедливо и для балтийских государств, чье население активно вовлечено в европейские миграционные процессы.

Тем временем в США, пишет М. Сильверстайн, «вопреки очевидному языковому плюрализму общества сохраняется вера в то, что каждый должен учить и использовать “стандартный английский”», причем эта вера присуща и либералам, и консерваторам [Silverstein 1996: 284]. То же можно сказать и о России, где ответом на усложнение культурного и языкового ландшафта

(в частности, благодаря притоку мигрантов) становится сворачивание этнокультурного компонента образования (см. главу 2).

Западные ученые давно заметили, что языковая идеология тесно связана с языковой политикой, не только определяющей, какой (какие) язык(и) следует учить и использовать в школе, но и влияющей на выбор языка домашнего общения, а также на языковое поведение в общественных местах — в том числе на грамматические, лексические и стилистические речевые особенности. В результате «определенные языки приобретают высокий престиж, становясь официальными, стандартными и национальными» [Shohamy 2006]. В отношении языков меньшинств государства применяют разнообразные политики. Зарубежные исследователи [Kloss 1977, Macias, Wiley 1998] классифицируют их следующим образом:

- 1) политика, ориентированная на продвижение (поддержка языковых сообществ государством, местными органами власти или ведомствами);
- 2) прагматически ориентированная политика (двуязычные образовательные программы, предназначенные для содействия в овладении государственным языком);
- 3) политика терпимости (государство не вмешивается в процесс обучения языкам меньшинств, которое отдано на откуп частным или религиозным школам);
- 4) ограничительная политика (законодательный запрет или ограничение на использование языков меньшинств, в том числе в школах);
- 5) «нулевая» политика, т.е. отсутствие официального признания языков меньшинств;
- 6) репрессивная политика (активные усилия государства по искоренению языков меньшинств).

Применив с некоторыми допущениями предложенную классификацию к России и постсоветскому пространству, можно констатировать, что выбор того или иного типа языковой политики зависит от соотношения сил и «этнолингвистической витальности» [см. Забродская, Эхала 2010] языковых сообществ. Так, для России, где государственный русский язык является одновременно родным и «этническим» для подавляющего

большинства населения, характерен первый тип с элементами второго, третьего и пятого (в стране отсутствует законодательно закрепленный статус национального меньшинства, не ратифицирована Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, периоды «спонсирования этнических идентичностей», развития «этнокультурного образования» и роста количества национальных школ сменяются периодами укрепления национального единства и повышенного внимания к роли государственного языка). Об этих флюктуациях подробно говорится в главе 2. В то же время в государствах, где соотношение «витальности» обратное (в нашей книге такими примерами являются Украина и Латвия, см. главы 7 и 8), выбор делается в пользу четвертого, пятого и шестого типов, иногда с элементами третьего. Исторический опыт говорит нам о том, что в условиях существования национальных государств устойчивое развитие, сохранение и даже возрождение (с нуля!) того или иного языка возможно только при наличии у него «своего» государства. Именно оно, с одной стороны, организует языковое пространство, создает необходимую инфраструктуру — систему образования, типографии, печатные и электронные СМИ, научные учреждения, обслуживающие язык, полную номенклатуру должностей, для которых язык является необходимым и достаточным, с другой стороны, государство же может проводить рестриктивную и даже репрессивную политику в отношении конкурирующих языков. На постсоветском пространстве мы уже наблюдаем некоторые результаты государственных языковых политик: в Латвии и Эстонии растет доля меньшинств (включая русских), владеющих государственным языком, соответственно сокращается число неграждан. При этом «низовые» языковые политики у части населения эволюционируют от прагматически ориентированных (основанных на опасениях социального и экономического исключения по причине невладения официальным языком) к идентитарно ориентированным (основанным на опасении аккультурации, утраты культурной самобытности и родного языка). Именно этот сдвиг, вероятно, объясняет попытку (неудачную) закрепить статус русского языка с помощью референдума в Латвии в 2012 г. и высокий градус связанный с этим

общественной мобилизации [Filler 2016]. В целом же создается впечатление, что, с одной стороны, русскоязычное меньшинство, особенно молодежь, постепенно адаптируется к ситуации, усваивая навыки латышско-русского двуязычия и используя в коммуникации попеременно оба языка. С другой стороны, русский язык, даже лишившись официального статуса, не исчез из языкового пространства и сохраняет достаточно прочные позиции, в том числе в языковом репертуаре латышей. Украина, напротив, пока далека от разрешения языкового конфликта, ставшего одной из основных причин крымского кризиса и военных действий в Донбассе, а также от снижения напряженности в языковой сфере. Ее языковая политика фактически сводится к двум типам — рестриктивному и репрессивному, с элементами «нулевой» политики (чего стоит только закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», вступивший в силу 16 июля 2019 г., в тексте которого вообще нет упоминания о русском языке).

В России идеологическая ангажированность обучения исследовалась до сих пор лишь в отношении обучения истории [Бордюгов, Аймермахер 2002; Бордюгов, Бомсдорф 2003; Шнирельман 2002], в то время как столь важная опора идентичности, как языковое образование, долго оставалась в тени. И хотя языковая политика определялась как «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Дешериев 1990: 616], в качестве субъекта, носителя и автора таких принципов и мероприятий традиционно рассматривалась официальная власть или (как в цитируемой здесь статье) «государственная политическая система», а другие акторы языковой политики рассматривались на крайне абстрактном уровне общества или народа.

Между тем «низовые» языковые политики часто оказывают прямое воздействие на идеологию и политику, внедряемые и реализуемые «сверху», игнорируя их или сопротивляясь им [Farr 2011]. Эти политики, как и официальные, государственные, также могут быть продиктованы различными соображениями: pragматическими или идентитарными. Так, уже не раз можно было убедиться в том, что предоставление родителям права

свободного выбора языка обучения для их детей ведет к отказу от обучения на «родных» языках меньшинств, а попытки заставить детей изучать «неродной» язык меньшинства вызывают бурный протест, требующий прокурорского реагирования. Из этого можно заключить, что рядовые граждане не из числа «этнических активистов» руководствуются в первую очередь pragматическими, а не идентитарными соображениями. В пользу этого вывода говорят и многочисленные открытые письма и петиции, включая официальное обращение так называемого «Национального родительского комитета», против введения обязательного ЕГЭ по иностранному языку: родители не хотят «перегружать» детей, подвергать их «дополнительному стрессу, которым является любой экзамен», полагая, что «в жизни» английский язык им не пригодится (Национальный родительский комитет; Родители против; Родители стали публиковать; Родители просят и т.п.). Тот же аргумент «работает» и применительно к языкам меньшинств: «Зачем мне адыгейский (шапсугский) язык за пределами аула? Чтобы жить за пределами аула, надо знать русский язык» (глава 5). Характерным примером идентитарной «низовой» языковой политики является ситуация на Корсике, где родители, симпатизирующие националистам, считают своим долгом отдавать детей в двуязычные классы, причем делают это часто не потому, что они любят корсиканский язык, или потому, что его изучение может принести детям какую-то практическую пользу, а чтобы таким образом выразить свою солидарность с националистическим движением [см. подробнее: *Филиппова 2012; Лестей 2013*].

Предлагаемая нами вниманию читателей книга, как и предыдущая, выполнена в жанре этнографии языковой политики, что позволяет артикулировать различные уровни такой политики — от международного и государственного до низового: локального или семейного. Авторы предлагают рассматривать языковую политику не только и не столько как исключительно действия и решения законодательной и исполнительной ветвей власти или центральной и республиканских политических элит, но в качестве совокупного результата или равнодействующей интересов и усилий множества акторов и организаций: книж-

ных издательств, газет и журналов, научных обществ, школ и университетов, землячеств и интернет-групп, объединяющих школьников и их родителей, общественных организаций и религиозных общин и т.д.

Данная книга развивает также тему анализа взаимосвязей между языковой политикой и политикой идентичности, заявленную в качестве одной из основных целей всего пятилетнего исследовательского проекта [Соколовский, Филиппова 2017: 13–19]. Когда рукопись была уже практически готова, 10 сентября 2019 г. произошло трагическое событие, непосредственно связанное с реализацией российской государственной политики в сфере языка и образования: самосожжение удмуртского ученого и активиста Альберта Разина с целью привлечь внимание к проблеме «вымирания» удмуртского языка. Этот отчаянный поступок продемонстрировал, сколь острой может быть реакция на реальную или мнимую угрозу идентичности, фундаментом которой, в понимании многих, является язык. Не случайно афористичная максима «смерть языка — смерть народа», вынесенная в заглавие этой книги — правда, с вопросительным знаком, как приглашение задуматься над тем, так ли она верна, — встречается в разных странах и на разных языках. Смерть (в данном случае, увы, не figurальная, а вполне реальная) во имя языка вновь всколыхнула дискуссию и полемику в российском обществе между поборниками единого языкового пространства и защитниками «родных языков»¹. Свой вклад в эту полемику вносит «Диалог о конфликте вокруг родного языка», который ведут на страницах нашей книги московский этнолог Валерий Тишков и филолог из г. Черкесска Харун Акбаев (глава 1). По мнению первого, «народ не умирает с языком», родной язык вовсе не обязательно совпадает с «этническим», и у одного человека вполне могут быть два родных языка. Второй опасается негативных последствий раннего билингвизма «для человека, этноса и языковой коммуникации вообще», считает государственный (русский) язык «техническим языком для формальных коммуникаций» и полагает, что предусмотренный федеральным

---

¹ Кстати, принятые поправки в «Закон об образовании» впервые за всю советскую и постсоветскую историю признали, что «родным» может считаться и русский язык (прежде существовала курьезная формула «русский и родные языки»).

государственным стандартом объем знаний русского языка «крайне избыточен». Между тем в среде исследователей нет единодушия относительно предпочтительного языка образования: наряду с голосами в поддержку права на получение образования на родном языке существуют весомые аргументы в пользу того, что такое образование может способствовать сохранению социально-экономических и политических преимуществ доминантных групп [Ricento, Wiley 2002]. В частности, напоминают Бломмерт [Blommaert 1996] и де Клерк [de Klerk 2002], принцип обучения на родном языке был ключевым элементом политики апартеида в ЮАР, препятствуя социальной мобильности низших социальных классов. Последствия этой политики дают о себе знать до сих пор: после введения принципа позитивной дискриминации в университетах новая администрация страны столкнулась с острой нехваткой квалифицированных преподавателей из числа темнокожего населения, необходимых для замещения постов, оставшихся вакантными после увольнения белых. Вкупе с низким уровнем подготовки темнокожих абитуриентов это привело к резкому падению качества образования. Подобная ситуация кадрового дефицита сложилась также в государственных учреждениях, частных компаниях, армии, полиции и спецслужбах [Филатова 2014: 299–300]. В связи с этим возникает резонный вопрос: какое будущее уготовано школьникам, чье владение государственным языком будет ограничено уровнем «формальных коммуникаций», смогут ли они получить высшее образование и востребованную специальность, воспользоваться каналами горизонтальной мобильности (в том числе найти работу за пределами трудоизбыточных регионов, где они родились и выросли), участвовать в политической жизни?

Отдельный вопрос, неизменно возникающий при обсуждении положения языков меньшинств, — это вопрос о ратификации и, в дальнейшем, выполнении требований Европейской хартии региональных языков. В главе 6 приведен расчет затрат на реализацию Хартии в отношении только одного языка — селькупского. Всего в РФ, напомним, последней переписью зафиксировано 277 языков, в реальности используется порядка 150, из них около 100 языков — письменные. 25 языков наде-

лены статусом республиканских государственных. «В системе образования РФ используется 58 языков, федеральные образовательные программы утверждены по 13 национальным языкам» [Никонов 2018]. Этот порядок цифр дает представление о стоимости для государства выполнения положений Хартии в случае ее ратификации. Но оккупятся ли эти затраты?

Источники

1. Информационно-аналитический сборник по материалам круглого стола «Обсуждение статьи Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина «Россия: национальный вопрос». — М.: МДН, 2012.
2. Национальный родительский комитет выступил против обязательного ЕГЭ по иностранному языку. 18.09.2019. — URL: <https://meduza.io/news/2019/09/18/natsionalnyy-roditelskiy-komitet-vystupil-protiv-obyazatelnogo-ege-po-inostrannomu-yazyku/>
3. Никонов 2018 — Никонов В. Шесть вопросов про законопроект об изучении национальных языков. 19.06.2018. — URL: <http://duma.gov.ru/news/27352/>
4. Родители просят не делать ЕГЭ по английскому обязательным. 18.09.2019. — URL: <https://peterburg2.ru/news/roditeli-prosyat-ne-delat-ege-po-angliyskomu-obyazatelnym-51977.html/>
5. Родители против ЕГЭ по английскому. 18.09.2019. — URL: <http://35media.ru/news/2019/09/18/roditeli-protiv-ege-po-anglijskomu/>
6. Родители стали публиковать открытые письма, адресованные министру образования. 08.09.2017. — URL: <https://pedsovet.org/beta/article/roditeli-stali-publikovat-otkrytie-pisma-adresovanneye-ministru-obrazovaniya/>
7. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666). — URL: <http://base.garant.ru/70284810/#ixzz5P05xlaXK/>

Библиография

1. Бордюгов Г., Аймермажер К. Историки читают учебники истории. — М.: АИРО-XX, 2002. — 232 с.
2. Бордюгов Г., Бомсдорф Ф. Учебники истории: носители стереотипов, памяти о конфликтах или источник для взаимопонимания? // Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Евро-

- пы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. — М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-ХХ, 2003. — С. 9–14.
3. Дешериев Ю. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 616–617.
  4. Забродская А., Эхала М. Что для меня Эстония? Об этнолингвистической витальности русскоязычных // Диаспоры. — 2010. — № 1. — С. 8–25.
  5. Пестей Ф. Официальное признание двуязычия на Корсике: итоги и перспективы / Отв. ред. Е.И. Филиппова // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. — М.: ИЭА РАН, 2013. — С. 125–144.
  6. Соколовский С.В., Филиппова Е.И. Языковое многообразие и социальное согласие: непростое равновесие // Языковая политика, конфликты и согласие. — М.: ИЭА РАН, 2017. — С. 4–16.
  7. Филатова И.И. Печальный конец «южноафриканского чуда». «Расовая трансформация» в ЮАР // Тишков В.А., Филиппова Е.И. Культурная сложность современных наций. — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — С. 295–305.
  8. Филиппова Е.И. (Не)возможность острова? Корсиканское движение: от регионализма к сепаратизму (1968–2008) // Тишков В.А., Шнирельман В.А. (отв. ред.). Этничность и религия в современных конфликтах. — М.: Наука, 2012. — С. 150–202.
  9. Шнирельман В. Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // Расизм в языке социальных наук. — СПб.: Алетейя, 2002. — С. 131–145.
  10. Baločkaitė R. On Ideology, Language, and Identity: Language Politics in the Soviet and Post-Soviet Lithuania // Language Policy. 2013. 13(1): 41–61 (doi: 10.1007/s10993-013-9301-z).
  11. Blommaert J. 1996. Language planning as a discourse on language and society: the linguistic ideology of a scholarly tradition. Language Problems and Language Planning, 20. P. 199–222.
  12. Curdt-Christiansen Xiao Lan, Weninger C. Introduction. Ideology and the politics of language textbooks // Curdt-Christiansen, Xiao Lan; Weninger, Csilla (eds.) Language, Ideology and Education. The politics of textbooks in language education. London: Routledge, 2015. P. 1–8.
  13. Farr M. 2011. Urban plurilingualism: language practices, policies, and ideologies in Chicago // Journal of Pragmatics, 43. P. 1161–72.
  14. Farr M., Song J. Language Ideologies and Policies: Multilingualism and Education // Language and Linguistics Compass 5/9, 2011. P. 650–665.

15. *Filler A.* L'impossible nation lettone. Étude des lieux d'une natio-genèse post-soviétique. Presses universitaires de Strasbourg, 2016, 252 p.
16. *Haarmann H.* Multilingualism and ideology: The historical experiment of Soviet language politics // European Journal of Intercultural Studies. 1995. 5(3): 6–17 (doi: 10.1080/0952391950050302).
17. *de Klerk G.* Mother tongue education in South Africa: the weight of history. International Journal of the Sociology of Language, 2002, 154. 29–46.
18. *Kloss H.* The American bilingual tradition. Newbury House, 1977.
19. *Macias R., Wiley T.G.* Introduction. The American bilingual tradition, Heinz Kloss, vii-xiv. McHenry, IL: Center for Applied Linguistics and Delta Systems, 1998.
20. *Ricento T., Wiley T.G. (eds).* Revisiting the mother tongue question in language policy, planning, and politics. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002.
21. *Shohamy E.* Language policy: hidden agendas and new approaches. New York: Routledge, 2006.
22. *Silverstein M.* Monoglot «Standard» in America: standardization and metaphors of linguistic hegemony. Matrix of language: contemporary linguistic anthropology, ed. by D. Brenneis and R.K.S. Macaulay, 284–306. Boulder: Westview, 1996.
23. *Van Dijk Teun A.* Politics, Ideology, and Discourse // Brown K. (ed.) Encyclopedia of Language & Linguistics. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2006. P. 728–740 (doi: 10.1016/b0-08-044854-2/00722-7).

Раздел I

ЯЗЫК, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

Глава 1

«НАРОД НЕ УМИРАЕТ С ЯЗЫКОМ» ИЛИ «ЯЗЫК НЕ ЖИВЕТ БЕЗ НАРОДА»?

Диалог ученых о конфликте вокруг родного языка

Валерий Александрович Тишков — академик, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва); valerytishkov@mail.ru

Харун Мудалилович Акбаев — зав. отделом языка, литературы и фольклора Карабаевского научно-исследовательского института (г. Черкесск); aqharun@yandex.ru

Текст написан в рамках проекта РНФ «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтничных государствах: российский и зарубежный опыт» № 15-18-00099п.

В газете «Известия» 12 сентября 2019 г. была опубликована моя краткая колонка, как водится, под названием, данным редакцией: «Народ не умирает с языком». Эту фразу можно понимать двояко: и как «язык — условие жизни народа», и как «смерть языка не означает смерть народа». В тексте мною обосновывается именно второй тезис, а под словом «народ» имеется в виду этническая общность или, как у нас часто говорят, «этнос». В этой газете уже были напечатаны мои комментарии (27 ноября 2017, 7 декабря 2017, 16 августа 2018 гг.) по поводу сложившейся в стране ситуации в области преподавания в российских школах так называемых родных языков. Спустя неделю после последней публикации я получил по почте развернутый отклик от карабаевского филолога и члена Союза писателей России Харуна Акбаева под названием «Язык не живет без народа», который в чем-то повторяет первый вышеупомянутый тезис «умер язык — умер народ». За всеми этими эмоционально нагруженными метафорами, которые можно встретить не только

в России, но и в других странах, стоит научная проблема большой общественной значимости. А именно: что есть родной язык, как язык связан с этничностью и какая должна быть политика в странах, где население говорит на разных языках. Собственно говоря, я не знаю крупных государств сmonoязычным населением. Так что это проблема мирового масштаба.

Поскольку, помимо публицистических выступлений, мною на эту тему также были опубликованы научные статьи [см. напр., *Тишков 2016, 2019*], то у меня возникла идея создать научный текст в форме диалога с оппонентом, который представляет большую когорту исследователей языковых вопросов из числа представителей нерусских народов в российских республиках. Именно с этой категорией социолингвистов и общественных активистов у меня обнаруживаются наиболее серьезные разногласия. Хотя и в «центральных» научных центрах в российской социолингвистике есть ученые, стоящие на близких позициях. Так, в Институте языкознания РАН в области социолингвистики плодотворно работает коллектив под руководством А.Н. Биткеевой и В.Ю. Михальченко [*Биткеева 2015; Михальченко 2016*], которые в большей степени разделяют позиции моих оппонентов, чем мои собственные представления о родном языке, языковых правах и политике.

Каков контекст данного диалога? У него есть непосредственный повод: это гибель (самосожжение) российского ученого из Удмуртии Альберта Разина в знак протesta против государственной языковой политики и с целью привлечь внимание к проблеме вымирания удмуртского языка. Эта трагедия случилась в Ижевске 10 сентября 2019 г. и вызвала разные реакции: от солидарности и соболезнования до недоумения и растерянности. Как, зачем и почему нынешние довольно напряженные общественные дебаты и государственные решения, касающиеся некоторых корректиров языковой политики, могут приводить к подобным эксцессам? Зная А. Разина как человека, глубоко эмоционально погруженного в дискуссии о судьбе удмуртов как общности и удмуртского языка и бескомпромиссно настроенного в этнонациональных вопросах, я решил написать этот газетный текст, обозначив свое видение проблем, которые совсем не заслуживают столь радикальной реакции, как лишение себя жизни. Этот текст вызвал много комментариев, в том числе и резких, вплоть до обращения с жалобой в прокуратуру Татарстана. Но я предпочитаю диалог обвинениям, отсюда и предлагаемая публикация.

Харун Акбаев пишет, что в моих статьях (речь идет о газетных, а не о научных публикациях) имеется ряд тезисов, по его мнению, «не столь безупречных и нейтральных». При этом оппонент выражает мне свою признательность за «чуткое внимание к проблемам языковой политики и межнациональных отношений» и выражает намерение в заочной полемике «не выходить за рамки кавказского этикета и публицистического формата». Должен сказать, что Харун Акбаев выдержал этот тон спокойного и достойного разговора, чем и вызвал мое желание продолжить обсуждение столь серьезной проблемы. Наш диалог строго следует тезисам, которые предложены моим оппонентом. Сначала приводится цитата или положение из моего газетного комментария, затем рассуждения и полемика соавтора и, в свою очередь, мои уточняющие или дополнительные рассуждения. С согласия уважаемого оппонента эта дискуссия публикуется под нашими двумя фамилиями.

B. Тишков

Тезис о родном языке

Валерий Тишков: Родной язык — это совсем не обязательно язык той или иной национальности. Родной язык — это основной язык знания и общения (как по Ожегову) [...] И моя позиция, кстати, совпадающая с ныне принятой научной точкой зрения, такова: у человека может быть два родных языка.

Харун Акбаев: Автор тезиса априори утверждает коммуникативную функцию языка как главную. Но это научно устаревшее, а в случае с национальными языками — еще и приводящее к социолингвистическому тупику упрощение сути языка. Самый цитируемый ученый современности, американский лингвист и философ, основоположник генеративной лингвистики профессор Ноам Хомский еще в конце 50-х гг. прошлого века убедительно опроверг коммуникативную причину возникновения языка. Согласно теории порождающей грамматики причиной появления языковой способности у человека является врожденный биологически обусловленный компонент, который определяет основные параметры нашего мышления.

Может ли человек иметь два и более родных языка? Однозначного ответа, как это стараются представить сторонники

структурной лингвистики, в науке также нет. Основываясь на генеративной теории все того же Хомского, можно предположить, что одновременное и равное изучение двух и более языков с самого начала формирования мышления на выходе даст некий синкетичный продукт, но отнюдь не множество аутентичных родных языков.

Например, если человека с самого младенческого возраста обучать двум типологически разным языкам (скажем, агглютинативному из числа тюркских языков и флексивному русскому языку), то результатом подобного билингвизма с большой вероятностью станет тюркско-русский смешанный язык, неприемлемый как для русскоязычных, так и для тюркоязычных участников коммуникации. И здесь проблема даже не в смешении лексики — синкетизм проявляется на всех языковых уровнях, в том числе на фонетическом и грамматическом. Языковой процесс происходит на уровне мышления, и носители контактного языка в ходе коммуникации не различают системы кодов смешиваемых ими языков. Недавние исследования также показали, что мозг детей-билингвов структурно отличается от мозга детей, растущих в моноязычной среде.

Человек не есть машина, а естественные языки не тождественны машинным языкам, наш язык — это продукт творчества, мышления. В этой связи билингвизм следует воспринимать не как безобидное арифметическое сложение двух и более языков, а как сложный социолингвистический процесс, имеющий как положительные, так и негативные последствия для человека, этноса и языковой коммуникации вообще.

B.T.: Сразу же существенное расхождение с Харуном Мудалиловичем в использовании терминов (о чём в принципе учёные могут договариваться). Мой оппонент использует распространённое понимание термина «национальный язык», под которым имеется в виду «этнический язык». Однако по всем международным стандартам национальный язык в Российской Федерации — это русский язык, ибо национальный язык — это язык нации как согражданства. Там, где этот язык или языки объявлены государственными, государственный и национальный — это синонимы. В российской науке и практике последнее

понимание не является доминирующим, и моя позиция, возможно, не относится к общепринятым.

Теперь о Ноаме Хомском. Согласно его воззрениям, действительно, лежащие в основе языков грамматические принципы являются врождёнными и неизменными, а различия между языками мира он объясняет в биологических и когнитивных терминах установок мозга, откуда пошло название «генеративная лингвистика». Исходя из этой точки зрения, человек в раннем детстве выучивает слова и выражения, а также на основе ключевых примеров определяет необходимые значения параметров. Это и объясняет, почему дети легко изучают языки, ибо они используют своего рода врожденный метод освоения, который свойственен конкретному языку. Идеи Хомского оказали влияние на исследования процесса усвоения языка детьми. Но есть и другие теории, которые основываются на объяснении общих процессов обработки информации мозгом.

Например, в апреле 2013 г. в Лицее Франсэз в Нью-Йорке прошла конференция «Жизнь с двумя языками: Преимущества быть двуязычным», итогом которой стало общеразделенное мнение, что не только сбалансированный (или полный) билингвизм, полученный от разноязычных отца и матери, но и любое двуязычие (асимметричное, субординативное), хотя и не делают человека умнее, но способствуют его развитию и расширяют его способности восприятия, принятия решений и коммуникативные возможности. Раннее полное двуязычие уже не трактуется как аномальная форма умственной деятельности, которая даже может нанести вред в освоении первого языка, а само понятие «первого» или «родного» языка ныне обрело множественное число. Мне трудно судить о некоторых деталях данной проблемы, ибо я не являюсь филологом, а тем более — нейролингвистом, но позволю себе усомниться в том, что есть некие «системы кодов языков», которые отличаются, скажем, у тюркских, славянских и финно-угорских языков в такой степени, что владение двумя столь различными языками не может быть двусторонне полноценным. В итоге могу сказать, что прошлые исследования билингвизма такими отечественными авторитетами, как Ю.Д. Дешериев, М.И. Исаев, Л.Б. Никольский и др., ныне тре-

буют обновления в ситуации, когда изменились многие аспекты языковой жизни современных людей.

Тезис о добровольной ассимиляции

B.T.: Добровольная языковая ассимиляция (т.е. переход с этнического языка на общеупотребимый) является нормой...

X.A.: Национальные языки создавались не по желанию древних фараонов или иных сатрапов. Верно и то, что ученые в своих лабораториях не создали ни один даже самый примитивный этнический язык. Национальные языки — это результат эволюции человеческого мышления и языковых коммуникаций на протяжении многих и многих тысячелетий. И правильно было бы полагать, что наши языки и далее будут эволюционировать. Но то, что уважаемый академик предлагает добровольно «свернуть» с этого естественного пути и назвать это нормой, никак не согласуется с научным пониманием мира...

Билингвизм, соразмерный с коммуникативной необходимостью, а также возможный переход на другой язык отдельныхносителей — такая картина мне представляется более естественной и безопасной для развития национальных языков. Что касается агрессивного билингвизма с доминирующим языком, то это кратчайший путь к языковой ассимиляции, и это не может быть нормой для любого народа.

B.T.: Происхождение языков и номенклатура нынешних языков, особенно их литературных, нормативных вариантов, не представляют особой загадки. Во-первых, так называемые национальные (в смысле — этнические) языки не имеют прямой корреляции с мировой этнической номенклатурой. Язык во многих случаях является важным отличительным признаком этнической общности, но далеко не всегда и не во всех регионах мира. Весь арабский мир пользуется фактически одним языком, но нет одного арабского «этноса». Также это касается и латиноамериканского континента, за исключением Бразилии. Возникновение мирового древа языков — это, конечно, результат тысячелетней эволюции, и на этом древе засохших и отмерших ветвей не меньше, чем ныне живущих. Однако современная картина национальных языков в их нормативной,

литературной форме — это не тайна за семью печатями, ибо ее авторство и хронология вполне установимы. Если не фараоны и сатрапы, то королевские особы, религиозные и светские просветители, ученые и собиратели во многом породили и даже дали названия нынешним языкам. «Грамматика российского языка» М.В. Ломоносова и другие «верхушечные» проекты породили нынешний российский (великорусский) русский язык, который успел сменить аж три названия. В Дагестане «язык войска» стал аварским языком. Современный французский язык — плод целенаправленной работы специально для этого созданной Французской академии. Почти каждый язык имеет свою причудливую историю, причем часто имеющую не «эволюционную», а политico-идеологическую природу. Самый новый пример — это «рождение» пяти новых языков из одного сербохорватского после распада Югославии.

Куда будут эволюционировать языки в будущем — это большая интригующая проблема. Языковые алармисты вместе с ЮНЕСКО считают, что в XXI в. вымрет (исчезнет) большинство из 5–7 тысяч нынешних языков. Исчезновение так называемых миноритарных языков (языков с малым числом носителей) идет повсеместно, и это неизбежный результат глобализации. Я придерживаюсь другой позиции. Сокращение числа языков и исчезновение некоторых из них действительно имеют место, и этот процесс имеет как добровольный, так и насильтственный характер. Но массовой языковой унификации человечества и как варианта — языковой русификации российского народа не происходит. О вымирании языков коренных малочисленных народов Севера и Сибири писали ученые и путешественники еще в XVIII–XIX вв., но все эти языки сохраняются, как и языки народов Северного Кавказа, которые декларация ЮНЕСКО зачислила в число находящихся под угрозой исчезновения.

Что касается добровольной языковой ассимиляции в пользу русского языка, то, видимо, о ней мне надо было выразиться точнее как об одной из норм языкового поведения. Ибо такой же нормой является отказ от перехода с этнического, миноритарного языка на язык большинства, на государственный язык. Наиболее приемлемая и желаемая норма для нерусского на-

селения в России — это двуязычие или многоязычие во многих его вариантах с русским языком в качестве первого или второго используемого языка.

Антинормой является прямое или косвенное (структурное) насилие в сфере языковой политики. Прямого насилия (запрет на пользование языком, языковые инспекции и наказания и т.п.) в Российской Федерации не существует, но структурное насилие существует. Это действующие правовые и другие нормы, а также институциональные параметры общественно-культурной жизни, которые лишают индивида возможности реализовать свои языковые запросы и потребности, а также и права. Например, невозможность сдавать аттестационные школьные экзамены на нерусских языках есть одна из форм структурного насилия. «Централизаторы» пекутся о едином образовательном (или правовом) пространстве, но в культурно сложном обществе признанное разнообразие и есть проявление единства.

Тезис о правах языка

B.T.: Языки должны быть равноправны, но они не могут быть равны по своему использованию, возможностям и статусу. На русском языке создана часть значимого мирового культурного наследия, как, например, произведения Льва Толстого, Антона Чехова и Федора Достоевского. Поэтому в нашей стране он всегда будет пользоваться преимуществом.

X.A.: Данный тезис, безусловно, вне всякого научного определения, но автор статьи делает на нем значительный акцент (встречается в нескольких его статьях). Если языки в своем использовании, по своим возможностям и статусу не равны, то в чем же заключается их равноправие? Да ни в чем! Это юридическая абракадабра, прием, часто используемый политическими авантюристами. Когда подобное звучит из уст эпатажного В. Жириновского, мы это воспринимаем как заявление представителя партии левых взглядов с налетом шовинизма. Но допустим ли подобное утверждение от представителя РАН и члена президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям?

Кто скажет, что Нартский эпос, «Алпамыш», «Джангар», «Олонхо» или творчество Исмаила Гаспринского, Кайсына Кулисева, Расула Гамзатова не являются частью значимого мирового культурного наследия? И тот факт, что Толстой, Чехов или еще кто-то писали на русском языке, не дает русскому языку каких-либо преимущественных оснований для юридического превосходства. Полагаю, что никто не вправе умалять законные права всех языков — как государственных, так и родных.

Если один из лучших представителей нашего общества не может представить себе равноправие даже наших языков, то, видимо, нам предлагается принять за норму также преимущество его носителей. Тогда и удивляться не стоит тому, что президент многонациональной федерации часто подменяет общественно-политический и юридический термин «российский» словом «русский»: русский солдат, русские ученые, русский путь и т.д. Уверен, что подобный этнический эгоизм является атавизмом и в современном правовом обществе не может быть нормой.

B.T: Равенство и равноправие — это не синонимы. Равноправие — это равенство возможностей, которые предоставляют закон и государственная политика. Это касается как отдельных личностей, так и в данном случае языков. Люди могут быть равны в своих правах, но равенство между ними невозможно, ибо один родился сильным и красивым, другой — нет, один наследовал родительские капиталы — другому достались долги и ноль имущества, один родился в благополучном городском квартале, другой — в бедном селе. Все это — аксиомы социологии. Также аксиомами социолингвистики являются представления о так называемых мировых языках (*top world languages*) и миноритарных языках. Мировой язык, или язык мирового значения, — это язык, которым пользуется значительная часть населения мира и на котором созданы культурные достижения общемирового значения. Именно в этом контексте я упоминаю имена Достоевского, Толстого, Чехова, ибо в мире трудно представить образованного человека, не знающего этих имен. Что же касается названных Х. Акбаевым выдающихся эпических произведений, таких как «Олонхо» и «Джангар», которые не относятся к русской этнокультуре, то они получили мировую известность и призна-

ние не в последнюю очередь благодаря блестящим переводам на русский язык А. Кулаковского, В. Державина, Н. Гребнева, С. Липкина и др. Точно так же и Гаспринский, и Кулиев, и Гамзатов, и многие другие деятели культуры стали известны миру именно при посредстве русского языка, что очередной раз подтверждает его мировой статус.

Только шесть мировых языков имеют статус официальных языков ООН, среди которых и русский язык, хотя число его носителей в мире уступает говорящим на языке хинди или индонезийском языке. Естественно, что язык такого статуса и возможностей при правовом равноправии имеет преимущества перед языками с малым числом носителей. К тому же русский язык имеет и важное правовое преимущество: он является национальным (государственным) языком Российской Федерации.

Мой соавтор справедливо отметил как «этнический эгоизм» употребление слова «русский» в качестве замены слову «российский». Согласен, что это можно назвать атавизмом или, скорее, инерцией словоупотребления, но у этой инерции есть некоторые сугубо лингвистические причины. Дело в том, что на протяжении длительной истории (вплоть до переписи населения 1926 г.) слово «русский» не имело узко этнического смысла: русскими называли всех православных — по меньшей мере, всех восточных славян (великороссов, малороссов, белорусов). Смысловая дистанция между словами «русский» и «российский» была незначительной, вплоть до того, что в иностранных языках эти два понятия обозначались одним словом *Russian*, и под ним имелось в виду, прежде всего, «российский», т.е. производное от названия страны. Однако часто при обратном переводе *Russian ballet* становился «русским балетом» и т.д. После того как российский язык стал называться великорусским, а затем — русским языком, все, что связано со словесностью, также точнее было именовать по названию языка. Отсюда «русская литература», хотя ее творцами были и могут быть люди разной этнической принадлежности. Так что языковой ригоризм здесь не очень уместен, хотя лично я выступаю за слово «российский» там, где речь идет о стране, ее народе, истории, науке и культуре.

Тезис о государственном языке

B.T.: В современных странах государственный язык — одна из основ для социальной, экономической, культурной и политической интеграции гражданских наций. Чтобы сограждане могли общаться между собой, понимать государственные законы и инструкции (в том числе технические регламенты и военные приказы), должен быть язык, понятный всем. <...> Переход на государственный язык — естественный процесс.

X.A.: Статус государственного языка достаточно регламентирован Конституцией и Законом «О государственном языке РФ», и примечательно то, что в первой же статье ФЗ говорится, что «обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна трактоваться как отрицание или умаление прав на пользование государственными языками республик». И то, что граждане не могут полноценно реализовать свои права, естественно, не может быть воспринято как норма. Ибо *lex est lex*, и мы должны научиться уважать свои же законы, научиться исполнять их, даже тогда, когда это не соответствует нашим политическим взглядам и прочим амбициям.

Согласно Комментариям законодателя, государственный язык призван (помимо коммуникативных функций) консолидировать население страны. И надо полагать, что «консолидировать» во все не означает «переход» на другой язык, даже если это государственный. Авторы Конституции, предвосхищая возможные извращения и толкования, в той же статье пишут о гарантиях всем народам страны прав на сохранение родного языка. В этой связи у меня возникает резонный вопрос: как этот переход может гарантировать сохранность национальных языков?

К сожалению, вокруг государственного языка мы видим много спекуляций. Дело доходит до его полного отождествления с русским национальным языком при непонимании (или неприятии) того, что это технический язык для формальных коммуникаций. Для овладения государственным языком нет нужды изучать русский национальный язык в том объеме, который предписывает действующий ФГОС — он крайне избыточен. А инвариантное изучение такого мировоззренческого предмета, как «Русская литература», всеми учениками, в том чис-

ле и нерусскими, и вовсе не имеет отношения к овладению государственным языком. Возможно, мы наблюдаем несовершенство системы образования. Тогда давайте уберем все лишнее и добавим, например, предметы типа «Литература народов России», «История народов России», «Культура народов России» и т.д.

B.T.: Опять начнем с терминологических расхождений. Уважаемый оппонент использует непонятный мне термин «русский национальный язык» как нечто отличное от русского государственного языка. Догадываюсь, что под первым имеется в виду «русский как родной язык» (появился даже в правовых текстах и в школьных программах). При этом надо понимать, что это национальный (или родной) язык людей русской этнической принадлежности. Это общераспространенное заблуждение, против которого я выступаю по ряду причин. Во-первых, как я уже объяснил, термин «русский национальный язык» — это национальный язык Российской Федерации. Его совпадение с этническим языком русских обусловлено историей нашего государства и демографической ситуацией (русские — самая большая группа населения до 1917 г., половина населения в СССР и подавляющее большинство после 1991 г.). В некоторых так называемых двухобщинных государствах часто два языка являются национальными (государственными). Если в России термин «национальный язык» повсеместно, включая научные тексты, трактуется как «этнический язык» или «язык национальности», то я лично не настаиваю на изменении данной языковой категоризации. Пусть это будет нашей российской спецификой.

Но есть еще второй момент смыслового расхождения с оппонентом. Харун Мудалилович считает вместе со многими в нашей стране, что национальный (этнический) язык и родной язык для представителя соответствующей национальности — это данность или желательная норма. Однако это не так, ибо добрая половина (если не больше) нерусского населения современной России имеют в качестве первого (материнского) языка не язык своей национальности, а русский язык. Этот выбор сделали их родители или еще более дальние предки. Для этой части населения русский язык является не «техническим языком для формальных

коммуникаций», а их основным, а зачастую — единственным языком, который они знают и которым пользуются. Винить предков живущих сегодня мордвы, марийцев, карел, бурят, калмыков, не говоря уже о евреях, украинцах, белорусах и многих других в том, что они совершили тот самый «языковой переход» (добровольно или насильственно — это другой вопрос), было бы крайне неразумно и даже неуважительно. Что было, то было. Послереволюционная Франция в XIX в. так нещадно истребляла другие языки и диалекты, кроме языка Иль-де-Франс, взятого за литературную основу, что недовольств и поныне много, но отыграть ситуацию назад — это значит совершить новые несправедливости и насилие ради достаточно умозрительной нормы: «каждый должен говорить на языке своего народа».

Из этого не вытекает, что язык большинства или государственный язык — это демиург на все времена, который подчиняет и поглощает все другие языки. Во-первых, в праве и в языковой политике имеются такие важные категории, как «региональные языки» и «языки меньшинств», которые во многих странах также получают официальный или государственный статус на той или иной отдельной территории. Есть Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств, которая устанавливает международные стандарты и некоторые контрольные механизмы для обеспечения выполнения данной хартии теми странами, которые ее подписали и ратифицировали. Есть национальные законы и программы по развитию и сохранению языков и обеспечению языковых прав граждан. Подчеркиваю: граждан, а не этносов! И здесь некоторые отечественные практики еще нуждаются в ревизии.

В чем отличие европейского подхода в вопросах о языке и языковой политике от российского? В Европе, за исключением региона бывшего влияния СССР, нет жесткой связи языка и этнической общности, и основным бенефициарием языкового законодательства и политики признается не «народ с его языком», а «языковые сообщества». Есть понятие региона преимущественного или массового распространения того или иного языка. Исходя из этого и устанавливаются нормы регионального и общегосударственного действия, которые могут быть даже

жестче, чем российские. Например, каталанский и баскские языки преподаются в обязательном порядке на всей территории соответствующих провинций Испании, а немецкоязычные жители итальянского Южного Тироля имеют право на судебное разбирательство на немецком языке во всех инстанциях вплоть до Верховного суда страны. Это именно языковые права отдельных граждан и территориальных (региональных) сообществ, которые отвоеваны в политической борьбе, в результате общественной мобилизации и научных экспертиз. Таким образом, сами по себе языки признаются значимыми, охраняемыми и поддерживаемыми государством и региональными сообществами культурными системами. Что-то похожее в смысле крена в сторону самоценности языковых систем может быть полезно и для России. «Народы России» от этого ничего не проиграют, многие россияне смогут избавиться от ложного чувства ущербности своей национальной принадлежности (идентичности), а вот сами языки непременно от такого подхода выиграют. Это совсем не призыв к изменению конституционных основ, включая наличие 37 языков со статусом государственных на уровне российских республик.

Что касается названия и содержания некоторых учебных предметов, то я здесь согласен с предложением о более гибком и вариативном подходе к преподаванию литературы и истории. Или же нужно делать более инклюзивными содержание самих этих предметов, если они должны быть стандартными для всей страны. Мне трудно понять логику «унификаторов» от образования: почему для школьников Сибири не сделать учебник по истории, отличный от варианта учебника для региона Северного Кавказа или российского Севера. Это же касается и литературного репертуара. Но вот с чем мне трудно согласиться с моим соавтором, так это с возвратом к тривиальным «истории народов России» или «литературе народов России». Воспитание молодого поколения россиян в этой парадигме я не считаю полезным и перспективным. Более перспективным считаю подход «от дружбы народов к дружному народу», этнокультурное многообразие которого нужно знать и уважать. Иначе сегодня дружим, а завтра — раздружимся.

Тезис о двуязычии

B.T.: Русско-национальное двуязычие — это хорошо, и это желательная норма для современного россиянина нерусской этнической принадлежности.

X.A.: Учитывая исторически сложившуюся многонациональность нашей страны, нет необходимости убеждать в значимости русского языка. При этом в системе полилингвального образования приоритетность русского языка даже не обсуждается. Но, как известно, для любого народа никакой язык, кроме родного, не может быть приоритетным.

В этой связи меня смущает то, что автор тезиса говорит о русско-национальном двуязычии, тогда как для сохранения и развития этнических языков и овладения государственным языком РФ было бы правильно реализовывать идею национально-русского билингвизма. Дело в том, что, говоря «русско-национальное двуязычие», ни уважаемый автор, ни государство в лице системы образования вовсе не подразумевают овладение гражданами русской принадлежности каким-либо иным национальным языком, но каждый раз предлагается изучение русского языка представителями нерусской принадлежности. Это именно тот случай, когда от перемены мест слагаемых смысл меняется, и это далеко не банальная синтаксическая ошибка. Подобная подмена понятий в итоге приводит к очень серьезным последствиям...

Один из ведущих специалистов в области социолингвистики профессор Теймураз Камболов отмечает, что «осетинский язык находится на пути планомерного и стабильного угасания», и что есть опасность «полного его выхода из употребления». И это в республике, где только два государственных языка, где, казалось бы, существует бесконфликтная, почти идеальная языковая ситуация для полилингвального образования. Что говорить тогда о многонациональном Дагестане?

Анализ современного состояния карачаево-балкарского языка говорит не только об угасании литературного языка, но и о трансформации разговорной речи. У современных носителей

заметно нарушена звуковая организация речи: почти весь фонологический корпус под влиянием русского языка стал более переднеязычным. Как следствие этого, изменения произошли и в тоническом строе, и в мелодике языка.

Особая протекция русскому языку не принесла больших дивидендов, а для национальных языков их второстепенное положение более чем опасно. В этой связи нам представляется возможным корректировать современные цели и задачи национально-русского двуязычия.

Во-первых, билингвизм не должен быть инструментом асимиляции национальных языков: все без исключения двуязычные программы должны быть лингвоэкологически, лингвосоциологически, лингвокультурно и юридически мотивированы.

Во-вторых, следует провести разграничение между государственным русским языком и русским национальным языком — у них абсолютно разные цели и задачи, и они не тождественны.

В-третьих, в системе образования обучение государственному русскому языку может и должно быть инвариантным, объем и глубина изучения должны определяться стандартами владения государственным языком. При этом русский национальный язык (как и все национальные языки) должен изучаться в рамках предмета «Родной язык».

B.T.: Если я употребил термин «русско-национальное двуязычие» вместо принятого «национально-русское», то не вкладывал в это особого смысла. Я вообще считаю данную категорию уязвимой в любой последовательности слов из-за другого понимания термина «национальный язык». Предложить что-то взамен не могу. Вместо этого отсылаю к обширным разработкам российских и зарубежных социолингвистов по разным типам двуязычия (многоязычия). Предмет «Родной язык» в школе нужен, но не так, чтобы для русских — это русский, для татар — татарский, для мордвина — мокшанский или эрзянский. Большинство российских татар и мордвы живет за пределами «своих» республик, не говорит и даже не знает языка «своей» национальности. Или мы признаем возможность несовпадения родного языка с национальностью (эта возможность записывается в качестве подсказки переписчикам со времен переписи населения 1926 г.,

когда появился вопрос о национальности), или мы начинаем осуществлять массовое насилие над очень большой частью населения, чье языковое поведение не укладывается в старые научные прописи.

Теперь об опасности ослабления позиций нерусских языков в России. Такая опасность была, есть и будет по указанным мною и соавтором причинам. Мой оппонент отмечает угасание литературного карачаево-балкарского языка и трансформацию разговорной речи под воздействием русского языка. Эти два явления относятся к категории обычных и даже приемлемых. Литературный язык — это для младописьменного языка, каким является карачаево-балкарский, совсем недавнее обретение, результат советской национальной политики. Угасание литературного языка отмечают и русисты, и специалисты по другим языкам. Сегодня все языки переживают нивелирующее воздействие глобальных культурно-информационных процессов, на них активно влияют Интернет и новые технологии, а также меняющиеся стиль мышления и речевые практики современных людей, особенно молодого поколения. В более глубокой исторической перспективе можно наверняка обнаружить как утраты, так и обретения карачаево-балкарского языка в результате языковых контактов, доминирующей языковой среды на той или иной стадии исторического развития. Известно, что довольно значительное число карачаевцев и балкарцев проживает в других странах, особенно в Турции. Там влияние османского (турецкого) языка было гораздо более сильным, а местная языковая политика вообще привела к поголовному исчезновению носителей карачаево-балкарского языка.

Насколько можно судить по данным переписи населения России 2010 г. и микропереписи 2015 г., российские карачаевцы и балкарцы почти полностью двуязычны, т.е. более 90% из них знают этнический и русский языки, а в целом в Карачаево-Черкесской Республике 96% населения используют русский язык в повседневной жизни [Тишков, Степанов 2019: 31]. Однако пользование этническим языком уступает русскому языку, за исключением, возможно, сферы домашнего общения. Это так называемый асимметричный билингвизм, при котором русский

язык с его явными преференциями выигрывает. Согласен, что эти преференции не принесли русскому языку особых выгод, но стали ли они опасными для этнических языков? Ответить на этот вопрос довольно трудно. Во-первых, выгоды от использования русского языка получили, прежде всего, этнические общности Карачаево-Черкесской Республики: все четыре государственных языка республики (карачаево-балкарский, абазинский, ногайский, черкесский) здесь сохраняются, но только государственный русский язык может быть языком межобщинной коммуникации. Этот же язык выступает ретранслятором карачаевской культуры на общероссийский и международный уровень, а очень многие представители карачаевского и других народов именно с помощью русского языка обеспечивают себе жизненное преуспеяние. Хотя можно вполне благополучно прожить жизнь только в моноязычной карачаево-балкарской среде. Но такой выбор делают очень немногие.

Тезис о нерусском моноязычии

B.T.: Нерусское моноязычие (знание только языка своей национальности) — это плохо для россиянина...

X.A.: Трудно не согласиться с данным тезисом Валерия Александровича. Но еще труднее смириться с нынешней государственной языковой политикой, которая реализуется по принципу бритвы Оккама, отсекая возможности для развития этнических языков, кроме русского. Сегодня в России русским языком владеют 99,4% населения. И в то же время «на бурятском говорит менее половины бурят, на калмыцком — менее половины калмыков, на карельском — 40% карел, или даже меньше» (данные приведены из статьи самого В.А. Тишкова). У более малочисленных народов ситуация и того хуже.

В этой связи задаешься вопросом: а не пора ли государству обратить внимание на вышеуказанный дисбаланс? Я не верю тому, что из многообразия этнических языков государству и науке нужен только один язык.

B.T.: Здесь нечего комментировать, полностью согласен с моим оппонентом.

Тезис о языке диаспоры

B.T.: Дети Солженицына выросли в Вермонте и почти забыли русский. Потому что при миграции этнический язык можно сохранить не больше, чем в одном-двух поколениях — его трудно поддерживать в узкой среде.

X.A.: Уважаемый академик, безусловно, прав в том, что язык трудно сохранить в узкой среде. При этом мы знаем, что потомки кавказских мухаджиров вот уже в течение 5–6 поколений стараются сохранить свои национальные языки в относительно удовлетворительном состоянии. Но я бы хотел обратить внимание на тот факт, что эта самая узость языковой среды равно ограничивает любые языки.

Например, народы России — не дети Солженицына, и они не эмигранты, но угроза языковой ассимиляции грозит им у себя на родине. И эта проблема в значительной степени появилась не в связи с несостоятельностью самих языков, и даже не в связи с миноритарностью некоторой их части — проблему породили системные ошибки в государственной языковой политике. И пока не поздно, нам всем (и государству, и обществу, и человеку) следует изменить отношение к нашим живым еще национальным языкам. Возрождение угасшего языка — дело трудное, материально затратное и не всегда успешное.

B.T.: Были ли системные ошибки в государственной языковой политике в нашей стране? Трудно назвать таковые, кроме волюнтаристских решений в раннесоветский период о переводе языков с одной графики на другую в короткий период времени, а также верноподданническое увлечение некоторых республиканских властей в 1960–1970-е гг. распространением русского языка в сфере образования и бюрократии. А вот ошибки и даже преступления в государственной национальной политике, как, например, насильственные депортации целых этнических групп, приводили к серьезным утратам, в том числе языка, не говоря уже о физических страданиях людей и социально-образовательных ограничениях.

Конечно, далеко не все благополучно и ныне. Недавний конфликт вокруг вопроса о преподавании родных языков выявил много нерешенных проблем и в целом тревожную ситуацию

с миноритарными языками. Конечно, есть группа сильных языков, обеспеченных статусом, демографическим потенциалом носителей, культурными, научными и информационными ресурсами, а также позитивным общественным настроем. Достаточно назвать татарский, чеченский, аварский, даргинский, якутский и еще добрый десяток нерусских языков. Но есть и языки, теряющие свои ресурсы и позиции. На мой взгляд, сохранение и даже возрождение (ревитализация) языков — дело важное и возможное. Согласен с соавтором, что это трудное, материально затратное и не всегда успешное занятие. Но я был личным свидетелем, как с помощью властей, деятелей науки и культуры, этнических лидеров за пару десятилетий этнические языки вернулись почти из небытия среди гавайцев, уэльсов, канадских индейцев и эскимосов. Образованные и позитивно настроенные россияне вполне могут решить такие проблемы.

Заключительный комментарий

X.A.: Возможно, я ошибаюсь в некоторых своих выводах, также полагаю, что был излишне эмоционален, но это лучше, чем замалчивать проблемы сохранения языков. В заключение хочется привести мудрые слова самого В.А. Тишкова: «Языковые различия вместе с другими различиями (расовыми, религиозными, духовно-ценностными и т.д.) помогают сохранять идентичность и обеспечивать связь и солидарность носителей одинаковой идентичности. Но если есть угроза языку со стороны насилистенных ассимиляторов или со стороны политиков, то возникает желание не только защитить язык, но и противодействовать разрушительной языковой политике, запрету языка или ограничению его изучения и использования».

B.T.: Как бы не было сложно отойти от эмоционального настроя в вопросах о языке, я бы в заключение призвал к реализму в оценке языковой ситуации в России. Совсем недавно стали известны итоги микропереписи населения 2015 г., согласно которым русским владеют 99,4% россиян, родным языком его назвали 86%, используют в повседневной жизни 97,4% [Тишков, Степанов 2019: 30]. Благодаря преимущественно добровольному выбору население нашей страны использует русский язык

в большей степени, чем язык, соответствующий этнической принадлежности гражданина, ибо большинство нерусского населения владеет русским языком не в меньшей, а зачастую в большей степени, чем своим этническим. Для многих из них русский язык является вторым или первым родным языком.

Очевидно, что представление о том, что у человека может быть только один родной язык, совпадающий с «этническим» языком, не отражает современную языковую ситуацию в России. Признание права на родное двуязычие, за которое мы выступаем, снимет напряжение и чувство неловкости, которое испытывают многие россияне, когда им приходится выбирать между родными для них языками отца и матери или просто между двумя в равной мере родными для них языками. Сегодня русский язык — это язык гражданской российской нации. Отрицать и не поддерживать языковое единство российского народа бессмысленно и неразумно.

Библиография

1. Биткеева А.Н. (ред.) Языковая политика в контексте современных языковых процессов. — М.: Азбуковник, 2015.
2. Михальченко В.Ю. (гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. — М.: Азбуковник, 2016.
3. Тищков В.А. Языки нации // Вестник Российской академии наук. — 2016. — Т. 86. — № 4. — С. 291–303.
4. Тищков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. — 2019. — Т. 10. — № 24. — С. 127–144.
5. Тищков В.А., Степанов В.В. Русский язык — язык гражданской нации // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая статистика / ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 2019. — С. 21–32.

Глава 2

ЯЗЫК И ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Марина Юрьевна Мартынова — д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва); martynova@iea.ras.ru

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт» № 15-18-00099п.

Российская культурная среда: единство и многообразие

Согласно Конституции РФ человеку и гражданину предоставлено право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Основной закон также гарантирует всем народам России право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Право получения образования на любом языке народов России предусмотрено федеральным законодательством. Вслед за ст. 43 Конституции РФ статья 6 «Язык (языки) обучения» Закона № 3266-1 «Об образовании» от 10 июля 1992 г. и его более поздние модификации утверждают, что «граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования» [Об образовании 1992].

На функционирование языка, на наш взгляд, оказывают влияние разные обстоятельства. Есть среди них объективные и субъективные. Прежде всего, языки России обладают разным набором социальных функций в силу численности носителей, степени компактности их расселения, наличия традиций использования языка и др. Существенным, на наш взгляд, является и такой фактор, как языковая политика. О ее стратегическом значении свидетельствует то, что языковая политика всегда была и остается полем политических дебатов. Важнейшей составляющей языковой политики является вопрос о выборе языка школь-

ного обучения. Россия на протяжении истории придерживалась разных моделей языковой политики, что находило отражение и в системе образования.

Напомним, что масштаб языкового многообразия России беспрецедентен. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. в стране зафиксировано 277 языков, по оценкам экспертов в реальности используется порядка 150 языков. Из них около 100 языков — письменные, в том числе на 59 создаются литературные произведения, издаются книги и журналы, ставятся спектакли. При этом русским языком, обладающим статусом государственного на всей территории России, владеет 98,2% населения. Кроме того, 23% владеет еще 38 языками. Остальные 114 языков распространены лишь среди 1% населения. Таким образом, наблюдается, с одной стороны, языковое единство и языковое доминирование русского языка, с другой — большое языковое и культурное разнообразие [Степанов 2010: 11].

Среди языков есть такие, на которых говорят миллионы людей, но есть и те, которыми владеют только тысячи, сотни или даже десятки человек. Закономерно, что наиболее распространены языки, которыми пользуются самые многочисленные в стране национальности. Большинство языков массового владения обладает статусом республиканских государственных языков в пределах отдельных субъектов РФ. Больше всего в России людей, говорящих на татарском (5,3 млн, 3,7% населения) и башкирском (1,4 млн, 1%) языках. Далее следуют украинский — 1,3%, чеченский (0,9%), чувашский (0,9%), армянский (0,6%), аварский (0,5%) языки. Якутским владеет 0,3% населения России [Степанов 2010: 21–22].

Конституция РФ закрепляет статус языков, функционирующих на территории страны: государственный язык РФ, республиканские государственные языки, родные языки. Государственным языком страны на всей ее территории является русский язык (ст. 68, п. 1). Конституция РФ дает республикам право устанавливать свои государственные языки и использовать их в органах государственной власти и местного самоуправления, в государственных учреждениях республик наряду с государственным языком страны. Статусом республиканских

государственных языков наделены 25 языков в 19 республиках. Их статус закреплен Конституцией РФ, конституциями республик и республиканскими законами о языках. Кроме того, некоторые языки в ряде республик не имеют статуса государственного, но обладают аналогичными функциями. Это 14 языков с наибольшим количеством носителей в Дагестане, карельский, вепсский и финский языки в Республике Карелия. Отметим, в ряде республик РФ (Карелия, Хакасия, Адыгея, Коми, Бурятия, Удмуртия, Башкирия, Алтай, Мордовия, Марий Эл, Саха — Якутия) титульные национальности составляют численное меньшинство среди местного населения, что, естественно, влияет на языковую ситуацию в этих республиках.

Особое место среди языков, на которых говорят жители Российской Федерации, занимают языки малочисленных народов. В настоящее время в список включены 54 языка [Язык 2016: 12].

Этнокультурное пространство России отличается тем, что она сложилась как государство полигэтническое и многокультурное. Этническое «небольшинство» — это прежде всего народы, живущие на «своей» территории, даже если они проживают на ней совместно с другими этническими общностями (народами). При этом субъекты РФ выделяются как по этническому принципу (республики), так и по региональному (регионы). Тем самым, несмотря на конституционно закрепленный принцип равенства всех народов, отдельные их представители в зависимости от территории проживания с точки зрения этнокультурной самореализации оказываются не в одинаковом положении: будучи равноправными гражданами государства, они могут жить в инокультурном окружении, могут быть в положении «титульного» народа в своей республике, но являться малочисленной группой в масштабах всей страны. Возможно множество вариантов интенсивности межкультурного взаимодействия для отдельной личности.

При этом в России практически нет регионов с моноэтническим составом населения. Нельзя не согласиться с академиком В.А. Тишковым в том, что мультикультурны не только сообщества, но и их члены [см., напр., *Тишков 2002: 335*]. За долгие годы существования в едином государственном и этнокультур-

ном пространстве у жителей страны выработалась общность многих черт характера и поведения. В поликультурной среде, каковой является Россия, с раннего детства люди постепенно на практике открывают для себя сходства и различия с другими. Но восприятие и трактовка поликультурного общества как мозаики, составленной из механически расположенных рядом друг с другом групп и сообществ, носителей различных языков, культур, этнических и религиозных идентичностей, ошибочна. Подобная концепция страдает статичностью в понимании культуры: она не учитывает как взаимодействие индивидов, так и последствия их контактов.

Верна мысль, что жители России имеют гораздо больше общих историко-культурных ценностей и общественно-политических установок, чем различий на основе этнического и религиозного разнообразия. Стимулом позитивного взаимодействия людей является осознание, прежде всего, того, что их многое объединяет: работа, жилищные условия, территориальная общность (дом, квартал, город, регион), исторический момент (современность), официально принятый в стране язык или языки. И лишь на втором месте по значимости стоят факторы, разделяющие индивидов (идеология, история и т.д.).

Россия — это страна с доминирующей русскоязычной культурой, русским языком владеют практически все жители нашей страны. Представители нерусских национальностей, как правило, двуязычны (либо владеют русским языком лучше, чем своим «этническим»). Во многих регионах обучение детей разных национальностей ведется на русском языке (во всяком случае, по всей стране русский язык является обязательным школьным предметом). Не случайно и многие граждане постсоветских государств выбирают сегодня местом своего пребывания или жительства Россию.

Важно учесть то, что культурные универсалии не являются застывшими сущностями. Они — живые организмы, наделенные способностью к адаптации и обновлению. Новая ситуация в российском социуме требует новых подходов. Актуальным становится и обучение жизни в поликультурной среде. Направленные на это методики стали в последние годы активно разрабатывать-

ся у нас в стране с опорой на мировой и отечественный опыт [см., напр., *Белогуров 2003; Малахов 2002; Мартынова 2013а*].

Этапы становления поликультурного образования в России

Для России с ее поликультурным и многоэтничным населением задача учета культурно-исторических традиций в образовательном процессе не нова [см. подр.: *Мартынова 2013а*]. Россия как многоэтничное и поликультурное государство имеет давние традиции образования на разных языках ее народов. Роль школьной системы в многонациональном государстве не только как института просвещения, но и как инструмента языковой и духовной интеграции народов была осознана еще в 60-е гг. XVIII в. В середине XIX в. был принят документ, регламентирующий вопросы обучения инородцев — «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», а в 1913 г. разработаны «Правила о начальных училищах для инородцев» [Свод 1883: 42].

В Москве уже в XVIII в. в особых поселениях — слободах существовали татарские, немецкие, литовские, польские школы. В 1815 г. московскими купцами-армянами был создан Лазаревский институт восточных языков. В пореформенное (1861 г.) время среди новых типов учебных заведений в Москве появляются первые конфессиональные школы (Лютеранская школа св. Петра и Павла). По данным 1913 г. число конфессиональных школ для детей иноязычного населения значительно возросло. В Москве функционировали немецкое Александровское евангелическое училище, женское французское училище при церкви св. Людовика, женское и мужское училища при польской римско-католической церкви, частное училище Шнеэрзона на Маросейке для детей евреев и несколько других учебных заведений с обучением на нерусском языке [Образование 1998: 95].

С советского периода истории страны можно говорить о целенаправленной языковой политике. С 1917 по 1935 г., согласно идеологическому контексту того времени, декларировалось равенство всех народов и, соответственно, поддерживалось просвещение на разных языках. Одним из первых законодательных актов советской власти стал документ, отражающий многонациональный состав нового государства: «Декларация

прав народов России», провозгласившая, в частности, право получать образование на родном языке. В этот период начали готовить национальные педагогические кадры, писать учебники на национальных языках, разрабатывать алфавиты для языков, не имевших своих письменностей [Национальное 1998; Жуков 2001: 210]. Появилось такое понятие, как национальная школа. Количество национальных школ в 20-е гг. XX в. увеличилось по всей стране. Появились армянские, татарские, латышские, немецкие и еврейские школы, стали открываться национальные клубы, театры, общества и землячества. Наивысший расцвет образования на родных языках в стране приходился на начало 1930-х гг.: в 1934 г. обучение велось на 104 языках.

В 1939–1940 гг. был взят курс на двуязычное образование и процесс русификации. В 1938 г. Совнарком СССР принял Декрет «Об обязательном обучении русскому языку в школах национальных республик и областей», таким образом, русский язык стал обязательным предметом во всех школах страны. Постепенно происходил отказ от принципа «школа на родном языке» и переход основной части национальных школ на русский язык обучения. После 40-х гг. XX в. в начальных классах национальных школ преподавание шло на родном языке, в средних — на двуязычной основе, в старших — на русском языке. В 1952 г. были введены новые учебные планы со значительным увеличением часов, отведенных на изучение русского языка.

Реальным поворотом к утрате национально-русского двуязычия и переходу обучения на русский язык стал Закон «Об образовании» 1959 г., в котором содержалось положение о добровольном выборе родителями языка обучения их детей. Это привело к тому, что русский язык как язык обучения в школах страны стал доминировать. В 1960-е гг. основным типом национальной школы в РСФСР становится школа с русским языком обучения и с преподаванием родного языка и литературы в качестве учебных предметов. К концу 1970-х гг. образование можно было получить лишь на 14 языках народов СССР, а число языков, изучавшихся в школах, снизилось до 44 [Мартынова 2004: 81].

Степень использования родных языков в качестве языков обучения была неодинакова. В 1988 г. в школах Башкирии и

Татарстана обучение на родном языке осуществлялось с 1-го по 10-й классы, в школах Якутии и Тувы — с 1-го по 7–8-й классы, а в школах Чувашии, Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Горного Алтая, Хакасии, Коми, Дагестана — с 1-го по 3–4-й классы. Родные языки: адыгейский, бурятский, кабардинский, балкарский, осетинский, черкесский, ингушский, калмыцкий и языки ряда коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока преподавались в школе в качестве предмета с 1-го класса [Артеменко 2011а].

К середине 1980-х гг. национальная школа практически растворилась в общеобразовательном пространстве. К чему это привело, говорят следующие цифры. В 1989 г. в СССР среди украинцев и белорусов русский язык как родной использовали 20,6% (в РСФСР — 58,9%), как второй — 55,9% (37,5%), в совокупности — 76,5% (96,4%). Среди неславянского населения СССР русским как родным владели 8,8% (в РСФСР — 19,5%), как вторым — 44,5% (66,5%), в совокупности — 53,3% (86,0%) [Кузьмин 2001].

Тем не менее, несмотря на целенаправленные и масштабные усилия по интеграции языкового пространства, которые внедряло государство через школу в 60–80-е гг. XX в., в целом следует констатировать, по-видимому, фактическую остановку в 1980-е гг. процесса расширения зоны русского языка и культуры в ряде союзных республик. Это имело глубинные основания в реальных этносоциальных, этноязыковых и этнокультурных процессах, определявших формирование и развитие идентичности.

Подходы к содержанию образования в новой России

Замечу, что в советский период истории нашей страны государство спонсировало этнические идентичности через правовые нормы и государственные институты и в то же время декларировало идею сближения народов, выравнивания их экономического и культурного развития. Все это находило отражение и в образовательной политике. В новой России 1990-х, судя по принятым документам — законам «О национально-культурной автономии», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ», Концепции государственной национальной политики

и др. — этническая политика в значительной степени определялась как политика мультикультурализма. После распада СССР заложенные в Конституции 1993 г. концепт «многонационального народа», принцип равенства представителей российских национальностей и поддержка культур были в центре строительства государства. Поддержка полиэтничности проводилась в России в том числе и в образовательной политике.

Перемены в сфере образования оказались радикальными. Одной из основополагающих стратегий развития образования стала проблема многопланового учета «этнического измерения» российского социума. В новой образовательной политике важным фактором обозначилась идея поликультурности и поликонфессиональности социального пространства. Важнейшим инновационным моментом последнего десятилетия XX в. стала вариативность развития педагогических систем и содержания образования. Принятый 10.07.1992 Федеральный закон РФ № 3266-1 «Об образовании» в качестве приоритетных принципов государственной политики в области образования провозгласил сочетание единства федерального культурного и образовательного пространства и защиты системой образования национальных культур и региональных культурных традиций в условиях многонационального государства. В результате реформы была введена модель содержания образования, состоящая из трех компонентов: федерального, национально-регионального и школьного [Об образовании 1992]. Школы с нерусским языком преподавания у нас в стране традиционно носили название «национальная школа». Закон РФ 1992 г. «Об образовании» заменил это понятие. В подзаконных актах Министерства образования Российской Федерации такие школы стали обозначаться как школы с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения.

Сходные цели и задачи были сформулированы и в утвержденной 04.10.2000 Постановлением Правительства РФ № 751 Национальной доктрине образования в Российской Федерации: «гармонизация национальных и этнокультурных отношений; сохранение и поддержка этнической и национально-культурной самобытности народов России, гуманистических традиций их

культур; сохранение языков и культур всех народов Российской Федерации; развитие образования и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; сохранение и развитие значимости русского языка как одного из объединяющих факторов многонационального Российского государства» [Национальная доктрина 2000]¹.

После распада Советского Союза для России был характерен активный поиск путей становления гражданского общества. В 90-е гг. XX столетия в посткоммунистических странах повсеместно наблюдалась активизация этнического самосознания, что сопровождалось формированием организаций и движений, в том числе и тех, которые заботились о путях этнокультурного развития, о сохранении своих языков и культур.

При этом отметим, что в российском контексте языковое образование варьирует в регионах компактного проживания представителей тех или иных этнических групп, в городах со смешанным составом населения и применительно к зарубежным мигрантам. Регионы получили возможность моделировать образовательную систему в соответствии со своими территориальными либо этническими интересами. Первые, как правило, преобладали в субъектах, имеющих территориальную основу, вторые — в республиках, выделенных по этническому принципу. Поклонники регионализации основной целью образовательного процесса считали формирование человека — носителя традиций и обычая своего народа, владеющего в совершенстве «родным» языком. В тот период данная модель соответствовала государственной политике децентрализации управления регионами и их суверенизации. Хотя время показало, что предложенная схема стала приводить к определенному противоречию между локальными, в том числе этническими и надэтническими, общегосударственными потребностями единого культурного пространства. Концепции и подходы к многогранности образования не оставались неизменными.

В начале 1990-х гг. обучение на разных языках возрождалось во всех субъектах Российской Федерации. Для образовательной политики идея поликультурного и поликонфессионального социального пространства стала в эти годы одной из базовых.

¹ Документ утратил силу на основании Постановления от 29 марта 2014 г. № 245 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ».

Востребованность системы «национального» образования оказалась достаточно высокой. По данным Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования (ЦНПО ФИРО) Минобрнауки России, количество языков, функционирующих в общеобразовательных учреждениях в качестве языков изучения и обучения, в 1989 г. составляло 55. К 2010 г. в системе государственного образования работало около 9 тыс. «национальных» школ, изучалось уже 89 языков народов России². Из них на 39 языках велось обучение. В старших классах школы языками обучения были алтайский, башкирский, бурятский, марийский (луговой), татарский, удмуртский, чувашский, эвенкийский, юкагирский, якутский и др. В качестве учебного предмета изучались азербайджанский, армянский, грузинский, казахский и еще 50 языков. При этом предмет «родной язык» преподавался на всех ступенях общеобразовательных школ (с 1-го по 11-й классы).

В системе общего образования в качестве государственного языка республики изучались следующие языки: башкирский, татарский, коми, чувашский, саха. В практических моноэтнических республиках, таких как Ингушетия, Чечня, Тува, можно считать, что изучение родного языка осуществляется в статусе государственного. Характер двуязычия в республиках, безусловно, определяет и степень бикультурности среды. Ученик, который изучал в школе родной язык и родную литературу, мог сдавать их в рамках ЕГЭ как предмет по выбору. При этом экзамен по русскому языку как государственному языку России оставался обязательным для всех.

Необходимо отметить тенденцию пусть незначительного, но все же увеличения количества национальных государственных школ, где родной язык являлся языком обучения или предметом изучения, в местах компактного проживания этнических меньшинств. Так, на территории России в 2010 г. действовали 47 армянских школ, 85 казахских, 66 азербайджанских, 19 туркменских и др. В Республике Татарстан функционировало 56 чувашских, 18 удмуртских и 9 марийских дошкольных учебных заведений. Работали 140 чувашских, чувашско-рус-

² Текущий архив Минобрнауки, 2010 г.

ских, чувашско-татарских школ, где изучали родной язык более 83 тыс. чувашских детей³. Правда, если исходить из востребованности, то языки России по-прежнему находились не в одинаковом положении. В наиболее выгодном — с полным циклом образования — русский, татарский, башкирский, якутский (рис. 2.1).

Больше всего школ с родным языком было в Татарстане, Башкирии, Якутии, Туве. При этом в Туве обучение велось на тувинском языке в 80% школ, а в Татарстане на татарском — в 53%. Число школ, где шло преподавание на родном языке, постоянно росло в основном за счет роста числа таких школ в городах. В начале 1990-х гг. их было в среднем по России около 13%, в 2010 г. — 45% [Артеменко 2011а].

На рубеже веков в некоторых регионах России сеть образовательных учреждений с обучением на родном языке значительно расширилась. Так, по данным 2010 г., в общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения составляли более 40%, Республики Башкортостан — 45%, Республики Татарстан — 60%, а Республики Тыва — 80%. Соответственно увеличивалось и количество детей, изучающих свой родной язык. В Татарстане, например, доля детей, обучавшихся на родном языке, увеличилась с 12% в 1991 г. до 50% в 2006 г., в Башкирии — до 40%⁴.

В Дагестане зафиксировано 32 языка. Специфика республики в том, что представители разных этнических групп проживают компактно, за исключением крупных городов. Поэтому ни в одной школе нет детей, говорящих на всех 32 языках. Преподавание в начальных классах велось на 14 языках, в средних и старших обучение шло на русском. В Дагестане ряд языков не имеет письменности, например, андийский. Дети, которые говорят на этом языке, идут в школу, где обучение ведется на аварском письменном языке. Учитель обычно знает оба языка и использует сравнительно-сопоставительный анализ [Артеменко 2011б].

³ Текущий архив Минобрнауки, 2010 г.

⁴ Там же.

Рис. 2.1. Число национальных школ с обучением на родном языке

Этнокультурное образование

Как правило, школы с родным (нерусским) языком обучения ориентированы на обучение детей разных национальностей в первую очередь в регионах их компактного проживания. Принятый в 1996 г. Закон РФ «О национально-культурной автономии» поощрил создание общественными объединениями негосударственных дошкольных, общеобразовательных и профессиональных учреждений образования с обучением на национальном (родном) языке. В законе отмечалось, что национально-культурные автономии вправе вносить в федеральные и местные органы исполнительной власти предложения о создании классов и учебных групп с обучением на национальном (родном) языке в государственных образовательных учреждениях или отдельных государственных, муниципальных образовательных учреждений с обучением на русском языке и углубленным изучением национального (родного) языка, национальной истории и культуры [О национально-культурной автономии 1996: ст. 4 и 11].

Тогда школы с преподаванием на разных языках стали создаваться не только в регионах компактного проживания тех или иных народов, но и в условиях иноэтнического окружения. Например, в Оренбургской области родной язык как предмет изучался в 146 школах. А с учетом факультативов и кружков этнокультурный компонент образования в этом регионе использовали более 200 школ, в том числе с татарским языком —

более 90, казахским — 55, башкирским — 47, мордовским — 17, чувашским — 6. Количество детей, охваченных всеми видами обучения, составляло более 14 тыс.

Интересен в этом отношении опыт Москвы. Этнокультурная ситуация, сложившаяся к концу 80-х гг. XX в. в России и в Москве в частности, привела к тому, что в городе стали создаваться школы с обучением детей на разных языках, с включением в программу предметов по истории и культуре того или иного народа. Первые такого рода учебные заведения были созданы для детей мигрантов. В 1988–1989 гг. в Москву на реабилитацию прибывали группы молодежи из Армении, которая пострадала от землетрясения. Для них в реабилитационном центре Республиканской детской клинической больницы в 1988 г. при поддержке правительства Москвы была открыта воскресная школа. Затем был создан детский сад для грузинских малышей. В 1989 г. детский сад был преобразован в школу (учебно-воспитательный комплекс № 1680) с грузинским компонентом образования, а воскресная школа — в учебно-воспитательный комплекс с поликультурным компонентом образования (№ 1650). В этой школе зародились и позднее начали самостоятельную жизнь учебные заведения с грузинским, армянским, корейским, татарским компонентом, культурно-образовательные центры: дагестанский, польский, украинский, цыганский. Таким образом, с конца 1980 гг. в Москве стала складываться особая этнокультурная подсистема образования в условиях многоэтничного города. В этот период темпы роста числа таких школ были очень высокими. К 1998 г. их в мегаполисе насчитывалось уже 47 [Интеграция 2008: 21].

В соответствии с программой «Столичное образование-1», принятой в 1994 г., были разработаны Концепция содержания образования московских школ с этнокультурным компонентом образования и Программа развития этнокультурного образования на 1994–1998 гг. Главной задачей сферы этнокультурного образования в то время столичным властям и педагогам виделась потребность «выстроить такую образовательную подсистему, которая с максимально возможной полнотой в реальном масштабе времени начала бы удовлетворять самые насущные

этнокультурные и этнообразовательные потребности жителей столицы» [Концепция 1995]. В 1997 г. были утверждены Положение об общеобразовательной школе с этнокультурным (национальным) компонентом образования и Положение о дошкольном образовательном учреждении с этнокультурным (национальным) компонентом образования. Программа развития этнокультурного образования в Москве на 1998–2000 гг. вошла составной частью в программу «Столичное образование-2». В соответствии с ней в Москве было открыто еще 15 учреждений этнокультурного образования, в том числе несколько школ и детских садов с русским этнокомпонентом.

Принятый в 2004 г. закон «Об общем образовании в г. Москве» утвердил принципы создания и функционирования государственных образовательных учреждений с этнокультурным компонентом образования. Согласно этому закону такие школы — один из видов «государственных образовательных учреждений, реализующих общеобразовательные программы» [Об общем образовании в городе Москве 2004: ст. 5].

В Москве в то время программы этнокультурного компонента реализовывали более 70 образовательных структур, в которых обучалось свыше 20 тыс. детей. Двадцатилетний срок существования подобных заведений в столице показал как достоинства, так и недостатки этнокультурного обучения. Успеху работы образовательных учреждений с этнокультурным компонентом в значительной степени способствовало то, что в них работали высококвалифицированные специалисты, энтузиасты своего дела. Поэтому образовательные стандарты в школах с этнокомпонентом были часто выше, чем в других школах. Дети попадали в них после конкурсного отбора. Классы были меньше по численности. Следовательно, была возможность уделить каждому ребенку больше внимания, чем в обычных школах. Образовательные программы учебных заведений с этнокультурным компонентом были нацелены на приобщение учащихся к этническим культурным и нравственно-этическим ценностям. Они имели ярко выраженную гуманитарную ориентацию. Коллективы этношкол, как детские, так и педагогические, оказались высоко востребованным ресурсом для проведения всевозмож-

ных городских, федеральных и международных проектов по внедрению инновационных методов обучения, интернациональному воспитанию, проведению фольклорных фестивалей и праздников. То есть по меньшей мере часть учреждений с этнокомпонентом можно было отнести к числу нерядовых и престижных образовательных центров.

От этнокультурного к поликультурному образованию

Согласно концепции этнокультурного образования, созданной в первой половине 1990-х гг., его содержание должно было решать три взаимосвязанных задачи: обеспечить личности возможности самоидентифицироваться как представителю той или иной этнической культуры и традиции; создать условия для включения личности в общероссийский и общерегиональный стандарт образования; обеспечить интегрированность личности в современную мировую цивилизацию [Концепция 1995: 5–6].

С проблемой соотношения этих трех составляющих была тесно связана постановка целей и задач образования, в том числе его этнокультурного компонента. Вводя этнокультурный компонент, мы можем преследовать различные цели: интеграцию представителей различных этнических и конфессиональных групп в единое общество гражданского типа, основанное на признании культурного плюрализма, или решать задачу автономизации этнокультурных и этноконфессиональных общностей, превращения их в культурные анклавы. Промежуточное положение занимает тип этнокультурного образования, целью которого является культурное обособление меньшинства по отношению к большинству в сфере языка общения, семейных традиций и т.д.

Как показывает контент-анализ содержания школьных программ, их направленность, в том числе в части этнокультурологической составляющей, во многом зависит от типа учебного заведения и преподаваемых там предметов. Например, по данным доцента Пензенского госуниверситета О.В. Черновой, проводившей свое исследование до упразднения национально-регионального компонента в школьном образовании, в «обычной» общеобразовательной школе дополнительные курсы и факультативы были нацелены преимущественно на углубленное

изучение стандартных учебных программ. В лингвистической гимназии, где основательно изучались западноевропейские языки, а также культуры народов этих стран, программы культурологического цикла составляли 80%. При этом обширные знания о зарубежной культуре наряду с недостаточными знаниями о своей, по мнению автора, способствовали формированию «комплекса неполноценности» в отношении своей страны и культуры. В школе, работавшей по программе «Русская школа», культурологические программы были нацелены на четкое осознание учащимися своей этнокультурной идентичности, принадлежности к российской цивилизации, включающей много нардов [Чернова 2002: 356–357].

На определенном историческом этапе школы с этнокомпонентом оказались востребованными, это был социальный заказ жителей страны. Одним из адресатов учебных заведений с этнокомпонентом являлась старожильческая часть представителей разных этнических групп, которая была заинтересована в сохранении определенных традиций и языка своего народа. Некоторые языки, преподававшиеся в этих школах (например, корейский), не будучи разговорными для семьи школьника, изучались практически как иностранные. Наряду с этим важной и достаточно новой проблемой для российских школ стала адаптация мигрантов. Было отмечено, что их изоляция в условиях разделенного обучения может повлиять на дальнейшую социализацию ребенка. В ряде российских школ в начале 2000-х гг. велась серьезная работа по преодолению недавно приехавшими детьми адаптационного порога. В то же время констатировалось, что пришло время принимать меры, препятствующие созданию в недалеком будущем этнокультурных и этноконфессиональных анклавов в столице.

Интеграционные процессы современности, миграционные и социальные особенности страны конца 1990-х гг. — начала XXI в. во многом изменили ситуацию с этнокультурным образованием. В Концепции его дальнейшего развития, в частности в Москве, отмечались следующие черты, присущие, по мнению экспертов, современному моменту: «Нарастание различий между москвичами разных национальностей и новыми мигрант-

скими, в том числе диаспорными, группами и сообществами, не интегрированными в московский социум, возникновение в результате этого заметных социокультурных барьеров между москвичами-старожилами и мигрантами, ставшими жителями Москвы в конце 1990-х — начале 2000-х гг.; существенное изменение мотиваций и целей миграций в Москву: падение роли образовательно-культурных мотиваций за счет чисто экономических, стимулирующих приток трудовых мигрантов; появление в некоторых сообществах недавних мигрантов тенденции к формированию замкнутых корпоративных групп по этническому признаку в качестве ответной реакции на случаи этнической дискриминации мигрантов; снижение уровня толерантного восприятия культурных и конфессиональных различий и соответственно распространение ксенофобских настроений, граничащих с экстремизмом...» [Концепция 2007: 20–21].

Новые тенденции, как считали авторы Концепции, снижали традиционно высокий уровень межкультурной интеграции в Москве, разрушали привычные образы общемосковской идентичности и ценности единой московской соционормативной культуры. Московская идентичность стала противопоставляться идентичности этнических меньшинств [Концепция 2007: 21]. Оценивая накопленный опыт, было принято решение о том, что в условиях появления в Москве больших групп неадаптированных инокультурных мигрантов этнокультурное образование ни по содержанию, ни по функциональному назначению не может ограничиваться воспроизведением этнокультурного многообразия. Кроме того, такие программы реализовывались в небольшом по московским меркам количестве школ, не затрагивая в целом образовательное пространство массовых школ. Это привело к корректировке целей и задач этнокультурного образования в Москве в направлении поликультурного просвещения всех участников образовательного процесса — учеников, учителей и родителей в масштабах всей сети образовательных учреждений столицы [Интеграция 2008: 41].

В соответствии с новой Концепцией дальнейшего развития этнокультурного (поликультурного) образования в Москве «цель этнокультурного образования в современных условиях — воспита-

ние российской и московской идентичности, гражданственности и патриотизма независимо от национальной принадлежности учащихся. Этнокультурная составляющая образовательного процесса должна быть нацелена на формирование позитивной этничности, межкультурной компетентности и толерантности учащихся, воспитание личностных установок культуры мира, межнационального диалога и согласия» [Концепция 2007: 17–40].

Согласно Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации, принятой в августе 2006 г., к приоритетам политики в области образования принадлежали: удовлетворение этнокультурных и языковых образовательных потребностей народов России в сопряжении с сохранением единства федерального культурного, образовательного и духовного пространства, консолидация многонационального народа России в единую политическую нацию, формирование в корреляции с этнической самоидентификацией общероссийского гражданского сознания, обеспечение качественного образования детей, обучающихся на языках народов России [О концепции 2006].

Усложнение культурного многообразия России и образование

В XXI в. культурное многообразие России стало еще более сложным, так как она стала страной, привлекательной для мигрантов. Хотя контекст внешних миграций для России — достаточно новое явление, она вышла на второе место в мире по объемам иммиграции после США. Проблемы социально-психологической и культурно-языковой адаптации детей зарубежных мигрантов стали актуальными и для школьного образования, их острота нарастает по мере поступления в российские школы все большего числа детей, ассоциирующих себя с другими языками и культурами.

Миграционная нагрузка на образовательную систему значительно увеличилась не только вследствие роста зарубежной миграции, но и за счет того, что многие ранее прибывшие мигранты, в течение нескольких лет адаптировавшиеся в новых

условиях, стали массово привозить свои семьи из мест «исхода». Около трети мигрантов сегодня приезжают с детьми. Желание взять их с собой, невзирая на многочисленные трудности, часто является косвенным свидетельством намерений мигрантов в дальнейшем переехать в Россию жить постоянно. По исследованиям Центра миграционных исследований, дети мигрантов, выросшие в России, имеют гораздо больше шансов интегрироваться в российское общество, чем их приехавшие на работу родители. Более того, как правило, и родители, чьи дети живут с ними в России и посещают здесь школы и детские сады, легче преодолевают трудности интеграции и в большей степени ориентируются на постоянное проживание в России. Среди них хотели бы навсегда остаться в России, получив гражданство, больше трети (36%), тогда как среди всех мигрантов эта доля не превышает 25–26%⁵.

Отечественный и мировой опыт показывает, что при значительных миграционных потоках только сфера образования и воспитания способна обеспечить социокультурную и, прежде всего, языковую адаптацию детей мигрантов и тем самым в значительной мере предотвратить маргинализацию этих слоев общества. Важным компонентом при реализации проектов интеграции мигрантов является обучение детей мигрантов русскому языку, поскольку знание языка является первым шагом к их успешной адаптации, позволяет контактировать не только внутри своей этнической общины, уменьшает чувство беспомощности и зависимости. Целями обучения, наряду с образовательной задачей, являются включение детей мигрантов в новое для них социальное и культурное пространство, воспитание установок уважения к российским традициям, создания возможности реального участия этой части молодежи в жизни страны.

В соответствии с п. 3 ст. 62 действующей Конституции Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства наделены в РФ правами и обязанностями наравне с гражданами Российской Федерации. В образовательном контексте это означает, что, исходя из ратифицированной Россией Междуннародной конвенции ООН по защите прав ребенка, других международно-правовых документов, российского за-

⁵ Данные опросов Центра миграционных исследований, 2010 г.

конодательства, в частности Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Устава города Москвы, обучению в образовательных учреждениях подлежат все проживающие в Москве дети, в том числе дети мигрантов школьного возраста, независимо от правового статуса пребывания в мегаполисе их родителей.

Сам факт необходимости внимания к образованию мигрантов мало у кого сегодня вызывает сомнение. В этом отношении российская образовательная политика соответствует международным стандартам. Она не раз становилась предметом обсуждения на совещаниях разных уровней. Например, в 2000-е гг. этому был посвящен ряд заседаний коллегии Департамента образования г. Москвы. Накопленный опыт находил свое отражение в целевых программах правительства Москвы по вопросам межнациональных отношений и миграционной политики. Более того, именно усилиями Департамента образования г. Москвы одной из задач Московской городской миграционной программы на 2008–2010 гг. стала «адаптация и интеграция иммигрантов на основе взаимоуважения к культуре, религии, обычаям, традициям и жизненному укладу жителей города»⁶.

Как уже было сказано, недостаточное владение русским языком является одной из проблем, с которой сталкиваются дети иммигрантов, прибывших из государств, ранее входивших в состав СССР. Как отмечают эксперты, для большинства мигрантов «новой волны» характерно слабое знание русского языка, а многие из вновь прибывающих детей не владеют им вообще.

Опыт других стран, принимающих мигрантов, показывает, что организация широкой сети бесплатного обучения государственному языку детей и взрослых способствует включению мигрантов в процесс социальной коммуникации, преодолению их групповой замкнутости. Поэтому одним из путей решения этой проблемы в России стали специальные программы обучения мигрантов русскому языку на базе средних школ с тем, чтобы они в дальнейшем имели возможность свободно обучаться в общеобразовательных школах.

⁶ Утверждена Постановлением правительства Москвы «О Московской городской целевой миграционной программе на 2008–2010 годы» от 21.08.2007. № 711-ПП.

С 2000 г. в московских школах велось обучение по программе «Русский как иностранный» (РКИ). Методическое сопровождение осуществляла кафедра международного образования Московского института открытого образования (создана в 1999 г. на базе Центра межнационального образования). Ею были подготовлены учебные пособия и методические комплекты. Стал преподаваться курс переподготовки учителей-словесников по программе преподавания русского языка как иностранного. В 2000 г. был подписан меморандум о сотрудничестве между правительством Москвы и российским представительством Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), закрепивший это начинание. Его поддержало и ЮНЕСКО [Интеграция 2008: 50–51]. На протяжении пятидесяти лет в рамках международного проекта отрабатывались подходы к системной подготовке к обучению детей мигрантов в русскоязычной школе. Вопросы интеграции детей мигрантов средствами образования неоднократно обсуждались на коллегии Департамента образования г. Москвы. Было принято решение считать работу по социокультурной интеграции этой категории детей одной из приоритетных для системы московского образования. В марте 2006 г. Департаментом образования утверждена «Программа интеграции детей зарубежных мигрантов в московскую образовательную среду и их социокультурной адаптации к условиям столичного мегаполиса». Была создана сеть школ русского языка — базовых центров, которые были призваны решать задачи как разноуровневого обучения русскому языку по методике РКИ, так и стать интеграционными курсами, обучающими основам российского законодательства, истории, культуры, способствовать формированию у вновь прибывших детей российской идентичности, оказывать психологическую поддержку, проводить информационную работу с родителями. В 2006–2007 гг. в Москве в экспериментальном режиме работали 10 таких школ в разных округах в режиме полного дня. Продолжительность обучения — один год. Затем дети продолжали обучение в обычных школах по месту жительства. Переняли опыт Москвы и школы Санкт-Петербурга.

В целом применение подобного рода адаптационных программ соответствует международным стандартам. Очевидно,

что задачи адаптации мигрантов и их интеграции в культурное пространство страны наиболее эффективно решаются путем организации системного образовательного воздействия на детей и подростков, которым гораздо легче воспринять традиции и правила социальной жизни на новом месте, нежели старшему поколению мигрантов. Таким образом, в первом десятилетии XXI в. вслед за развитием сферы этнокультурного образования отечественные педагоги приступили к созданию сети учреждений, осуществляющих комплексную языковую и социально-культурную адаптацию детей мигрантов [об интеграции мигрантов см.: *Мартынова 2007; Мартынова 2008; Мартынова 2010; Мартынова 2013б*].

Новые тенденции и подходы

В 2007 г. на основании Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» от 01.12.2007 № 309-ФЗ был ликвидирован так называемый национально-региональный компонент в образовании. В российских регионах и, прежде всего, в республиках неоднократно высказывались требования законодательно его восстановить. Отметим, что, с одной стороны, этот компонент спровоцировал некоторые общественные разногласия, поскольку способствовал воспитанию этнически ориентированной личности. С другой стороны, он все-таки позволял удовлетворить потребности населения в изучении и поддержании региональных языков и культур.

Произошел также ряд других изменений в сфере образования. Этому способствовала некоторая корректировка национальной и языковой политики в стране в целом. Как уже было отмечено, Правительство России 25 августа 2013 г. утвердило федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014–2020 гг. [Постановление 2013]. О внимании к роли государственного русского языка свидетельствует ряд решений на высшем уровне. Так, в 1996 г. Правительством РФ была утверждена на 2001–2005 гг. целевая программа «Русский язык». В 2000 г. был восстановлен

ликвидированный в 1997 г. Совет по русскому языку при Правительстве РФ, в 2005 г. был разработан новый вариант закона-проекта «О государственном языке РФ».

«Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации», утвержденная Указом Президента РФ 19 декабря 2012 г. на период до 2025 г., рассматривает языковую политику в качестве одного из главных политических направлений стратегического развития страны. В ней, в частности, сказано: «Культурное и языковое многообразие народов России защищено государством. В Российской Федерации используются 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 — в качестве языка обучения, 59 — в качестве предмета изучения» [Стратегия 2012].

Как известно, 14 августа 2018 г. вступил в силу принятый в окончательном чтении 25 июля Государственной Думой и подписанный 3 августа Президентом РФ Владимиром Путиным закон, дающий школьникам и их родителям право выбирать, какой язык будет изучать ребенок в качестве родного [Об образовании 2012]. Русский язык закон тоже включает в перечень для изучения в этом качестве. Предмет «Родной язык» остается в обязательной части учебных планов, а не переходит в факультативную составляющую, что особо подчеркивают авторы закона.

Против первоначальной версии законопроекта выступали и власти, и общественность во многих республиках, в частности, в Татарстане, Кабардино-Балкарии, Чечне, Калмыкии, Северной Осетии. Не прекратились дискуссии и сейчас. Нарекания вызвал тот факт, что закон закрепляет за гражданами право не изучать языки национальных республик, в которых эти граждане живут. По мнению значительной части национальных активистов, переход изучения языков на добровольную основу повлечет за собой утрату культуры народа. Местные элиты и этнонациональная интеллигенция республик восприняли действия Центра как принижение статуса их языков. Именно поэтому республики крайне болезненно отреагировали на решения властей, посчитав, что тем самым Москва ставит под угрозу само существование титульных языков республик. Авторы же инициативы о праве на выбор языка полагают, что закон положит конец принуждению

детей к изучению в качестве родного языка, который родным для них не является. Большой резонанс в стране вызвали слова Президента РФ В.В. Путина в июле 2017 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле о том, что недопустимо заставлять кого-либо учить неродной язык. Россия была ввергнута в полемику о языках, общественная дискуссия по этому вопросу развернулась по всей стране.

В июле 2017 г. Минобрнауки РФ было поручено проверить ситуацию с преподаванием языков в восьми республиках России (из 22), где республиканские государственные языки изучались в школах в обязательном порядке. Это — Татарстан, Якутия, Ингушетия, Калмыкия, Северная Осетия, Марий Эл, Чувашия, Коми. В остальных республиках языки титульного населения изучались добровольно. В регионах прошли прокурорские проверки. Генпрокуратура проверила добровольность изучения языков народов РФ в регионах России и обнаружила нарушения во всех национальных республиках. Но самое большое количество жалоб родителей школьников на принудительное обучение национальному языку и уменьшение часов русского языка зафиксировано в Татарстане, Башкирии, Якутии и Чувашии. По итогам проверки прокуратура направила представления о вынесении штрафов и должностных взысканий. Минобразования РФ разработало методические указания, согласно которым изучение государственного языка республики будет добровольным, более жестко отрегулировало образовательные стандарты и установило объемы изучения родного и государственного национальных языков.

Родители школьников, ранее недовольные обучением их детей национальным языкам (акции русскоязычных родителей в Татарстане и Башкирии периодически повторялись с 2011 г.), начали еще активнее писать отказы. В то же время в Башкирии прошло несколько митингов в поддержку башкирского языка. В Татарстане также прошли митинги с требованием вернуть обязательное преподавание татарского языка в школах. Педагоги Чечни высказали мнение, что факультативное обучение не сможет обеспечить базового знания родного языка. Они говорили и о том, что желательно изучение языка «титульной нации» всеми жителями Чечни. Президиум парламента Кабардино-Балкарии поддержал обращение Госсовета Татарстана о необходимости

«сохранить право изучения родного языка в обязательной части школьной программы для всех народов России». В Нальчике 26 июня 2018 г. прошло заседание представителей общественных движений, преподавателей, учителей и правозащитников. Общественная дискуссия по языковому вопросу возобновилась в Чувашии и Коми. Активисты из Северной Осетии обратились к Президенту РФ Владимиру Путину с просьбой оставить осетинский язык обязательным для изучения в школах республики. В 2014 г. они уже обращались к властям с просьбой не принимать поправки к закону о родных языках, согласно которым для дополнительного изучения можно будет свободно выбирать родной язык⁷.

Как сторонники, так и противники этнокультурного образования обычно приводят «весомые» аргументы, обосновывая свои точки зрения. Как пример того, что принцип добровольности изучения языков в республиках правилен, академик В.А. Тишков описывает ситуацию в северных нефтегазовых поселках Республики Коми, где почти не проживают представители титульного народа, но в школьной программе коми язык был обязателен. В.А. Тишков разъясняет: «Чем были недовольны часть учеников и их родители? Не только тем, что приходилось тратить школьное время на изучение языка, который мог быть довольно труден для освоения и ничего, с точки зрения некоторых родителей, не добавлял для финальной школьной аттестации и для вступительных вузовских экзаменов. Даже освоив республиканский государственный язык и оставшись проживать в регионе, применять его в повседневной жизни особой нужды не было: все вокруг говорят на русском. Это, например, характерно для Северной Осетии и Мордовии, где подавляющее большинство жителей дома и на работе использует русский язык. Особое недовольство вызывала ситуация у тех, кого можно условно назвать «двойными меньшинствами», т.е. у представителей нерусской национальности, проживающих как бы не в «своей» республике. Тогда ученик-ингуш, проживающий в Пригородном регионе Осетии, должен был обязательно изучать в школе осетинский, а не родной ингушский, а чuvаш в Татарстане — изучать татарский, а не чuvашский, и т.д. От этой части

---

⁷ О ситуации в Северной Осетии см. подробнее в главе 4 настоящей монографии.

жителей республик и было больше всего жалоб. Но высказывали недовольство самые разные категории, в том числе и татары в Татарстане, и башкиры в Башкирии, которые хотели бы иметь больше учебных часов для подготовки к ЕГЭ» [Тишков 2017].

А исполнительный директор Региональной общественной организации «Национально-культурная автономия удмуртов Республики Татарстан» Марина Иванова не согласна и задается вопросом, почему нельзя считать татарский язык языком межнационального общения на территории Татарстана? По ее словам, многие удмурты в РТ знают татарский язык. В языке татарстанских удмуртов, говорит активистка, присутствует большое количество тюркизмов, да и вообще их речь очень близка к татарской (из материалов СМИ).

Создалась парадоксальная ситуация: ущемленными в правах себя считали как сторонники, так и противники изучения национальных языков в школах. По данным ВЦИОМ, опубликованным на сайте организации 27 ноября 2017 г., за обязательное преподавание национальных языков в школах республик РФ выступили 33% россиян. Еще 56% опрошенных были уверены, что национальные языки должны быть дополнительным предметом на выбор родителей и школьников. Только 8% заявили, что такого предмета вообще не должно быть в школе, а 3% затруднились с ответом. Считают, что в основном преподавать национальные языки нужно в начальной и средней школах соответственно 60% и 58% респондентов. С проведением таких уроков в старшей школе согласен 41% опрошенных. Возникшее в стране общественное напряжение, связанное с ограничениями языкового и этнокультурного образования, довольно существенно. В российском образовании идет поиск оптимального сочетания изучения русского языка при сохранении и поддержке языкового разнообразия жителей России⁸.

Судьба «родных языков» и реакция на реформу в регионах

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что педагогические технологии требуют особой взвешенности подходов. В России в разные периоды истории отношение к этнокультурному обра-

⁸ Сайт ВЦИОМ 27 ноября 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8804/>

зованию и так называемым «национальным» школам менялось. Новый закон «Об образовании» касается изучения родного языка как предмета, а не языка, на котором ведется обучение. Но представляется, что эти две образовательные составляющие взаимосвязаны и являются звенями одной цепи. Оценивать работу нового закона и новых подходов можно будет спустя некоторое время. Пока же отметим, что дискуссии вокруг проблемы родного языка подстегнули интерес к изучению и развитию всей палитры языков народов России. На проблему отреагировали власти как в центре, так и в регионах, стали развиваться институты общественного управления системой образования.

Особое внимание вызывает тема изучения детьми государственных языков республик. В Татарстане, как пишут СМИ, языковой вопрос станет ключевым для депутатов нового созыва Государственного совета. Министерство образования и науки республики говорит о проработке методики обучения татарскому языку русскоязычных детей. О серьезности подхода свидетельствует тот факт, что Государственным советом РТ принято решение об открытии 1 сентября 2020 г. полилингвального комплекса на базе казанской школы № 165. К 2022 г. в Татарстане должно появиться шесть полилингвальных школ в пяти городах: две в Казани и по одной в Альметьевске, Елабуге, Нижнекамске и Набережных Челнах. Обучение в них будет вестись на трех языках: татарском, русском и английском. Подготовка педагогических кадров ведется по специальной программе на базе Казанского федерального университета. В Казани 27–30 августа 2018 г. прошел фестиваль национальных литератур народов России, на круглых столах которого обсуждались современные тенденции и состояние развития национальной литературы, проблемы перевода с национальных языков. Татарстан потратит почти 28 млн руб. на новые учебники по татарскому языку. 12 ноября 2018 г. в республике запустили первый детский телеканал круглосуточного вещания на татарском языке. Создан сайт, на котором можно будет смотреть канал в России и за рубежом. В Казани 28–30 октября 2018 г. прошел молодежный конкурс песен на родном языке для коренных народов «Амадины»⁹.

---

⁹ Подробнее о ситуации в Татарстане см. в главе 3 настоящей монографии.

В Башкирии утверждена Программа развития родных языков. На нее в 2019–2024 гг. предполагается выделить более 683 млн руб. (на русский язык – 32 млн, на башкирский – 172 млн и на остальные – еще 478,7 млн). Создана ассоциация учителей башкирского и родных языков. Председатель Кабинета министров Чувашии подписал указ о том, что авторы лучших детских книг на чувашском языке получат денежные призы в размере 200 тыс. руб. Конкурс прошел в седьмой раз.

В Удмуртии в нескольких городах и районных центрах с октября 2018 г. стартовали курсы удмуртского языка. Организаторами обучения выступили Ассоциация учителей удмуртского языка «Выжы», Удмуртский государственный университет и Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. В Москве 27 ноября 2018 г. впервые праздновался Всемирный день удмуртского языка. Мероприятие приурочено к принятию закона Удмуртии о государственных языках и иных языках народов Удмуртии, благодаря которому удмуртский язык получит статус государственного в УР. В Сыктывкаре (Коми) 25–26 октября 2018 г. состоялась VI Международная конференция «Родные языки в условиях двуязычия». В Карелии опубликована азбука в стихах на ливвиковском наречии карельского языка.

В Дагестане появилась Ассоциация учителей родных языков и литератур. В Ботлихском районе Дагестана 14–15 июля 2018 г. состоялся уже второй Республиканский слет учителей аварского языка. Он собрал, по данным пресс-службы администрации г. Махачкалы, более тысячи педагогов из 32 муниципальных образований республики. Республиканский фестиваль родного языка прошел в Дагестане в феврале 2019 г. В Дагестанском государственном университете разрабатываются онлайн-уроки по родным языкам. Планируется записать онлайн уроки по семи языкам. Они предназначены для повышения квалификации учителей родных языков. Для повышения интереса детей к изучению родных языков в Дагестане создаются анимированные азбуки лезгинского, аварского, лакского, кумыкского, даргинского, чеченского, ингушского, осетинского, кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков, их озвучат дети. В Ингушетии также разрабатывается мобильное приложение с

уроками ингушского языка. В Карачаево-Черкесии на научно-практической конференции «Табуловские чтения» в ноябре 2018 г. более 100 ученых и педагогов представили доклады, посвященные проблеме изучения абазинского языка. В Осетии стали выпускать обучающие мультфильмы на осетинском языке.

Народы Севера и Сибири тоже активизировали деятельность по развитию и сохранению языков. Наиболее успешна в плане обучения на родных языках Якутия. Здесь еще раньше существовал Совет по языковой политике при главе республики, создано специальное Управление по вопросам языковой политики. Работают программы в сфере образования и культуры.

Среди летних детских лагерей Югры самым популярным летом 2018 г. было этностойбище «Нумсанг ёх» («Мыслящие люди»), где впервые проводилась языковая смена. Ее главной целью было стремление погрузить детей в хантыйскую языковую среду. Большинство детей до приезда в лагерь не говорили по-хантыйски, некоторые знали лишь отдельные слова. Занятия по специальной программе позволили им преодолеть языковой барьер и вызвали желание продолжить занятия в будущем. Ко дню тувинского языка детский литературный сайт «Радуга Тувы» представил новую серию «Российская классика на тувинском языке». В Хакасии объявили конкурс на сочинение на родном языке.

Очевидно, что в свете современных реформ и дискуссий позиции родных языков только усилились. В частности, это касается коренных малочисленных народов Севера, так как местные власти теперь обязаны создавать условия для изучения их языков. Научная группа культурологов (лингвистов) Сибирского федерального университета на основе полевых материалов разрабатывает письменность для энцев, малого народа Красноярского края (срок окончания проекта — 15 декабря 2019 г.). На сегодняшний день энцы — практически единственный таймырский северный народ, не имеющий юридически зафиксированной письменности. (В 1986 г. Наталья Терещенко опубликовала проект энецкого алфавита, основанного на лесном диалекте языка). В Красноярском крае готовят учебники эвенкийского языка, там впервые за несколько десятилетий подготовят

учителей эвенкийского языка. На Таймыре выберут лучшего учителя родного языка. В Хабаровском крае изданы учебники по нивхскому, удэгейскому и ульчскому языкам.

Больше внимания изучению различных языков стали уделять не только в республиках. В частности, в Ульяновской области на конференции педагогов родных языков, состоявшейся 20 августа, глава области Сергей Морозов предложил запустить проект по изучению родных языков народов региона на разговорном уровне. Здесь планируется организовать дистанционную школу по продвижению родных языков. Курсы родных языков стартовали в Ставрополе (изучаются грузинский, черкесский, абазинский языки)¹⁰.

VI фестиваль языков прошел 24–25 ноября 2018 г. в Великом Новгороде. Состоялись презентации самых разных языков: нанайского, грузинского, эсперанто, марийского, польского, сербского, китайского, бурятского и многих других.

Общество тоже может повлиять на выбор детьми своего родного языка. Например, со ссылкой на министра образования и науки Республики Ирину Азимову 16 января 2018 г. ТАСС сообщил, что в Северной Осетии 99% родителей школьников выбрали осетинский язык для изучения детьми по предмету «Родной язык». В то же время в Башкирии в 2018–2019 учебном году башкирский язык в качестве родного изучали 15,6% школьников, татарский — 9,45%, а русский — 63,05% [Почти две трети 2018]. Мариийский язык как родной будут изучать 10% школьников Марий Эл [Мариийский язык 2018]. В Татарстане татарский язык как родной выбрали 68% школьников, образование на татарском языке в РТ получают 70 тыс. детей. Русский как родной выбрали 30% учащихся РТ. Еще 2% школьников выбрали другие языки: чувашский, марийский, мордовский, иврит и др.

Говоря о перспективах жизни языков, необходимо отметить стремление к расширению роли и функций национальных языков в республиках Российской Федерации, к возрождению их бытования на разных уровнях. Велика в этом роль как местного руководства, так и общественности.

О реакции федеральной власти на проблему языкового многообразия России свидетельствует тот факт, что Президент РФ

¹⁰ Данные получены в ходе опроса и из материалов СМИ.

В.В. Путин 26 октября 2018 г. подписал Указ о создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов РФ. Учредителями Фонда являются Минпросвещения России и Федеральное агентство по делам национальностей, фонд формируется за счет бюджетных ассигнований. Цель создания фонда, по словам В.В. Путина, — создание условий для сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, являющихся национальным достоянием и историко-культурным наследием Российского государства. Государственная Дума 29.10.2018 провела парламентские слушания на тему «Языковое многообразие Российской Федерации: состояние и перспективы». Напомню, что ООН объявила 2019 г. Международным годом родных языков. Все это вселяет надежду, что языковое богатство России и ее культурное многообразие имеют будущее, но и показывает неоднозначность ситуации по регионам.

Школьное образование как ресурс национальной и культурной идентичностей

Несмотря на, казалось бы, очевидную пользу современных инноваций в образовании, возникает множество вопросов, касающихся реальной повседневности воспитания подрастающего поколения. Например, как найти баланс между стремлением родителей ребенка к изучению им традиций и языка своих предков и практической необходимостью постижения им доминирующей в обществе культуры, важной в социальных взаимодействиях? Каково воздействие сегодняшней практики мультикультурного (или поликультурного) образования и воспитания на динамику развития общества? Какие именно знания о многообразии человечества необходимы молодежи? Одним словом, чему и как учить?

Анализ зарубежного и российского педагогического опыта убеждает нас, что речь, так или иначе, может идти о двух принципиально разных подходах. В одном случае — о специальном образовании для тех или иных групп, выделенных по этнокультурному принципу. В другом — об образовании для всех, с обязательным включением в учебные программы знаний о единстве и многообразии человечества. Соотношение диа-

лектики общечеловеческих компонентов и их этнокультурных частностей в обществе во многом зависит от государственной политики. Процессом сохранения языка и традиций тоже в какой-то степени можно управлять. В любом обществе государство теми или иными способами задает тон отношениям между разнообразными субъектами общественной жизни. Это воздействие осуществляется в том числе и через образовательную политику, через управление религией, наукой, искусством, через выработку и транслирование определенной идеологии с помощью средств коммуникации.

Образовательная политика предполагает отбор вполне определенных культурных ценностей для их распространения по существующим или создаваемым каналам. И это то общее, что свойственно политике всех государств во все исторические эпохи. Но между образовательными политиками различных государств можно обнаружить и некоторые принципиальные различия. Они могут быть ориентированы на гегемонию одной культуры и языка или на максимальное удовлетворение культурных потребностей как можно большего числа субкультур, может быть ориентирована на модернизацию или, наоборот, на консервацию традиций. На практике все общественные системы используют комбинации из описанных видов.

Очевидно, что образование должно рассматриваться как стратегически важная сфера общественной жизни, как главный фактор развития интеллектуального потенциала нации, ее самостоятельности и международной конкурентоспособности [Мартынова 2012: 236–243]. Система образования как механизм интеграции молодежи не только в социальную жизнь, но и в культурно-языковую структуру общества, обладает огромным потенциалом. Именно образование может являться эффективным инструментом реализации культурно-языковой политики властей, поскольку оно подконтрольно власти. Однако практическое воплощение поставленных задач требует разработки подходов и методов формирования мировоззрения и выстраивания российской идентичности в образовательном процессе, а также определения ее места среди других идентичностей.

Источники

1. Артеменко 2011b — Артеменко О.И. Интервью «Российской газете» // Finugor. 06.07.2011b. — URL: <http://finugor.ru/node/20542>
2. Концепция 2007 — Концепция дальнейшего развития этнокультурного образования в Москве // Этнодиалоги. — 2007. — № 2. — С. 17–40.
3. Концепция 1995 — Концепция содержания образования московских школ с этнокультурным (национальным) компонентом образования // Состояние и перспективы развития учреждений национального образования г. Москвы. Информационно-методический сборник. — Вып. 2. — М., 1995. — С. 5–16.
4. Марийский язык 2018 — Марийский язык как родной будут изучать 10% школьников Марий Эл. — URL: <https://nazaccent.ru/.../28298-marijskij-yazyk-kak-rodnoj-bud...>
5. Национальная доктрина 2000 — Национальная доктрина образования в Российской Федерации. Постановление Правительства РФ № 751 от 04.10.2000. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97368/
6. Национальное 1998 — Национальное образование в России: концепции, взгляды, мнения 1905–1938 гг. Сборник документов в 2 ч. — М.: ИНПО. Ч. 1. 1905–1917 гг. — М., 1998.
7. Об образовании 1992 — Федеральный закон РФ «Об образовании» № 3266-1 от 10.07.1992 // Российская газета. 31.07.1992. — URL: <https://rg.ru/1992/07/31/obrazovanie-dok.html>
8. Об образовании 2012 — Федеральный закон РФ «Об образовании в РФ» № 273-ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ в редакции от 26.07.2019. Гл. 2, ст. 14. Язык образования // Документы РФ. — URL: <https://dokumenty24.ru/zakony-rf/zakon-ob-obrazovanii-v-rf.html>
9. Об общем образовании в городе Москве 2004 — Закон г. Москвы от 10.03.2004 № 14 «Об общем образовании в городе Москве». — URL: <https://moskva-pravo.ru/zakon/2004-03-10-n-14/>
10. О концепции 2006 — О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации. Приказ Министерства образования и науки РФ от 3 августа 2006 г. № 201. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90016/#ixzz5yxPHI15t>
11. О национально-культурной автономии 1996 — Федеральный закон «О национально-культурной автономии» 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ от 17.06.1996. <http://base.garant.ru/135765/>
12. Постановление 2013 — Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 г. Москва «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и

- этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)”. — URL: <https://rg.ru/2013/09/02/edinstvo-site-dok.html>
13. Почти две трети 2018 — Почти две трети школьников Башкортостана в качестве родного языка выбрали русский. — URL: <https://www.idelreal.org/a/29439082.html>
  14. Свод 1883 — Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях. Ч. I / сост. П. Аннин. — СПб., 1883.
  15. Стратегия 2012 — Стратегия Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». — URL: <https://zakonbase.ru/content/part/1293590>
  16. *Тишков 2017 — Тишков В.А.* Язык до конфликта не доведет? // Известия. 7.12.2017.
  17. Язык 2016 — Язык и общество. Энциклопедия. — М.: Азбуковник, 2016.

Библиография

1. *Артеменко О.И.* Удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей народов России: государственность, этническая идентичность // Евразийский юридический журнал. — 2011а. — № 8.
2. *Белогуров А.Ю.* Гуманитаризация образования как основа формирования поликультурной воспитательной среды // Вестник Пятигорского ГЛУ. — 2003. — № 1. — С. 47.
3. *Жуков В.И.* Российское образование: истоки, традиции, проблемы. — М.: Маркетинг; Союз, 2001.
4. Интеграция мигрантов средствами образования. — М.: Этносфера, 2008.
5. *Кузьмин М.Н.* Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики. — Ч. 2. 27.08.2001. URL: <http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/2882>.
6. *Малахов В.С.* Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. — М.: Ин-т этнологии и антропологии; Ин-т философии РАН, 2002. — С. 48.
7. *Мартынова М.Ю.* Поликультурное пространство России и проблемы образования // Этнодиалоги. — 2004. — № 1.

8. *Мартынова М.Ю.* Поликультурная Москва и этнокультурные аспекты модернизации школьного образования // Молодежь Москвы. Адаптация к многокультурности. — М.: РУДН, 2007.
9. *Мартынова М.Ю.* Московский опыт адаптации мигрантов средствами образования // Молодые москвичи. Кросс-культурное исследование / отв. ред. М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева. — М.: Изд-во РУДН, 2008.
10. *Мартынова М.Ю.* Этнокультурное многообразие москвичей и школьное образование // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 г. Ежегодный доклад EAWARN / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. — М.: ИЭА РАН, 2010. — С. 80–98.
11. *Мартынова М.Ю.* Школьное образование как ресурс культурной и национальной идентичности // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. Ежегодный доклад EAWARN / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. — М.: ИЭА РАН, 2012. — С. 236–243.
12. *Мартынова М.Ю.* Многокультурность россиян и школьное образование // Вестник российской нации. — 2013а. — № 1–2. — С. 142–177.
13. *Мартынова М.Ю.* Мигранты: возможности интеграции через образование // Московская модель этнической политики. — М.: ИЭА РАН, 2013б.
14. Образование и этнокультурное сотрудничество. Опыт Москвы. — М., 1998.
15. *Степанов В.В.* Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации // Европейская языковая хартия и Россия / ред. С.В. Соколовский, В.А. Тишков. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М.: ИЭА РАН, 2010. — № 218.
16. *Тишков В.А.* Теория и практика многокультурности // под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. — М.: Ин-т этнологии и антропологии; Ин-т философии РАН, 2002.
17. *Чернова О.В.* Некоторые аспекты контент-анализа программ этнокультурного компонента школьного образования // Реальность этноса. — СПб., 2002. — С. 356–357.

Раздел II

ЯЗЫКИ МЕНЬШИНСТВ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Глава 3 ЯЗЫК И ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ТАТАРСТАНЕ

Сергей Валерьевич Соколовский — д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва); sokolovskiserg@gmail.com/

Ольга Николаевна Подлесных — научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва); [olga_podlesnyh@mail.ru/](mailto:olga_podlesnyh@mail.ru)

Материалы для исследования были собраны и проанализированы в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Текст написан в рамках проекта РНФ «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт» № 15-18-00099п.

Вводные замечания

Языковая политика в Татарстане остается полем противостояния множества политических сил как местного, так и федерального уровней. Если в конце 1980-х гг. и на протяжении 1990-х гг. она определялась торгом между правительством этой республики и федеральным центром в контексте конфликта интересов политической элиты Татарстана, стремящейся к максимальному расширению суверенитета республики, и центральной власти, заинтересованной в сохранении целостности страны, то последующие периоды этого противостояния вовлекли, помимо политических элит, множество различных групп населения и формируемых им низовых организаций, создаваемых для отстаивания своих групповых интересов. В итоге все аспекты языковой политики и связанные с нею проблемы оказались чрезмерно

политизированными, так что любое управленческое решение в этой сфере осуществлялось не столько в рамках собственно администрирования системы образования или использования языков, но затрагивало политику всех уровней, от низового до международного, поскольку политическая, научная и культурная элиты республики на разных этапах реализации своих политических и экономических амбиций пытались использовать в своих интересах и международных акторов.

Предметом нашего рассмотрения в данном случае является лишь новейший этап развития событий — конфликт в области языковой политики в Татарстане 2017–2019 гг., однако для его понимания требуется обращение к отдельным эпизодам прошлого.

Языковыми конфликтами обычно называют разногласия и основанные на них действия, возникающие в связи с конкретными шагами в ходе реализации языковой политики государства, реформ в сферах языка и образования. Распространенной причиной языковых конфликтов являются требования меньшинств, обусловленные переменами в статусе их родных языков, связанными либо с языковой экспансией (распространением конкретного языка в новые для него сферы коммуникации), либо с утратой традиционных для него сфер использования, происходящей в результате языкового сдвига или языковой ассимиляции. Такие перемены одинаково болезненны как в случае доминирующих языков, так и языков меньшинств. Особенно острыми конфликты оказываются в случаях дискриминации по языковому признаку, выражаящейся, например, в запретах на профессию или на занятие должности, а в некоторых случаях — в ограничении политических прав, таких, как участие в политических процедурах (выборах, референдумах и т.п.). Профилактика конфликтов в данной области связана с неукоснительным соблюдением принципов добровольности выбора языка и недопустимости языковой дискриминации. Важнейшей ареной практической реализации этих принципов остается школа, в особенности начальная.

Конфликтное противостояние в области языковой политики (2017–2019)

Сутью рассматриваемого в этой главе конфликта, вопреки утверждениям некоторых татарских националистов, является не

якобы возникшая угроза татарскому языку в связи с реформой школьного образования и его потенциальным вытеснением из школьной программы, но закрепленное в Конституции право любого ученика, независимо от его национальности, на выбор языка образования, а также право родителей учеников влиять на формирование программы обучения, в особенности в ее языковой части, связанной как с этнической идентичностью членов семей, так и с выбором уровня и качества образования для своих детей. Именно эти права оказались нарушенными, когда в результате манипуляций с компонентами учебных планов учебные программы республиканских школ стали содержать шесть часов еженедельных занятий татарским и всего четыре — русским языком и литературой, а старшеклассникам и их родителям пришлось нанимать репетиторов, чтобы освоить стандартную программу по этим предметам, действующую в других регионах страны, и дать татарстанским школьникам шанс на равных конкурировать с выпускниками школ других регионов при поступлении в вузы. Ситуация усугублялась и тем, что школьная программа преподавания татарского не обеспечивала владения им, поскольку была выстроена на основе методики преподавания родного языка, который таковым для школьников из нетатарских семей заведомо не являлся. Специально разработанная методика для обучения татарскому как неродному на уровне массовой школы не только не была внедрена, но и до сих пор не разработана (она пока создана лишь для уровня бакалавриата в Высшей школе татаристики и тюркологии им. Габдуллы Тукая [Харисов 2018]). В результате и школьники, и родители стали воспринимать часы преподавания татарского как бесполезную трату времени. Именно поток жалоб родителей и стал тем фоном, на котором разворачивалась «медийная» часть противостояния, ключевые события которой стали достоянием большинства федеральных каналов телевидения, а также центральной и республиканской прессы.

Одним из таких поворотных событий стало известное выступление В.В. Путина 20 июля 2017 г. в г. Йошкар-Оле на заседании Совета по межнациональным отношениям, посвящённом реализации целей и задач «Стратегии государственной национальной

политики России на период до 2025 года». В этом выступлении президент, в частности, отметил:

Хочу напомнить, уважаемые друзья, что русский язык для нас — язык государственный, язык межнационального общения, и его ничем заменить нельзя, он естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны. Его знать должен каждый. Языки народов России — это тоже неотъемлемая часть самобытной культуры народов России. Изучать эти языки — гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации.

Это напоминание о конституционном праве каждого гражданина Российской Федерации на «свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (ст. 26.2 Конституции РФ), которое регулярно и систематически нарушалось в ряде субъектов Федерации, сыграло ключевую роль в последующем развитии событий. Процитированная выше норма Конституции РФ отражает на уровне национального права известную норму, зафиксированную во Всеобщей декларации прав человека, в соответствии с которой «родители имеют преимущественное право в выборе вида образования для своих малолетних детей» (ст. 26.3).

Необходимо отметить, что политическим фоном изменений в системе образования в первой половине 2017 г. стало ожидание республиканской политической элитой и националистическими организациями продления срока действия договора федерального центра с республикой, включая разнообразные попытки давления на федеральные органы власти для расширения полномочий республиканской власти, в том числе в экономике и налоговой сфере. Одним из проявлений такого давления стал состоявшийся в апреле 2017 г. съезд ВТОЦ. Политолог из Казани С. Сергеев, отметил, что ВТОЦ «остается “политическим инструментом” республики в разговоре с федеральными властями. Раньше татарские национальные движения использовались как пугало, что якобы только местные власти могут с ними справиться. Сейчас тактика поменялась. Создается впечатление, что

через съезд ВТОЦ выдвигаются некоторые требования к центру» [Антонов 2017а].

Договор 2007 г. сроком действия 10 лет (должен был пролонгироваться в августе 2017 г.) содержал, среди прочего, положение «о равноправном статусе двух государственных языков» в республике — татарского и русского. Наличие такого договора прописано в статье 1 Конституции РТ («Республика Татарстан — демократическое правовое государство, объединенное с Российской Федерацией Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан и Договором Российской Федерации и Республики Татарстан...») и закреплено нормой, отмена которой возможна только в результате всенародного референдума (ст. 123 Конституции РТ). Однако сам договор 2007 г. имеет наименование, отличное от зафиксированного в этой статье, что создало правовую коллизию и, по существу, изменило содержание данной статьи, ссылающейся на документ 1994 г. с истекшим сроком действия¹. Заявлениям о пролонгации договора был положен конец лишь в августе 2017 г., когда несколько медиаканалов сообщили о позиции федерального центра в отношении этого вопроса (подробнее см. *Хронологию событий* в приложении к статье; [Кириенко 2017]).

В апреле 2017 г. президент Татарстана Р.Н. Минниханов в своем выступлении на III Съезде народов Республики Татарстан заявил:

Важным элементом национальной идентичности является язык. Развитие государственных и других языков, как и обязательное паритетное изучение русского и татарского в школе стало нашим

¹ Многие читатели еще помнят, что, находясь 6 августа 1990 г. с визитом в Казани, только что избранный председатель Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин сказал свою судьбоносную фразу: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Тогдашний руководитель обкома КПСС Минтимер Шаймиев воспользовался приглашением. В период резкого ослабления центральной власти, совпавший с ельцинским правлением, Татарстан под лидерством Шаймиева взял курс на максимизацию своей самостоятельности, в том числе и в области системы образования [см. подробнее: *Ростовский 2017*]. 31 марта 1992 г. все регионы, кроме Татарстана и Чечни, подписали с центром Федеративный договор, закрепивший федеративное устройство страны. Власти Татарстана потребовали заключения отдельного соглашения, заявив, что договор лишит регион суверенитета, одобренного на референдуме в марте 1992 г. В результате противостояния в республике были сорваны декабрьские (1993 г.) выборы в Госдуму и Совет Федерации, а также референдум о принятии Конституции РФ.

приоритетом. По данному вопросу ранее был достигнут общественный консенсус, менять который недопустимо, добавив на татарском:

— Без татар телен һәм мәдәниятен саклау һәм үстерү өчен җаваплы. Бу — Татарстанның үзенчәлеге <...> Монда «Татар халкының милли үзенчәлекен саклау» дәүләт программасы мөһим роль уйный». [Мы несем ответственность за сохранение и развитие татарского языка и культуры. Это особенность Татарстана. <...> Важную роль в этом играет государственная программа «Сохранение национальной самобытности татарского народа»].

Одним из наиболее выразительных примеров такого рода заявлений в рассматриваемый здесь период является «Обращение Союза писателей Республики Татарстан к Президенту Российской Федерации В.В. Путину» от 25 сентября 2017 г. Поскольку оно отражает типичную риторику националистических организаций в области языковой политики (такого рода заявлений было немало, и именно они раскололи татарстанское общество и заставили мобилизоваться родителей школьников для отстаивания своих прав), приведем его полностью:

Уважаемый Владимир Владимирович!

Союз писателей Татарстана вынужден обратиться к Вам в связи с Вашими поручениями от 28 августа 2017 года по итогам Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям.

Вы поручили руководителям субъектов России обеспечить добровольность изучения государственных языков республик Российской Федерации и родных языков народов нашей страны. Проконтролировать это поручено Генеральной прокуратуре и Рособрнадзору, которые уже вышли с проверками в субъекты.

Публикация поручений, проверки прокуратуры *взбудоражили общественность, угрожают социально-политической стабильности в обществе, а она в нашей республике формировалась годами.*

Все еще помнят, как бурно обсуждалась языковая проблема в республике в начале 90-х годов и, благодаря взвешенной политике, был найден общественный консенсус — государственными языками Республики Татарстан установлены равноправные русский и татарский языки. Это было закреплено в Конституции Республики Татарстан.

После обнародования перечня поручений о добровольности изучения государственных языков республик *нашлись родители, которые пишут заявления об отказе от обязательных уроков татарского языка, подстрекают других родителей. Все заявления пишутся как под копирку, кто-то умело пользуется этой ситуацией.* Большинство же русскоязычных родителей за долгие годы добрососедства уважительно относятся к татарскому языку, к татарской культуре. И это мы высоко ценим!

Что нас особо волнует, так это вопросы: каково в этой ситуации педагогам — учителям татарского языка и литературы, чьи уроки можно проигнорировать простым заявлением в администрацию школы, *каково будет отношение детей к татарскому языку, который должен изучаться в расписании наряду с другими предметами?* Неужели из-за горстки возмутителей порядка решено идти на радикальные меры — *срочно изымать язык из учебного процесса, что безусловно приведет к его последующему исчезновению.* Любой, кто побывал в школах республики, знает: дети и молодежь теряют родной язык, но прекрасно владеют русским. Успехи в изучении русского языка школьниками республики общеизвестны, *по ЕГЭ по русскому языку они ежегодно занимают лидирующие позиции в России.* Это еще раз свидетельствует, что изучение татарского языка не происходит в ущерб русскому языку, да и *сама постановка вопроса, что изучение одного языка наносит ущерб другому, на наш взгляд, абсолютно некорректна и изначально ранжирует языки.*

Исключение татарского языка как государственного языка из списка обязательных предметов школьной программы повлечет за собой свертывание татарской письменности, литературы, да и всей татарской культуры. Кроме того, реализация поручений вызовет у представителей других народов пренебрежительное отношение не только к татарскому языку, как школьному предмету, но и к его носителям, расшатает фундамент межнациональных отношений в республике.

Многонациональная Россия сильна богатством культур, языков ее народов. Вы неоднократно говорили об этом, неоднократно давали поручения о создании всех условий для сохранения и развития родных языков народов России. Благо, Конституция Российской Федерации, федеральные законы гарантируют делать это в полной мере.

Конституция Российской Федерации (п. 2 ст. 68) позволяет её субъектам устанавливать свои государственные языки. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (п. 3 ст. 14)

предусматривает возможность изучать в общеобразовательных организациях государственные языки республик.

На основе федерального законодательства в республике приняты нормы, регулирующие изучение государственных языков Республики Татарстан в общеобразовательных организациях. Кроме того, в 2004 году Конституционный Суд Российской Федерации рассматривал вопрос соответствия Конституции России положений законов Республики Татарстан. Было признано, что обязательное изучение татарского языка *в равных объемах с русским* не противоречит Конституции Российской Федерации.

Уважаемый Владимир Владимирович! Россия — правовое государство, Вы — гарант исполнения Конституции страны и ее законов. Для сохранения социально-политической стабильности, уважительного отношения к государственному статусу языков республик Российской Федерации, к родным языкам народов России призываю Вас оставить возможность пользоваться конституционным и законодательным правом на функционирование государственных языков республик Российской Федерации в полной мере.

Принято на расширенном заседании Правления Союза писателей Республики Татарстан 25 сентября 2017 г.

[Обращение 2017 — курсив добавлен]

Курсивом в приведенном выше документе выделены все гиперболы, *non sequitur* и искажения фактов, вообще свойственные националистическому дискурсу, однако татарские писатели правы в том отношении, что наличие статуса республиканского «государственного языка» неизбежно приходит в конфликт со статусом общегосударственного официального языка: в стране с населением, говорящим на полутора сотнях языков, принадлежащих к 14 языковым семьям, вряд ли возможно их одновременное использование в качестве языков управления, обучения, экономики и науки, не говоря уже об обеспечении эффективной коммуникации в сфере экстренных служб и силовых структур — требуется *lingua franca*. До сих пор эту роль с успехом выполнял русский язык. Этническая мобилизация и локальные национализмы конца 1980-х — первой половины 1990-х гг. и обусловленное резким экономическим спадом принятие тогдашним руководством страны курса на децентрализацию системы образования лишь подстегнули сепаратистские устремления ряда национальных элит, включая татарскую, поставившую в

тот период задачу формирования собственной государственной системы образования, не уступающей, как писал тогдашний министр образования РТ, системам образования «таких развитых стран, как США, Германия, Франция и Англия» [Галифуллин 1996]. Сегодня мы имеем дело с последствиями того бурного периода, едва не приведшего к распаду России. Норма о государственных языках в республиках закреплена и в Конституции РФ: «Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком России» (ч. 2, ст. 68).

Принятие в результате такой суверенизации республиканских законов о государственных языках, вопреки известной либерализации языковой политики и подключению к ней новых акторов, во многом осложнило языковые ситуации в этих республиках, что произошло, не в последнюю очередь, за счет административного навязывания официальных языков этих республик тем группам населения, для которого они не были родными.

Уместно отметить, что термин «государственный язык» не используется в международном праве. Вместо него используются термины «официальный язык», «язык в сферах управления и образования» и т.п. Существуют государства с двумя—четырьмя и более официальными языками, однако нет государств, за исключением России, с несколькими «государственными языками», так что президент Татарстана Минниханов, посетовавший в своем комментарии на обсуждение языковой политики в Госсовете Татарстана: «Чтобы государственный язык не был обязательным — такого нигде нет» [Антонов 2017б], хотя и имел в виду совсем противоположное, *de jure* оказался прав. Использование республиканских официальных языков в сфере управления вряд ли может вызывать особые возражения, если отраслевые тезаурусы этих языков достаточно развиты и существующие терминологические ресурсы позволяют без потери смысла переводить законодательные акты и распоряжения властей на местные языки. Более серьезные проблемы начинаются там, где без особой подготовки и специальных лингвистических программ инфраструктурно слабые языки начинают навязывать силовыми методами (включая запрет на профессии и систему

привилегий для носителей языка) всему населению. Такого рода попытки осуществлялись не только в Молдове, Латвии, Эстонии или Украине, но и в некоторых российских республиках, включая Татарстан, где, особенно на первых этапах так называемой суверенизации конца 1980-х — первой половины 1990-х гг., должностные лица на всех уровнях власти, и не только в аппарате управления, но и в сферах экономики и образования, замешались татарами. Осуществлялись также и совершенно не подготовленные в языковом отношении попытки перевода высшего образования и преподавания по ряду специальностей на татарский язык (например, формирование татарских групп в медицинских вузах для обучения на татарском). Такая нативизация образования и коренизация аппарата управления во всех секторах экономики не могли не привести к росту социального недовольства, одним из проявлений которого и является рассматриваемый здесь конфликт в сфере школьного образования.

Как известно, в августе 2017 г. президент РФ дал поручение Генеральной прокуратуре и Рособрнадзору проконтролировать добровольность изучения государственных языков в республиках Российской Федерации и доложить об исполнении поручения в трехмесячный срок, до 30 ноября. В ходе проверок были выявлены многочисленные нарушения и отклонения от федеральных стандартов образования. В Татарстане, например, татарский язык изучался и как обязательный государственный, и как родной язык учащихся, независимо от языка семьи или желания родителей, при этом объем преподавания русского языка по сравнению со школами других регионов и госстандартом был сокращен (в зависимости от типа школы и используемой в ней часовой сетки) на 300–400 часов. Русский язык в качестве родного не преподавался ни в одной из школ, и даже сама возможность его выбора в качестве родного уставами школ и учебными планами не была предусмотрена. Прокуратура совместно со специалистами Рособрнадзора провела проверки в 1412 образовательных организациях. С начала проверки в адрес прокуратуры поступило 1716 жалоб и обращений по «языковому вопросу». В результате были выявлены следующие нарушения: снижение объема преподавания русского языка, предусмотренного федеральными образовательными стандартами: из проверенных школ он соответствовал предъявляемым требованиям в

24 школах; нарушение права на добровольное изучение родных языков и государственного языка РТ вкупе с навязыванием незаконных итоговых тестирований, влиявших как на перевод в 10-й класс, так и на средний балл аттестата; вмешательство республиканских государственных и муниципальных органов в автономию образовательных организаций. По результатам проверки было выявлено 3856 нарушений закона, приняты меры прокурорского реагирования, направленные на их устранение и недопущение. В конце ноября 2017 г. на одном из заседаний Госсовета РТ прокурор республики сообщил:

На днях Министерство образования РФ с учетом предложений руководства Татарстана разработало вариант учебного плана, где конкретизирована возможность изучения государственных языков республик по всей территории страны добровольно на основе письменного согласия родителей, законных представителей учащихся в пределах до двух часов в неделю.

Нельзя не отметить, что ни одна из татарских националистических организаций, заботящаяся о сохранении и развитии татарского языка (как и некоторые исследователи языковой ситуации в республиках Российской Федерации), не прокомментировала ситуацию с обеспечением прав школьников из русскоязычных семей², по существу, поддерживая их массовое

² Даже на пике развития сепаратистских и националистических настроений в Татарстане в 1980–1990-е гг. некоторые исследователи, вопреки вполне очевидной экспансии татарского языка в коммуникативные сферы (медицину, науку, управление), где его полноценному функционированию препятствовало состояние его лексического корпуса, писали о языковом сдвиге и упадке «национального языка», а анализируя школьную реформу, не упоминали об изменении положения русского и сокращении часов его преподавания [ср.: *Bilz* 2007: 171–202; *Zatayatin* 2012; *Prina* 2016]. Стоит напомнить, что в начале 1990-х гг. так называемая доля национальных компонентов учебных программ (история, культура и география региона, национальный язык) как в школах, так и во многих высших учебных заведениях Татарстана достигла 35% с соответственным сокращением доли предметов, соответствующих федеральным стандартам, а татарский язык в соответствии с республиканскими законами 1992 г. «О языках народов РТ» и «Об образовании» стал преподаваться всем ученикам, независимо от их этнической принадлежности и языка семьи, с первого класса в объеме не менее 3,5 часов в неделю [УП 1991: 21–25; *Graney* 1999: 617]. В первой половине 1990-х гг. только в Казани было открыто дополнительно около 30 татарских национальных школ, и процент обучающихся в них учеников вырос с 0,02 до 26,4 [*Graney* 1999: 620]. В июне 1994 г. число часов преподавания татарского языка в школах было увеличено с целью достижения провозглашенного республиканской государственной программой по развитию татарского языка принципа «всебоющего билингвизма». Как мы знаем сегодня, эта цель достигнута не была из-за низкого уровня преподавания татарского и полного отсутствия методического обеспечения реформы. Провал обусловили низкое качество подготовки учителей татарского

нарушение со стороны местных властей, стартовавшее еще в начале 1990-х гг. и продолжавшееся вплоть до рассматриваемого периода. Никак не комментировались и манипуляции с учебными планами в системе школьного образования, в результате которых татарский изучался и как государственный, и как родной язык, т.е. как два предмета школьного обучения с собственными почасовыми планами. При этом «родным» он по умолчанию считался для всех школьников, независимо от национальности и их действительно родных, т.е. усвоенных с рождения, языков. Тема конституционных гарантий на право выбора языка обучения тщательно избегалась в местной прессе и в заявлениях местных чиновников, звучавших в связи с начавшимися прокурорскими проверками.

В сентябре 2017 г. президент РТ Рустам Минниханов, реагируя на «нарекания граждан», в своем ежегодном обращении к Госсовету РТ отметил:

Особого внимания требуют вопросы языковой политики. При сохранении приоритетов в изучении государственных и родных языков Министерству образования и науки республики надо сделать акцент на обеспечение высокого уровня знания и владения русским языком. Этому, в частности, будет способствовать работа в рамках объявленного в республике Года Льва Толстого. Вместе с тем необходимо совершенствовать методику преподавания татарского языка как государственного языка Республики Татарстан, а также подготовку и переподготовку учителей, в том числе на базе воссоздаваемого Национального педагогического института. В целом при изучении языков следует развивать, прежде всего, коммуникативные навыки. Эти задачи неоднократно ставились перед Министерством образования. Однако эффективность проводимой работы по-прежнему невысока и вызывает обоснованные нарекания граждан. Министерству, как центру ответственности, следует сделать соответствующие выводы и принять необходимые меры [Минниханов 2017].

языка, отсутствие методики преподавания татарского как неродного и официально принятых стандартов преподавания татарского для всех уровней обучения, неразвитость корпуса языка (практическое отсутствие корпусного планирования) и, наконец, избранная руководством Татарстана еще с конца 1980-х гг. линия на силовое осуществление реформы «сверху», без консультаций со всеми участниками образовательного процесса. Уместно также отметить, что ст. 68 Конституции РФ, на которую любят ссылаться ревнители силового навязывания «государственных языков» в республиках, говорит лишь о праве республик устанавливать свои государственные языки, но не о формах их изучения.

Заключение

В соответствии с действующими стандартами образования и уставами школ школьные учреждения с согласия родителей учеников и при их участии формируют вариативную часть учебного плана, составляющую 20% учебного времени. Она может заполняться как дополнительными уроками по основным дисциплинам для их углубленного изучения, так и другими предметами, например, еще одним иностранным языком, краеведением, изучением права, логики или родных языков. Прокурорские проверки выявили, что, например, в Татарстане практически все резервные часы учебного плана без согласования с родителями и даже вопреки их протестам были отведены преподаванию татарского, который в качестве государственного языка республики преподавался также и как предмет основного школьного курса, в результате чего число часов на преподавание русского у учеников всех национальностей оказалось примерно на треть меньше, чем татарского. Еще одной причиной недовольства родителей было низкое качество преподавания татарского и неадаптированность программы обучения к возможностям школьников, у которых языком семейного общения был иной язык. В результате значительная часть учебного времени тратилась неэффективно, снижая конкурентоспособность школьников Татарстана по сравнению с другими регионами. Рособрнадзор (федеральная служба по надзору в сфере образования и науки) и Генпрокуратура выявили аналогичные нарушения практических во всех республиках. Следует, однако, отметить, что сокращение часов преподавания предметов основного курса (включая русский язык и литературу) за счет увеличения часов преподавания государственных республиканских языков вряд ли является единственным нарушением в сфере языковых прав. Другим не менее распространенным нарушением таких прав оказывается нежелание или неспособность местных администраций обеспечить обучение на родных (нерусских) языках хотя бы на уровне начальной школы при достаточном числе таких учеников в конкретной местности, как и недостаточное использование таких уже хорошо апробированных форм обучения, как малокомплектная национальная школа или дистанционное обучение.

Одним из существенных недостатков действующей системы правового регулирования языковых отношений в Российской Федерации является терминологический разнобой в формулировании правовых норм в законодательстве федерального и регионального уровней, где используются термины «государственный язык», «титульный язык», «официальный язык», «язык межнационального общения и официального делопроизводства», «язык большинства», «региональный язык», «языки народов Российской Федерации», которые в различных законодательных актах имеют разные определения и толкования. В федеральном и республиканском законодательствах отсутствует разграничение понятий «государственный язык» и «родной язык». В государственных образовательных стандартах недостаточно четко определен порядок изучения государственных языков республик в составе Российской Федерации. Нечеткость правовых определений порождает разногласия и ошибки в правоприменительной практике. Таким образом, актуальной задачей законодательных органов должно стать более четкое разграничение статусов языковых сообществ, компетенции органов управления федерального уровня и уровня субъектов федерации, а также уточнение терминологии в сфере языковой политики.

В связи с острой вопросом о добровольном выборе языка обучения, а также места, объема и методики обучения неродным языкам помимо официального языка страны (русского), целесообразно разработать общефедеральные стандарты обучения родным языкам для начальной и средней школы, а также отдельные стандарты для учащихся, у которых изучаемый язык не является родным или языком семейного общения, поскольку методика преподавания языка в этом случае должна строиться иначе, чем методика преподавания первого языка, то есть языка, усвоенного с раннего детства. Пренебрежение этим принципом ведет к неэффективности преподавания и росту недовольства качеством образования как со стороны родителей, так и со стороны самих учеников.

С учетом необходимости дифференциации обучения языкам и на языках в зависимости от стартового уровня владения конкретными языками (родной язык, второй язык, государственный

язык) следует разработать и внедрить различные федеральные стандарты языкового образования, отдельные серии учебников и учебных пособий, специализации учителей родного и вторых языков для эффективного использования учебного времени при обучении языкам и на языках народов России. Отсутствие такого рода дифференциации в методиках обучения до сих пор порождает конфликты, а нарушение принципа пропорциональности в поддержке государственных республиканских языков приводит к снижению качества образования, не говоря уже о массовых нарушениях конституционного права на свободный выбор языка обучения. Министерству образования в координации с Федеральным агентством по делам национальностей, в чью компетенцию входит разработка и реализация государственной национальной политики, включая ее языковые компоненты, необходимо разработать и внедрить новые федеральные образовательные стандарты в отношении изучения родных и вторых языков на всех уровнях школьного образования, а также соответствующие программы подготовки или переподготовки учителей. Федеральное регулирование образовательных стандартов и регламентация объемов изучения родного и государственного языков позволили бы снять текущую напряженность, возникшую в ряде субъектов Федерации как раз в результате отсутствия соответствующей регламентации.

Кроме того, Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и Федеральный закон от 6 апреля 2015 г. № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека» закрепили порядок назначения, функционирования, права и обязанности уполномоченных по правам человека на федеральном уровне и в субъектах РФ, а также требования к кандидатам на эту должность. Как независимый институт, смысл существования которого заключается в защите прав человека и обеспечении своевременного рассмотрения жалоб «граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории субъекта РФ», этот орган мог бы играть более активную роль в

разрешении языковых коллизий и конфликтов. Существующий статус и действующие мандаты региональных уполномоченных позволяют осуществлять соответствующие проверки жалоб, и отсутствие реакции на нарушение прав на выбор образовательного стандарта, включающего определенные языки обучения и языки-предметы в отдельных регионах Российской Федерации, следует рассматривать как недостаток в работе этого института.

Значительную аналитическую работу предстоит проделать и в отношении используемого в федеральной Конституции понятия «родной язык» (ст. 26.2). Сегодня среди российских специалистов преобладают узкие трактовки этого понятия, фокусирующиеся на языке детства, или первом освоенном языке. Между тем в современном языковом праве разрабатывается и получает распространение и поддержку значительно более широкая синтетическая версия в трактовке содержания этого понятия, сочетающая различные дефиниции. Этот подход сочетает признаки происхождения (материнский язык, первый выученный язык), внутренней и внешней идентификации (язык с которым идентифицирует себя индивид, или язык, носителем которого считают ее/его другие), компетенции (язык, который знают лучше всего) и функциональности (наиболее используемый язык) [Skuttnabb-Kangas, Bicak 1995: 360–361]. Принятие такой широкой трактовки понятия «родной язык» предполагает, что один человек может иметь несколько родных языков (и разные родные языки, в зависимости от используемой дефиниции) и что родной язык может меняться в течение жизни человека, и даже не один раз, с учетом всех перечисленных критерииев.

Поскольку в функциональном отношении положение различных языков в России варьирует в широком диапазоне (от языка с международным статусом до языка, используемого лишь в семейном общении), очевидно, что при относительно едином уровне законодательного регулирования требуется дифференциация мер поддержки уязвимых языков и дополнительные законодательные и правоприменительные меры для защиты прав индивидов и групп, оказавшихся в наиболее уязвимом положении (коренные народы, живущие за пределами своих округов; носители языков так называемых титульных народов,

проживающие за пределами одноименных республик; представители меньшинств, чьи языки не относятся к государственным на федеральном и республиканском уровнях, и др.).

Приложение. Хронология событий

08 апреля 2017 г. более 200 делегатов курултая Всетатарского общественного центра (ВТОЦ) предложили обновить договор Татарстана с федеральным центром о разграничении полномочий, прописав в нем право республики на 70% собственных доходов. Делегаты также требовали введения второго государственного языка в РФ — татарского — в связи с тем, что только треть татар проживает в Татарстане, остальные — в других субъектах, и настаивали на необходимости открытия Татарского национального университета, возможности сдавать ЕГЭ на родном языке, создании татарского федерального телеканала.

22 апреля 2017 г. президент Татарстана Р.Н. Минниханов выступил на III Съезде народов РТ «В единстве народов — сила России», подчеркнув, среди прочего, важность «обязательного паритетного изучения русского и татарского в школе» [Выступление 2017].

11 июля 2017 г. депутаты Госсовета Татарстана обратились к В.В. Путину с просьбой продлить договор о разграничении полномочий между федеральными властями и регионом, срок действия которого завершался 24 июля.

20 июля 2017 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле Президент РФ В.В. Путин отметил, что «заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского» [Заседание 2017].

03 августа 2017 г. состоялся VI съезд Всемирного конгресса татар, в резолюции которого содержались пункты:

5. Обратиться к Министерству образования и науки Российской Федерации с предложениями о необходимости:

- предоставления права обучающимся национальных школ сдавать Единый государственный экзамен на родном языке;

• разработки нормативно-правового документа, регулирующего обеспечение, в том числе финансовое, прав граждан в обучении на родном языке и изучении родного языка.

6. Обратиться к руководителям субъектов Российской Федерации с предложением о создании необходимых условий для удовлетворения конституционных образовательных прав в изучении родного языка татар и представителей других народов Российской Федерации, компактно проживающих в регионах, в том числе обеспечения бюджетного финансирования соответствующих затрат.

20 августа 2017 г. агентство «Интерфакс» сообщило о позиции администрации президента РФ в отношении союзного договора с Татарстаном. Первый заместитель главы администрации президента РФ С.В. Кириенко заявил: «Там все уже определено, соглашение истекло. Там есть хорошая формулировка, которая попала в решение Госсовета Татарстана, в котором правильно написано, что этот договор сыграл важнейшую историческую роль и практически все его нормы уже имплементированы в действующее законодательство». Он добавил, что в качестве антикризисной меры в 1990-е гг. договоры имели серьезное значение, но «российская государственность, государство построены не по договорному типу» [Кириенко 2017].

28 августа 2017 г. В.В. Путин поручил Генпрокуратуре Российской Федерации совместно с Рособрнадзором до 30 ноября проверить, как в регионах соблюдают законодательство об обеспечении прав граждан на добровольное изучение родного языка из числа языков народов России и государственных языков республик.

20 сентября 2017 г. родители школьников ряда городов Татарстана написали отказы от изучения татарского языка. В интернет-сообществе «Русскоязычные родители Татарстана» сообщили, что их было более полутора тысяч.

21 сентября 2017 г. президент Татарстана Р. Минниханов, обращаясь к парламенту республики с ежегодным посланием, отметил, что «нужно сделать акцент на обеспечении высокого уровня владения русским языком при сохра-

нении приоритетов изучения государственных и родных языков, совершая при этом методику преподавания татарского языка, чтобы не вызывать нареканий жителей республики» [Минниханов 2017].

25 сентября 2017 г. в поддержку татарского языка выступили 60 писателей Татарстана.

14 октября 2017 г. националисты из ВТОЦ на митинге, собравшем около 300 участников, приняли резолюцию, требовавшую: призвать Госсовет РТ созвать заседание и принять обращение к Госдуме РФ с обоснованием необходимости заключения договора о разграничении предметов ведения и полномочий между РФ и РТ; принять программу повышения статуса татарского языка до уровня государственного в РФ; разрешить сдачу ЕГЭ на государственных языках; сделать 15 октября Днем памяти в Татарстане и установить памятник павшим защитникам Казани. Резолюция содержала также требование внести татарский язык в Конституцию РФ как второй государственный язык страны [Хайрулина, Райхштат 2017].

16 октября 2017 г. прокуратура Казани потребовала исключить предметы «Татарский язык» и «Литературное чтение на татарском языке» из обязательной части учебного плана средних учебных заведений. О принятых мерах и результатах было предписано отчитаться до 23 октября.

23 октября 2017 г. на фоне разгоревшихся споров о необходимости изучения татарского языка в школах Татарстана муфтий Республики Камиль Самигуллин выступил с открытым обращением. Глава ДУМ РТ напомнил высказывание знаменитого татарского просветителя Ш. Марджани о том, что религию сохраняют три вещи: национальный язык, национальная одежда и национальные обычаи. Самигуллин добавил, что молитва на арабском языке «достойна великого уважения», но молитва на родном языке будет иметь «неимоверную силу» [Муфтий Татарстана 2017 г.].

26 октября 2017 г. Р. Минниханов, комментируя обсуждение языковой проблемы в Госсовете РТ и реагируя на обращение татарской интеллигенции к главе Татарстана и Госсовету с призывом «побороться за татарский язык» либо «остаться

на своих теплых местах и отправить татарский язык на свалку истории», сказал, что власти региона работают по этому вопросу и найдут «общие точки решения» с федеральным центром. Глава Татарстана выразил несогласие с мнением, что «президент республики не реагирует»: «Работа идет, но не надо ее политизировать. Сейчас уже оппозиционные структуры пытаются быть сторонниками татарского языка, чтобы был раздрай между русскими и татарами. Разве это можно позволить у нас?» Высказался он и по поводу преподавания татарского в школах: «Ну как может быть государственный язык добровольным? Нигде в мире такого нет. Да, в Швейцарии добровольно. Из четырех государственных языков ты выбираешь два. Но у нас нет такого» [Антонов 2017б].

08 ноября 2017 г. на заседании Госсовета РТ Р. Минниханов сообщил, что переговоры с Администрацией Президента Российской Федерации и Министерством образования и науки Российской Федерации продолжаются и идут вокруг двух часов обязательного татарского языка в неделю для всех [Новости Государственного совета].

16 ноября 2017 г. РБК публикует интервью анонимного федерального чиновника. Позиция Администрации президента РФ по поводу изучения национальных языков в школах не изменится. «Все будет в соответствии с законодательством — национальные языки изучаются на добровольной основе. Это правило для всех национальных республик, исключений не будет ни для кого. Минобр РФ не гарантирует Татарстану сохранения обязательного татарского языка в школьном расписании; Министерство поддержит позицию Администрации Президента РФ», — подчеркнул собеседник газеты. [Галимова, Звездина 2017]. В это же день пресс-секретарь президента РФ Д. Песков сообщил, что «языковой вопрос может быть решен властями Татарстана, но на основе добровольности» [Вопрос об изучении 2017].

29 ноября 2017 г. 33-е заседание Государственного Совета РТ началось с рассмотрения вопроса о преподавании и изучении

государственных языков Татарстана. Перед депутатами с докладом выступил прокурор РТ Илдус Нафиков, проинформировавший о результатах проверок в школах республики. По предложению председателя Госсовета Фарида Мухаметшина вопрос был рассмотрен без прений «для того чтобы все больше и глубже не возбуждать общество». Председатель Госсовета обратил внимание на необходимость реализации комплекса мероприятий, включающих в себя внесение изменений в рабочие программы по татарскому языку, обновление учебной литературы, методических документов, повышение квалификации и переподготовку кадров.

13 апреля 2018 г. в Госдуму внесен законопроект от группы депутатов всех фракций (с представителями Чувашии, Мордовии, Марий Эл и Чечни) с поправками в Закон «Об образовании». Статью 14 закона предлагается уточнить: преподавание и изучение государственных языков республик РФ «осуществляется на добровольной основе и не может осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка РФ».

25 июля 2018 г. Госдума РФ приняла «Закон об изучении родных языков» в окончательном чтении. Согласно законопроекту все изучают русский язык как государственный, а конкретный родной язык выбирается по заявлению родителей школьников [Закон об изучении родных языков 2018].

26 октября 2018 г. президент РФ подписал указ «О создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации».

17 января 2019 г. подписан совместный приказ Министерства просвещения РФ и Федерального агентства по делам национальностей «О создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации и утверждении устава Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации». В нём устанавливается, что Фонд является не имеющей членства некоммерческой организацией, основной целью деятельности которого является «создание условий для сохранения и всесторон-

него развития родных языков народов РФ, расширения возможностей образовательных организаций по обеспечению прав обучающихся и их родителей на свободный выбор языка воспитания, изучения и обучения из числа языков народов РФ».

19 января 2019 г. распоряжением Правительства РФ утверждены состав правления Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации и состав его попечительского совета.

21 февраля 2019 г. Министерство юстиции РФ официально зарегистрировало Фонд сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации.

08 июня 2019 г. глава Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) И.В. Баринов сообщил, что в 2019 г. Фонд сосредоточится на работе по созданию учебников по языкам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: будет объявлен конкурс на разработку учебно-методических материалов для начального общего образования под предметные области «родной язык» и «литературное чтение на родном языке». Минимум по восьми языкам малочисленных народов будут подготовлены по два учебника для учащихся с 1-го по 4-й класс.

05 июля 2019 г. Комитет русскоязычных родителей Татарии сообщил об анонсировании главой Комитета по делам национальностей Госдумы РФ Ильдаром Гильмутдиновым «Концепции изучения родных языков», которая должна рассматриваться в нижней палате федерального парламента.

Источники

1. Антонов 2017а — Антонов К. Татарстан позвали к торгу // Коммерсантъ. — № 61. — 10.04.2017. — С. 3. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3267261/>
2. Антонов 2017б — Антонов К. Рустам Минниханов выступил в защиту татарского языка // Коммерсантъ. — № 201. — 27.10.2017. — С. 3. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3450150/>
3. Вопрос об изучении 2017 — Вопрос об изучении национального языка находится в ведении властей Татарстана. 08 ноября 2017. — URL: <http://www.interfax-russia.ru/Povoljie/main.asp?id=883872/>

4. Выступление 2017 — Выступление Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова на III Съезде народов Республики Татарстан 22 апреля 2017 года «В ЕДИНСТВЕ НАРОДОВ — СИЛА РОССИИ». — URL: <http://addnt.ru/minnikhanov-v-druzhbe-i-edinstve-narodov/>
5. Галифуллин 1996 — Галифуллин В.Г. Подходы к национальному образованию // Информационно-методический бюллетень Аппарата Президента Республики Татарстан. — 1996. — Вып. 8. — С. 45–47.
6. Галимова Н., Звездина П. Непреодолимый языковой барьер. Кремль не согласился на особые права Татарстана // РБК. — 2017. — 15 нояб. — № 197. — URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/11/16/5a0b1ab59a7947409bf6e965/>
7. Закон об изучении родных языков 2018 — Закон об изучении родных языков принят Госдумой в окончательном чтении — все подробности // «БИЗНЕС Online». — 2018. — 25 июля. — URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/389810> (дата обращения: 25.09.2019).
8. Заседание 2017 — Заседание Совета по межнациональным отношениям. — 20.07.2017. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109/>
9. Кириенко 2017 — Кириенко высказался о договоре с Татарстаном. — 20.08.2017. — URL: <https://www.mk.ru/politics/2017/08/20/kirienko-vyskazalsya-o-dogovore-s-tatarstanom.html/>
10. Минниханов 2017 — Рустам Минниханов обратился с ежегодным посланием Государственному Совету Республики Татарстан. — 21.09.2017. — URL: <http://president.tatarstan.ru/poslanie-prezidenta.htm?year=2017/>
11. Муфтий Татарстана 2017 — Муфтий Татарстана включился в борьбу за татарский язык. — 2017. — 23 окт. — URL: <https://www.umma-42.ru/news-v-rossii-i-sng-muftiy-tatarstana-vklyuchilsya-v-borbu-zatatarskiy-yazyik> (дата обращения: 24.09.2019).
12. Новости Государственного Совета — Новости Государственного Совета. Государственный совет Республики Татарстан. — URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/news/117/?cat=r/>
13. Обращение 2017 — Обращение Союза писателей Республики Татарстан к Президенту Российской Федерации В.В. Путину. — 25.09.2017. — URL: http://www.sptatar.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1788/
14. УП 1991 — Учебные планы средних общеобразовательных школ 1991–1992. Министерство образования РТ. Казань: Магариф, 1991.
15. Харисов 2018 — Харисов Ф.Ф. Программа дисциплины «Методика обучения татарскому языку как неродному». Казань, 2018. — URL: <https://kpfu.ru/pdf/portal/oop/76983.pdf/>

16. Хайрулина 2017 — Хайрулина Д., Райхштам А. На Дне памяти // Казанский репортер. — 2017. — 14 окт. — URL: https://kazanreporter.ru/post/2584_na_dne_pamyati (дата обращения: 24.09.2019).
17. Ростовский 2017 — Ростовский М. Схватка двух Кремлей: почему Путин не продлил договор с Татарстаном // MKRU. — 15.08.2017. — URL: <https://www.mk.ru/politics/2017/08/15/skhvatka-dvukh-kremley-pochemu-putin-ne-prodlil-dogovor-s-tatarstanom.html/>

Библиография

1. *Bilz M.* Tatarstan in der Transformation. Nationaler Diskurs und politische Praxis 1988–1994. Stuttgart: там жеem Verlag, 2007. 445 S.
2. *Gorenburg D.* Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation. Cambridge: Cambridge University press, 2003. XIII, 297 pp.
3. *Graney K.* Education Reform in Tatarstan and Bashkortostan: Sovereignty Projects in Post-Soviet Russia // Europe-Asia Studies. 1999. 51(4): 611–632.
4. *Prina F.* National Cultural Autonomy: Russia’s Model, the Tatars and Ethno-Cultural Education // Tatarica: Culture, Personality and Education. 2016. 1(6): 175–188.
5. *Skuttnabb-Kangas T., Bucak S.* How the Kurds are Deprived of Linguistic Human Rights // T. Skuttnabb-Kangas, R. Phillipson (eds.). Linguistic Human Rights. Overcoming Linguistic Discrimination. Berlin. New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 347–370.
6. *Zamyatin K.* From Language Revival to Language Removal? The Teaching of Titular Languages in the National Republics of Post-Soviet Russia // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2012. 11 (2): 75–102.

Глава 4

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ

Борис Андреевич Синанов, канд. ист. наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва); boris-sinanov@yandex.ru

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт» № 15-18-00099п.

Введение

В современном мире в ответ на интенсивные процессы глобализации, во многом стирающие этнические, культурные и языковые границы, наблюдается противоположное явление, которое находит свое выражение во все возрастающем интересе индивида и общества в целом к своим локальным культурам, языкам, традициям. И если с развитием техники, средств коммуникации, ростом мобильности населения можно опасаться исчезновения миноритарных языков и элементов этнической культуры, то те же самые новые возможности передвижения по миру, информационно-коммуникативные технологии, в частности социальные сети, создают перспективы для развития языков и актуализации этничности, позволяют этнически родственным сообществам укреплять солидарность, сохранять, развивать, а в некоторых случаях и возрождать свои языки [см.: Агабабян, Сысоева 2019].

На пике процессов глобализации в XX–XXI вв. как на международном уровне, так и на уровне отдельных государств получило юридическое закрепление право на защиту и поддержку региональных языков и языков меньшинств. Ведущие специалисты в области юриспруденции подчеркивают, что российская юридическая практика в этой сфере четко следует международным стандартам: определяющая роль государственного языка не может подвергаться сомнению, однако она не должна вести

к дискриминации прав национальных меньшинств на пользование родным языком. В этой связи встает вопрос определения оптимального баланса с учетом имеющейся конкуренции этих двух конституционных ценностей: права человека на пользование родным языком и развития государственного языка [Хабриева, Андриченко 2018: 64].

В предлагаемом исследовании на основе мониторинга этнокультурного пространства, статистических данных, анализа региональных и федеральных СМИ и научной литературы предпринята попытка проанализировать языковую ситуацию и языковую политику в Республике Северная Осетия — Алания (РСО-А) на современном этапе. В сфере нашего научного внимания находится выявление истоков наблюдаемых процессов и перспектив развития этноязыковой ситуации.

В последние годы наблюдается заметный интерес исследователей к вопросам, связанным с языковой ситуацией и языковой политикой в Северной Осетии. Не только в научных центрах региона¹, но и в Москве проводятся всероссийские и международные конференции по проблемам осетинского языка и языковой политики². Однако большинство новейших социолингвистических исследований представлено в виде научных статей, затрагивающих различные аспекты проблемы [Бзаров 2005, 2014а, 2014б; Цориева 2009; Гацалова, Парсиева 2017; Канукова 2018; Бесолова 2018; Попова 2019].

В этой связи отдельно стоит упомянуть фундаментальное монографическое исследование профессора Тамерлана Таймуразовича Камболова «Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы», изданное в 2007 г. На основе всестороннего ретроспективного анализа трансформаций языковой ситуации автор определяет основные характеристики текущих языковых процессов в РСО-А. Многоэтничная структура населения Северной Осетии естественным образом наложила свой отпечаток на

¹ Например: регулярные международные «Абаевские чтения»; «Всероссийские Миллеровские чтения»; Международные школы-конференции молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки»; Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Коста Хетагуров в контексте культуры России» (2019) и др.

² Например: II Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Осетинский язык в условиях глобализации». Москва, 2012 и др.

современную языковую ситуацию, которую автор определяет как «многокомпонентную, многоязыковую, неравновесную, несбалансированную экзоглоссную ситуацию, компоненты которой отличаются различным юридическим статусом и отсутствием генетической общности» [Камболов 2007: 91]. В свою очередь, билингвизм в Северной Осетии Т.Т. Камболовым характеризуется как «естественный, контактный, общенародный, преимущественно односторонний, однофокусный». При этом в исторической динамике указывается на тенденцию перехода двуязычной ситуации от национального одноязычия этнических групп к фазе смешанного (национально-русского) билингвизма и в перспективе к новой форме одноязычия (русского) [там же]. Последнее обстоятельство вызывает у автора наибольшие опасения, так как при сохранении существующих тенденций можетгрозить полным выходом осетинского языка из употребления во всех сферах общественной жизни, что приведет в результате к его исчезновению [там же, с. 178].

Важное место в исследовании занимает описание современного состояния осетинского языка и различных форм его существования. Т.Т. Камболов, в частности, отмечает: «Исторические условия жизни осетинского народа не позволили развиться процессу естественного формирования общенародной формы языка — наддиалектного койне. Процесс создания единого национального литературного языка, начавшийся в период становления осетинской нации, не получил соответствующего развития, распространения и закрепления, что привело к весьма слабой степени нормированности различных уровней осетинского языка. Объективные параметры осетинского языка не позволяют обнаружить в нем форму единого национального литературного языка» [там же, с. 138]. Состояние осетинского языка характеризуется им как «состояние диалектной диглоссии, основанное на принципе территориального распределения функций диалектов осетинского языка» (иронского и дигорского диалектов). Рассматривая осетинский язык как совокупность территориальных диалектов, Камболов предлагает именовать его не «осетинским национальным языком», а «языком осетинского народа (этноса)» [там же].

К данной проблеме Тамерлан Таймуразович будет возвращаться и в дальнейшем. Так, в представленном на его личной

страничке в социальной сети *Facebook* [Камболти] схематическом изображении (на русском и осетинском языке) всей полноты диалектов и говоров осетинского языка (рис. 4.1), Камболов в русском варианте все же употребляет название «осетинский национальный язык», а в качестве осетинского эквивалента предлагает использовать «аллон адæмы национ æвзаг» (дословно «национальный язык аланско-народа»). Данный термин призван исключить противоречивость привычной номинации «ирон æвзаг» (дословно «иронский язык»), которая употребима как в узком (иронский диалект осетинского языка), так и в широком (вся совокупность диалектов и говоров) смыслах.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА
АЛЛОН ӔВЗАДЖЫ ӔХСÆНАДОН АРÆЗД
(Т.Т. Камболов)

Рис. 4.1. Диалектная структура осетинского языка (по Т.Т. Камболову)

Особое внимание в своей монографии Камболов уделяет разработке принципов и основных направлений языкового строительства в РСО-А с учетом современных концепций этноязыковой политики, приоритетов федерального и мирового права в области языкового законодательства. В этом направлении предлагается принять ряд республиканских законодательных актов, среди них: «Закон о языках народов РСО-А», «Концепция языковой политики РСО-А», Республиканская целевая программа «Осетинский язык» и др. Определяющее значение в возрождении осетинского языка отводится правильной организации расширения функций языка в сфере образования, которая, по замечанию автора, является «самой сложной по исполнению акцией языкового строительства» [там же, с. 232].

В целом полноценная сбалансированная система дошкольного и школьного образования в республике, по мнению Камболова, должна состоять из двух основных типов общеобразовательных учреждений: национальная осетинская школа и русскоязычная школа. «В свою очередь, с учетом реалий сегодняшнего дня, осетинская национальная школа должна иметь два варианта: осетинская национальная школа для детей, владеющих осетинским языком как родным, и осетинская национальная школа для детей, недостаточно хорошо владеющих или вовсе не владеющих своим национальным языком» [там же, с. 235]. Первый вариант осетинской национальной школы (осетинско-русской) должен быть создан в селах и районных центрах республики. При этом языком обучения в районах с преобладающим иронским населением должен стать со временем восточный вариант осетинского литературного языка (на нынешнем этапе — книжно-письменная форма иронского диалекта), а в районах с преобладающим дигорским населением — сначала книжно-письменная форма дигорского диалекта, а в будущем — его литературный вариант. Во Владикавказе же необходимо создание обоих вариантов национальных школ с преобладанием русско-национальных. В русскоязычной школе преподавание осетинского языка в качестве изучаемого предмета должно начинаться с первого класса и продолжаться весь период обучения [там же, с. 235–236].

Следует отметить, что Камболов не остается только теоретиком языкового строительства в Северной Осетии. Являясь заведующим кафедрой ЮНЕСКО Северо-Осетинского государственного педагогического института, он совместно с группой коллег на протяжении многих лет занимается разработкой и внедрением полилингвальной модели поликультурного образования, о которой речь пойдет ниже.

Таким образом, комплекс вопросов, связанных с языковой ситуацией и языковой политикой в Северной Осетии, не первый год находится в центре внимания научного сообщества. Однако в свете недавних новаций в федеральном законодательстве относительно добровольности изучения родных языков в школе видится целесообразным провести анализ изменений в региональной языковой политике. В нашем исследовании мы рассмотрим содержание и основные направления общественных дискуссий вокруг изменений в федеральном законодательстве; охарактеризуем современное состояние осетинского языка, сложности процесса формирования национального литературного языка, который до сегодняшнего дня остается незавершенным; проанализируем этнополитические процессы и языковую ситуацию в РСО-А на современном этапе; рассмотрим нормативно-правовые, институциональные, программные направления языковой политики, гражданские, этнокультурные и религиозные инициативы.

Новые законодательные инициативы и дискуссии в обществе

14 августа 2018 г. вступили в силу ранее принятые Государственной Думой поправки к Федеральному закону № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Федеральный закон 2018], предполагающие изучение государственных языков республик России «на добровольной основе». Еще на стадии обсуждения законопроект возмутил многих жителей национальных регионов, которые увидели в нем угрозу для существования языков и культуры своих этносов. Обеспокоенность некоторых политиков, ученых и общественных деятелей вполне понятна, ведь в регионах с полигэтническим составом населения языковая

ситуация и языковые проблемы являются одними из важнейших вопросов национальной политики и темой для общественных дискуссий.

Всего в Федеральный закон (ФЗ) внесены три поправки. Первая из них призвана «обеспечить возможность получения образования на родных языках из числа языков народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, родных языков из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка» через федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) дошкольного, начального общего и основного общего образования. ФГОСы должны быть разработаны для языков всех народов Российской Федерации (РФ).

В системе образования РФ используются 58 языков, федеральные образовательные программы утверждены по 13 национальным языкам. В то же время существует такое понятие, как «государственные языки»: они определены в 22 субъектах Федерации, статус государственных языков РФ имеют 36 языков (одновременно во всех субъектах в качестве государственного определен также русский язык). При этом (если считать и наречия) в России говорят более чем на 170 языках.

Вторая поправка касается русского языка. Если ранее в школьной программе он изучался как государственный, но его нельзя было выбрать для изучения как родной, то теперь часть 4 статьи 14 ФЗ после слов «изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации» дополняется словами «в том числе русского языка как родного языка». Таким образом, русский язык стал не только государственным, но и приобрел статус родного. И его можно выбрать в качестве предмета «родной язык». Этот вопрос некоторое время назад стал поводом для дискуссий в обществе.

Третья поправка предоставляет право выбора языка при получении образования, изучении государственных языков и родных языков родителям ученика. Именно эта поправка и вызвала резонанс, поскольку только изучение русского языка в качестве государственного языка РФ остается обязательным на всей территории страны, тогда как изучение государственного

языка субъекта Федерации не будет обязательным для всех школьников этого региона.

Судьба осетинского языка — одна из наиболее актуальных проблем, затрагивающих всех жителей Северной Осетии. Споры вокруг его статуса, методик преподавания и обязательности изучения не стихают который год. Фактическая отмена обязательности изучения осетинского как государственного языка республики обострила дискуссии в обществе, приведя к его расколу на согласных с этим решением и ярых его противников.

В Северной Осетии реакцией на поручения, данные Президентом РФ В.В. Путиным по результатам проведённого им 20 июля 2017 г. в Йошкар-Оле Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ и касающиеся обеспечения прав граждан РФ на добровольное изучение родного языка, стало обращение к Президенту РФ с просьбой о возврате обязательного изучения осетинского языка в школах республики. Оно было распространено в сети Интернет в декабре 2017 г. Инициатором его стал профессор Т.Т. Камболов, который, ссылаясь на Конституцию РФ, а также федеральные законы «О языках народов РФ» и «Об образовании в РФ», указал на право республик в составе РФ устанавливать свои республиканские государственные языки и регулировать в том числе вопросы их изучения на своей территории. «В своем обращении к В.В. Путину мы апеллируем к нему как к гаранту Конституции и просим дать поручение Минобрнауки РФ создать необходимые организационные условия для обязательного (!) изучения осетинского языка в рамках предмета “Государственный язык Республики Северная Осетия – Алания”. Изучение государственного языка республики на ее территории должно быть обязательным для всех ее жителей, так же как изучение государственного языка РФ является обязательным для всех граждан страны» [Акоефф 2018а: 3]. Исключение, по мнению Камболова, следует сделать только для детей военнослужащих и других командированных граждан, временно пребывающих на территории республики.

Обращение Камболова было поддержано представителями национальной интеллигенции республики. В частности, известный историк профессор Р.С. Бзаров подчеркивает необ-

ходимость «обязательного изучения государственных языков субъектов Российской Федерации» и выражает уверенность, что «без этого невозможно выстроить надежный каркас российской гражданской нации... Фундаментальный вопрос — обучение на осетинском языке детей, для которых он родной» [Акоефф 2018b: 4].

Свое мнение о ситуации неоднократно высказывали и представители региональной власти. Так, 30 июня 2018 г. на встрече с молодежью глава РСО-А В.З. Битаров сообщил, что регион уже обратился в Государственную Думу РФ с ходатайством о предоставлении права самостоятельного решения этого вопроса и выразил личную позицию, что «осетин обязан изучать родной язык» [Сабанова 2018: 3]. Месяцем ранее, поздравляя жителей республики с Днем осетинского языка и литературы, глава РСО-А отметил, что «в обществе давно идут споры о том, может ли исчезнуть осетинский язык... Сохранение родного языка является первоочередным долгом любого человека, считающего себя осетином. Мы чаще должны обращать внимание на известных писателей, ученых, которые творят на родном осетинском языке. Как показывает опыт, те, кто отдалился от своего родного языка, чаще всего растворяются во времени» [Битаров 2018: 2].

О важности владения государственным языком республики заявляет и министр РСО-А по вопросам национальных отношений А.А. Цуциев: «Поскольку у нас в республике осетинский язык является государственным, я думаю, что любой человек должен понимать, что хотя бы какие-то азы осетинского языка его ребенок должен усвоить». Цуциев не склонен разделять мнение о скором умирании осетинского языка, но все же обращает внимание на отсутствие в законодательной базе республики «Закона о языке», различные варианты которого еще в начале 1990-х гг. были приняты во многих национально-государственных образованиях РФ [Акоефф 2018б: 4].

В свою очередь председатель координационного совета Международного общественного движения «Высший совет осетин» Р.А. Кучиты предлагает «составить реестр государственных должностей, для которых знание осетинского языка должно

быть обязательным по характеру работы» [Кучиты 2018: 4]. В своей программной статье, опубликованной в центральной республиканской газете «Северная Осетия», Кучиты изложил собственное видение перспектив языкового строительства и этно-культурного развития осетин.

В Поручении Президента РФ генеральной прокуратуре о проверке добровольности изучения родного языка в школах субъектов РФ некоторая часть общества в РСО-А увидела далеко идущие планы федерального центра по ущемлению правосубъектности национальных республик, и в перспективе «ассимиляции (русификации) их титульных этносов». «Фактически в этом и других подобных решениях заключена ставка, предсказание. Ставка на исчезновение местных языков. Ставка на разрушение национальных идентичностей. Ставка на постепенный демонтаж самой субъектности национальных республик в условиях, когда исчезнет спрос на нее — спрос, генерируемый национально-этническим самосознанием и ничем иным» [Федерализм. Реставрация]. Неназванные авторы цитируемой статьи, размещенной на сайте *«hohag.com*. Недобитая горская аристократия», анализируя политику центра в области федеративных отношений, приходят к выводу о «сломе федерализма и попытке трансформировать Россию в унитарное государство». На примере языковой политики авторы предлагают читателям попытаться найти ответ на целый ряд вопросов: «Мы ожидаем [...] окончательной потери своей этнокультурной идентичности или ее сохранения и развития на горизонте 30–50 лет? Какова была историческая роль вступления Осетии в состав России — на историческом горизонте [оно] призвано стать фактором нашего этнического развития и прогресса, или фактором все той же ассимиляции и этнической гибели? С присоединением к России мы должны были утерять примат собственных интересов и заменить их на общероссийские? Когда декларируемые общественные интересы страны вступают в конфликт с кровными интересами осетинского народа — как такой конфликт должен разрешаться? Мы находимся в составе федерации ради интересов самой федерации или ради интересов родины? И наконец: Осетия для России, или Россия для Осетии?» [там же].

Как показала практика, поправки, принятые в ФЗ «Об образовании в РФ», оказали незначительное влияние на изучение в школах осетинского языка. Однако если до вступления их в силу было анонсировано, что «99% родителей выбрали изучение осетинского языка как родного» [Градус Осетии 2018], то в марте 2019 г. оказалось, что в Моздокском районе, где большая часть населения не осетины, жители в качестве родного языка выбрали русский. Также и в некоторых селах Пригородного района, где компактно проживают ингуши и где изучается ингушский язык, выбрали в качестве родного ингушский [Туаев 2019].

В развитии ситуации с выбором языка обучения следует учитывать и тот факт, что Северная Осетия, как и большинство республик юга России, является трудоизбыточным регионом. В этих условиях знание русского языка становится коммуникационной необходимостью и конкурентным преимуществом на рынке труда. Это значит, что при реализации права выбора языка обучения родители школьников будут вынуждены учитывать перспективу актуальности получения своими детьми высшего образования и последующего трудоустройства за пределами республики.

Таким образом, вопрос о добровольности изучения родного языка, поднятый 20 июля 2017 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ в Йошкар-Оле, и принятые в августе 2018 г. поправки к ФЗ «Об образовании в РФ» стали важной темой общественных дискуссий в России и в первую очередь в национальных республиках. Комплекс вопросов, связанных с языковой ситуацией и языковой политикой в Северной Осетии, находится в центре внимания не только научного сообщества, но и широких слоев населения. И если представители республиканской власти более сдержаны в своих оценках, то некоторые участники обсуждения видят в происходящем планомерное наступление федерального центра на конституционный суверенитет республики. В этой связи периодически обостряющиеся дискуссии по языковому вопросу могут способствовать политизации этничности, что, в свою очередь, в условиях полигэтничного региона и в сочетании с комплексом иных вопросов может привести к новым рискам и вызовам.

Современное состояние осетинского языка

Осетинский язык — остаток северо-восточной скифо-сарматской ветви иранских языков. Непосредственный его предок — аланский, на котором говорили племена, населявшие на рубеже I и II тысячелетий н.э. Северный Кавказ и Южную Россию. Ираноязычность алан прочно установлена и среди квалифицированных ученых не подвергается сомнению. Специалисты подчеркивают, что «современное состояние осетинского языка — это результат сложных исторических процессов. Если все современные иранские языки развивались в условиях постоянного взаимовлияния, то осетинский язык на протяжении около двух тысяч лет находился вне каких-либо прямых контактов с родственными иранскими языками. Он занял обособленное положение среди иранских языков и по многим характеристикам резко отличается от них» [Сатцаев 2019: 69].

Как уже отмечалось, осетинский язык делится на два основных диалекта: иронский (восточный) и дигорский (западный). С историко-лингвистической точки зрения дигорский диалект более архаичен. Однако следует отметить, что, несмотря на различия между двумя диалектами, все носители осетинского языка без затруднения понимают друг друга. Более подробно современная классификация осетинского языка с учетом всех существующих говоров на севере и юге Осетии, а также с учетом проблемы статуса дигорского диалекта/варианта/языка, предлагается профессором Камболовым [Камболти] (см. рис. 4.1).

Обеспокоенность положением осетинского языка, появлявшимися в нем заимствованиями преимущественно из русского языка на севере и грузинского на юге Осетии, представители осетинской интеллигенции выражали еще на рубеже XIX–XX вв. Так, один из основоположников осетинской художественной литературы Сека Гадиев в небольшом четверостишье с горечью констатировал современную ему ситуацию: «Чем же стали осетины? Часть — татары, часть — грузины, Этот — русский, тот — черкес... Что за странная картина! Может, мой народ исчез?» [Гадиев 2008: 141–142, 202–203].

В конце XX в. выдающийся советский и российский лингвист осетинского происхождения В.И. Абаев, рассуждая о

важности бережного отношения к родному языку в условиях широкого распространения двуязычия, отмечал, что среди части осетинской интеллигенции возникло пренебрежительное отношение к осетинскому языку, «им перестают пользоваться даже в семейном быту». При этом он считал, что билингвизм для осетин — «наша внутренняя, осознанная необходимость, наше естественное состояние, наша судьба». По мнению В.И. Абаева, за время языкового строительства в Осетии достаточно четко определилось оптимальное разделение сфер функционирования русского языка, с одной стороны, и родного, с другой. «Не нужно пытаться искусственно внедрять родной язык там, где, как показал исторический опыт, разумнее и целесообразнее во всех отношениях пользоваться русским языком. С другой стороны, нельзя допускать, чтобы родной язык нес потери в тех сферах, которые именно он призван обслуживать. Важнейшей такой сферой является родной дом, семья... Язык погибнет, если подсечь его корни в семье» [Абаев 1995: 294–296].

В наши дни, согласно данным «Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», изданного ЮНЕСКО в 2010 г., из существующих в России языков 131 находится в опасности, и 20 из них уже признаны мертвыми. Авторы рассчитывают уровень жизнеспособности языка в соответствии с девятью критериями, из которых наиболее важным считается передача языка между поколениями. Эксперты ЮНЕСКО используют набор из шести категорий для определения того, в какой степени язык находится под угрозой исчезновения, и определяют его статус: 1) «безопасный» — язык используется всеми поколениями, его передача между ними не нарушена (такие языки в атлас не включены); 2) «уязвимый» — на языке разговаривает большинство детей, но его использование может быть ограниченным (например, на языке говорят только дома); 3) «есть угроза исчезновения» — язык не изучается детьми как родной язык; 4) «серёзная угроза» — язык используется старшими поколениями; понятен поколению родителей, но не используется при общении с детьми и между собой; 5) «на грани вымирания» — самые младшие носители языка — старики, язык ими используется частично и редко; 6) «вымерший» — нет живых

носителей языка (в атлас внесены только вымершие с 1950-х гг.) [UNESCO Atlas 2019].

Согласно критериям разработчиков атласа ЮНЕСКО осетинский язык входит во вторую категорию и определяется как «уязвимый» (*vulnerable*). К этой же категории были отнесены и другие языки наиболее многочисленных народов Северного Кавказа: аварский, даргинский, кумыкский, лезгинский, лакский, табасаранский, чеченский, ингушский, кабардино-черкесский, адыгейский, карачаево-балкарский. В то же время языки, исконные носители которых менее многочисленны: абазинский, ногайский, агульский, рутульский, цахурский, язык горских евреев и др., классифицируются как «находящиеся под угрозой исчезновения» (*definitely endangered*).

Отнесенные вместе с осетинским языком к одной категории «уязвимых» языки народов Северного Кавказа отличаются между собой по степени распространенности. Так, если осетинским языком в РСО-А владеет 88,3% осетин, то аварским — 80,9% аварцев Республики Дагестан, кабардино-черкесским — 88,3% кабардинцев Республики Кабардино-Балкарья и 88,9% черкесов Республики Карачаево-Черкессия, чеченским — 99,7% чеченцев Чеченской Республики, ингушским — 71,9% ингушей Республики Ингушетия [Федеральная служба 2010]. Однако в отношении последнего имеются большие сомнения в адекватности оценки. Учитывая практически моноэтничный состав жителей (94,1% населения составляют ингуши), а также тот факт, что 87% ингушей из почти 30 000 проживающих в РСО-А владеют ингушским языком, едва ли представляется возможным незнание почти 30% населения Республики Ингушетия языка своего этноса.

В настоящее время частью научного сообщества в Северной Осетии ставится вопрос о сохранении осетинского языка. Менее пессимистически настроенная часть ученых считает, что «на данном этапе вопрос исчезновения осетинского языка пока не актуален. Однако в случае продолжения ныне действующих тенденций этот вопрос неизбежно возникнет» [Сатцаев 2019: с. 70].

В наши дни исследования в области осетинского языкоznания осуществляются ведущим научным центром республики —

Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН (СОИГСИ). В структуре СОИГСИ действуют отдел осетинского языкоznания и отдел фольклора и литературы, осуществляющие фундаментальные и прикладные исследования в соответствующих областях. Крупным достижением института за последние годы стала реализация масштабного проекта по созданию электронного корпуса текстов осетинского языка как базы для фундаментальных и прикладных осетиноведческих исследований. Осетинский корпус не только удовлетворяет мировым стандартам корпусной лингвистики, но даже превосходит их в отдельных случаях. Корпус размещен в открытом доступе в Интернете [Корпус].

Подготовка высококвалифицированных специалистов для учреждений образования, науки, культуры осуществляется на факультете осетинской филологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (СОГУ). В Северо-Осетинском государственном педагогическом институте действует кафедра осетинской филологии, которая является выпускающей кафедрой, обеспечивающей подготовку педагогических кадров дошкольного и начального образования по профилю «родной язык и литература». Сотрудниками обоих институтов ведется научная работа.

В Северо-Осетинском республиканском институте повышения квалификации работников образования сотрудниками кафедры осетинского языка и литературы ведется научно-исследовательская деятельность, связанная с теорией и методикой преподавания осетинского языка и литературы в школе.

В Южной Осетии функционируют университет и научно-исследовательский институт, где также осуществляются исследования в области осетинского языка.

Вопросами сохранения и развития осетинского языка занимается и Владикавказская епархия Русской православной церкви. Общеизвестной отличительной особенностью христианства среди других мировых религий является активная миссионерская деятельность, которая осуществляется на языке того народа, к которому обращена евангельская весть. Для

многих народов процесс христианизации сопровождался развитием широкой деятельности по переводу и распространению христианской литературы на национальном языке с помощью специально созданной для этих целей новой письменности. Так было в случае создания коптской, готской, древнеармянской, древнегрузинской и старославянской систем письма. Сегодня у научного сообщества не осталось сомнений в том, что и для народов Центрального и Северо-Западного Кавказа распространение христианства в Средние века сопровождалось попытками создания письменности для автохтонных народов на основе греческой графики. Инициаторами его были оставшиеся никому не известными аланские монахи, или монахи-греки, освоившие аланский язык. С распространением в начале X в. христианства в этнической среде северокавказских алан в богослужебной практике активно используются греческий и аланский языки [Корпус: 341].

Новый период процесса перевода богослужебной литературы на осетинский язык начался в конце XVIII в., после присоединения Осетии к России. Переводчикам того времени фактически пришлось начинать работу с чистого листа, так как до сих пор не обнаружено полноценных свидетельств существования богослужебных текстов в средневековой Алании. События 1917 г. и последующий период советской власти, по понятным причинам, не позволили продолжить начатое дело.

В 1990-е гг. интерес к переводу священных текстов возобновляется. Осуществляется не только редактирование и переиздание дореволюционных текстов, но и издаются новые переводы Евангелия и молитвословов. В 2015 г. одним из самых значимых событий в церковно-общественной жизни Осетии стало завершение трехлетнего труда переводческой группы по переводу Божественной литургии (Хуыцауы литурги). Его новое издание, в котором учтен четырехлетний опыт практического применения в нескольких храмах республики, было представлено широкой общественности в мае 2019 г. [Новое издание].

Как уже отмечалось, процесс создания единого осетинского литературного языка, начавшийся в период становления осетинской нации, не получил соответствующего развития, распро-

странения и закрепления, что привело к весьма слабой степени нормированности различных уровней осетинского языка. Относительно недавно стали едиными алфавит и графика для всего осетинского языка. Например, еще в 1920-е гг. действовало три осетинских латинизированных алфавита: иронский, дигорский и югоосетинский, имевшие разное число букв и пытавшиеся отразить фонетические особенности соответствующих вариантов осетинской речи. Функционирование двух вариантов литературного языка (см. рис. 4.1) и нескольких орфоэпических традиций в иронском диалекте объединено в общих для всех ветвей осетинского народа алфавите и графике на основе кириллического письма. И если имевшие место попытки грузинизации югоосетинской графики надежно преодолены, то употребление на практике латинского письма или создание отдельного алфавита для западно-осетинского (дигорского) литературного языка до сих пор актуальны, хотя и не находят поддержки у большинства специалистов. Сторонники единства осетинского этноса в этом вопросе весьма категоричны: «Безумным разрушением этого единства, отступлением к формам культурной жизни далекого прошлого обернулись бы не только повсеместное навязывание искусственной нормы произношения, но в еще большей мере — попытка расширить и, следовательно, фактически разделить алфавит на варианты под лозунгом полноты отражения в нем звукоряда осетинской речи» [Бзаров 2014а: 326].

Таким образом, осетинским лингвистам еще предстоит, используя собственные наработки и опыт других народов, создать полноценный национальный литературный язык, способный обеспечить отражение современного мира во всем его многообразии [Сатцаев 2019: 70]. В этом сложном процессе находят свое отражение нормативно-правовые, институциональные, общественные и религиозные инициативы.

Этнополитические процессы и языковая ситуация в РСО-А на современном этапе

Развитие этноязыковой ситуации в РСО-А определено спецификой этнического состава населения и обусловлено длительным совместным проживанием населяющих ее народов.

Результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. констатировали исторически сложившееся значительное этническое разнообразие Северной Осетии. Республику населяют порядка десяти наиболее многочисленных этносов — осетины, русские, ингуши, армяне, кумыки, грузины, турки, украинцы и др. В Северной Осетии представлены также народы, численность которых колеблется от 2 тыс. до нескольких сотен человек — греки, цыгане, корейцы, татары, народы Дагестана, белорусы. Данные о численности этносов за последние десятилетия свидетельствуют о наблюдающейся в республике динамике этнической картины, в которой можно выделить две основные тенденции. Первая проявляется в снижении численности русского населения; вторая, во многом вытекающая из первой, заключается в замене старожильческого населения новым [Синанов 2015: 175] (табл. 4.1).

Таблица 4.1

**Динамика этнического состава населения Северной Осетии 1989–2010 гг.
(по материалам всероссийских переписей населения)**

Население	Переписи					
	1989		2002		2010	
	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу
Все население	632 428	100,0	710 275	100,0	706 423 ¹	100,0
Осетины	334 876	52,9	445 310	62,7	459 688	65,1
Русские	189 159	29,9	164 734	23,2	147 090	20,8
Ингуши	32 783	5,2	21 442	3,0	28 336	4,0
Армяне	13 619	2,1	17 147	2,4	16 235	2,3
Кумыки	9478	1,5	12 659	1,8	16 092	2,3
Грузины	12 284	1,9	10 803	1,5	9095	1,3
Турки	158	0,02	2846	0,4	3383	0,5
Украинцы	10 088	1,6	5198	0,7	3251	0,4
Азербайджанцы	1751	0,2	2429	0,3	2857	0,4
Кабардинцы	2770	0,4	2902	0,4	2802	0,4
Чеченцы	2646	0,4	3383	0,5	2264	0,3
Греки	2986	0,5	2332	0,3	1880	0,2

¹ Указавшие свою национальность. Все население — 712 980 человек.

Окончание табл. 4.1

Население	Переписи					
	1989		2002		2010	
	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу
Цыгане	1464	0,2	1553	0,2	1684	0,2
Корейцы	2960	0,4	1841	0,2	1458	0,2
Татары	1968	0,3	2108	0,3	1411	0,2
Народы Дагестана (кроме кумыков)	3279	0,5	3031	0,4	3015	0,4
Белорусы	1779	0,3	1002	0,1	609	0,08

Исходя из преобладающей численности тех или иных этнических групп, районы Северной Осетии условно подразделяют на три типа: «осетинские» (6 районов), «смешанный» и «русский». В «осетинских» районах удельный вес осетин составляет от 80 до 98%, русских — от 0,5 до 15%, других национальностей — от 2,5 до 5%. В целом в «осетинских» районах удельный вес этнических групп выглядит следующим образом: осетин — 87%; русских — 10%; других национальностей — 3%. Осетины, населяющие два из этих районов — Диорский и Ирафский, говорят на диорском диалекте осетинского языка.

«Смешанный» — Пригородный район с преобладающим по численности осетинским населением (порядка 75%). Кроме того, на территории района живет значительная часть ингушского населения Северной Осетии, которая составляет 13% численности населения района (удельный вес приведен по численности реально проживающих в настоящее время); на долю русских и представителей других национальностей приходится соответственно 10 и 2%.

«Русский» — Моздокский район, удельный вес русского населения составляет в нем 55%, осетин — 10%, кумыков — 15%. Остальное население района — армяне, кабардинцы, украинцы, чеченцы (по 3%) и др. Говоря о русских, необходимо отметить, что более 85% от их общей численности расселены в Моздокском районе и в столице республики г. Владикавказе — соответственно 25 и более 60% [Канукова, Федосова 2011: 278].

Столица республики г. Владикавказ — полигэтничный город, в котором большую часть населения составляют осетины — 63,5% и русские — 24,5%, также представлены армяне — 3,5%, грузины — 2,2%, ингуши — 1,1% и др. (табл. 4.2).

Таблица 4.2

Динамика этнического состава населения г. Владикавказа 1989–2010 гг.

Этносы	Процент к общему количеству населения		
	1989	2002	2010
Осетины	46,4	62,7	63,5
Русские	36,2	23,1	24,5
Армяне	3,6	2,4	3,5
Грузины	3,2	1,5	2,2
Ингуши	3,9	3,0	1,1
Греки	0,9	0,3	0,52
Татары	0,4	нет сведений	0,26
Евреи	0,3	нет сведений	нет сведений
Немцы	0,2	0,1	нет сведений

По результатам переписи 2010 г., в РСО-А русским языком владеет 686 856 человек, или 98% населения из числа лиц, указавших владение языками, в том числе 444 000 осетин (97,5%), 146 914 русских (99,9%) и 26 365 ингушей (94,8%) [Федеральная служба 2010]. Показатель знания русского языка в Северной Осетии является одним из самых высоких среди республик Северного Кавказа, выше только в Республике Адыгея — 99%, где сохраняется и самый высокий процент русского населения — 63,6%. Для сравнения, в остальных национально-государственных образованиях юга России знание русского языка населением распределается следующим образом: Чеченская Республика — 92,1%, Республика Дагестан — 93,1%, Республика Ингушетия — 94,3%, Кабардино-Балкарская Республика — 96,6%, Карачаево-Черкесская Республика — 97,5% [Итоги 2010].

В то же время в РСО-А осетинским языком владеет 414 388 человек (59,1%), в том числе осетин — 402 248 (88,3%); грузин — 2023 (22,4%); кабардинцев — 227 (8,1%); армян — 1139 (7%); украинцев — 207 (6,3%); русских — 6246 (4,2%); чеченцев —

41 (1,82%); кумыков — 100 (0,62%); ингушей — 102 (0,3%) [там же].

Как и в других республиках РФ, в Северной Осетии широко распространен билингвизм: подавляющее большинство нерусского населения владеет русским языком. Обращает на себя внимание употребление в повседневной жизни и третьего по распространенности в РСО-А — грузинского языка, которым владеет 30 630 человек, или 4,3% населения, большая часть его носителей собственно грузины — 5380 человек (59,6%) и осетины 24 348 человек (5,3%) [там же]. Данная ситуация объясняется наличием большого количества переселенцев-осетин из Южной Осетии и внутренних районов Грузии, для старшего поколения которых характерно свободное владение тремя языками.

В свою очередь, и среди грузинского населения значительен процент владеющих осетинским языком — 22,4%, или 2023 человека [там же], что также можно объяснить много вековыми историческими связями и этнокультурным взаимодействием.

В современной языковой ситуации в Северной Осетии можно отметить еще одну характерную закономерность. Как уже было упомянуто выше, наблюдаемые в последние три десятилетия миграционные процессы, ведущие не только к снижению численности русского населения, но и к замене старожильческого населения новым, в языковой сфере имеют следствием низкий процент знания осетинского языка «новыми» этносами. Так, например, среди отличающихся высокими темпами естественного и механического прироста населения кумыков и чеченцев, проживающих преимущественно в самом отдаленном от столицы республики Моздокском районе, владение осетинским языком составляет 0,6 и 1,8% соответственно. Хотя у турок-месхетинцев, активно осваивающих тот же район, этот показатель значительно выше и составляет 6,6%. Актуальна данная закономерность и для ингушей (0,3%), молодое поколение которых сформировалось вне территории Северной Осетии и сегодня возвращается в населенные пункты Пригородного района республики. Старожильческие этносы, напротив, имеют более высокие показатели знания осетинского языка: грузины —

22,4%; кабардинцы — 8,1%; армяне — 7%; украинцы — 6,3%; русские — 4,2% [там же].

Таким образом, в РСО-А большинство населения — 686 856 человек, или 98% жителей — владеет русским языком. Следовательно, языковое взаимодействие в полигэтническом обществе обеспечивается главным образом знанием русского языка, а осетинский используется преимущественно во внутриэтническом общении.

На формирование русского языка как языка межэтнического общения в исторической ретроспективе повлияло несколько факторов. Первым из них следует отметить достаточно быструю интеграцию Осетии в общесимперское, а затем и общесоветское пространство. Особую роль в формировании российской государственности и общероссийской идентичности в Осетии сыграла миссия Русской православной церкви, с деятельностью которой связано не только строительство храмов и развитие приходской жизни, но и основание школ, распространение грамотности, формирование осетинской церковной интеллигенции и осуществление ею просветительских проектов [Канукова 2016: 40].

Так, уже со второй половины XIX в. территория современной Северной и Южной Осетии покрывается сетью церковно-приходских школ «Общества распространения христианства на Кавказе». Несколько десятилетий народно-просветительской деятельности во многом позволили «сделать среди осетин Владикавказского округа русский язык и грамоту родными. Вслед за христианскими открыли и в мусульманских осетинских селениях такие же школы» [Дзалаева 2016: 49]. В 50–60-е гг. XIX в. десятки одаренных осетинских юношей получили высшее образование в учебных заведениях Кавказа и России [Канукова 2016: 44]. Все это позволило начальнику Владикавказского округа в 1869 г. констатировать, что «осетины давно уже сами сознали пользу знания языка русского и грамотности, — окружены русским населением единоверным с ним, так как большая часть осетин исповедуют христианскую религию, они, когда еще не были устраиваемы школы для осетин, большая часть из жителей отдавали своих сыновей в станицы — казакам для обучения русской грамоте;

хотя подобное обучение и не приносило такой пользы, какую принесли бы школы, но, во всяком случае, оно имело важное значение, так как оно развило в народе грамотность и знание русского языка. Ныне не редкость встретить осетина, умеющего хотя и плохо, но написать что-либо, а говорящий по-русски уже не удивляет никого» [Дзалаева 2016: 49].

Вторым фактором, определившим современные позиции русского языка, следует считать особую роль города Владикавказа. Как и большинство городов Северного Кавказа, Владикавказ основывался и формировался как центр русской культуры в регионе. Статус столицы Терской области в имперское время и города краевого подчинения в первые два десятилетия советской власти способствовали развитию Владикавказа как полиэтничного города с преимущественно русским и русскоязычным (украинцы, евреи, немцы, поляки и др.) населением. Но со второй половины 1920-х гг. набирает силу советский модернизационный проект, связанный в том числе и с ускоренным ростом городов. Так, доля городского населения среди осетин увеличилась с 8,8% в 1926 г. до 23,7% в 1939 г. [Сущий 2009: 135]. Процессы индустриализации и урбанизации середины XX в., приток квалифицированных рабочих из центральных регионов России сохраняли позиции русского языка. Однако численность русского населения Владикавказа уже с 1970-х гг. начинает заметно сокращаться, и в 2010 г. его доля в населении города составляла не более 24,5% (см. табл. 4.2) [Таутиев 2014: 8]. В 1950–1960-е гг. Владикавказ как столица национально-государственного образования в пределах РСФСР действительно превращается в крупный центр экономической, культурной и духовной жизни осетинского народа. Данный кардинальный сдвиг еще не нашел здимого отражения в национальной структуре городского населения, но его «визуализация» была теперь делом времени.

Таким образом, переселяющиеся сельские жители, интегрируясь в городскую среду, способствовали широкому распространению осетино-русского двуязычия. Однако процесс распространения двуязычия сопровождался и процессом языковой деэтничации, что и вызывает сегодня большую тревогу у специалистов.

Языковая политика

Этнополитические процессы в Северной Осетии конца 1980-х — начала 1990-х гг., обусловившие рост национального самосознания осетинского народа и его потребностей в национальной культуре, одним из первых на повестку дня поставили вопрос о национальном языке.

Как уже было отмечено, осетинский язык делится на два диалекта: иронский и дигорский (см. рис. 4.1), носителями которых, по довольно условным расчетам, являются соответственно 4/5 и 1/5 части осетинского населения РСО-А.

В июле 1934 г. руководство Северной Осетии приняло решение о введении единого осетинского литературного языка, в основу которого был положен иронский диалект. Вместе с тем было указано, что «использование лексических богатств дигорского диалекта и говоров осетинского языка является необходимым условием обогащения и дальнейшего развития осетинского литературного языка» [Гостиева, Дзадзиев 1994: 11].

С 1992 г. в республике широко обсуждался проект Закона Северо-Осетинской ССР «О языках народов СО ССР». На страницах республиканской газеты «Северная Осетия» свое мнение высказывали видные представители осетинской интеллигенции, среди них доктор филологических наук, поэт Н. Г. Джусойты, заслуженный учитель России и Северной Осетии В. М. Дегоев, поэт В. Г. Малиев и др. Острые споры в ходе дискуссии вызывал вопрос о статусе дигорского диалекта [Северная Осетия 1995: 134–157]. Однако данная законодательная инициатива до сих пор остается нереализованной. Позиция осетинского языка как государственного наравне с русским была юридически закреплена на статьей 15 Конституции РСО-А, принятой 12 ноября 1994 г. [Конституция РСО-А]. В пункте 2 данной статьи подчеркивается, что осетинский язык в его иронском и дигорском диалектах является основой национального самосознания осетинского народа. «Сохранение и развитие осетинского языка является одной из важнейших задач органов государственной власти Республики Северная Осетия — Алания». Конституцией также гарантируется право на сохранение родного языка и создание условий для его изучения проживающим в республике народам.

Помимо основного закона РСО-А, политика на региональном уровне в сфере языка и национальной культуры регулируется республиканским законом «Об образовании в РСО-А» [Закон РСО-А 2013], а также различными целевыми программами, реализуемыми в течение нескольких лет. Так, утвержденная постановлением Правительства республики 5 декабря 2017 г. Государственная программа РСО-А «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2018–2020 гг. [О государственной программе] имеет в своем содержании подпрограмму «Сохранение и развитие осетинского языка» на 2018–2020 гг. Мероприятиями данной подпрограммы должны стать совершенствование правовых основ использования осетинского языка в качестве государственного; подготовка кадров для работы в условиях функционирования осетинского языка как государственного; совершенствование лингво-терминологической системы осетинского языка для нужд государственного и муниципального управления; формирование материально-технической базы для использования осетинского языка в качестве государственного и др. Основными мероприятиями подпрограммы предусмотрено создание системы дошкольного и общего осетинско-русского (полилингвального) образования, методическая основа для которого уже с 2004 г. разрабатывается в Северо-Осетинском государственном педагогическом институте на кафедре ЮНЕСКО под руководством профессора Камболова.

В целях обеспечения необходимых условий для реализации положений статьи 15 Конституции РСО-А, для сохранения и всестороннего развития осетинского языка, являющегося государственным языком республики, культурным достоянием и основой национального самосознания осетинского народа, 23 сентября 1999 г. была образована Комиссия по сохранению и развитию осетинского языка при главе РСО-А [Российские законы]. Ее заседания проходят на осетинском языке. В 2017 г. в обновленный состав Комиссии, под председательством главы РСО-А В.З. Битарова, вошли видные представители национальной интеллигенции: доктор филологических наук, профессор Т.Т. Камболов, заведующая кафедрой осетинского языка и литературы СОГУ кандидат филологических наук, доцент

А.Ф. Кудзоева, директор Института истории и археологии РСО-А, доктор исторических наук профессор Р.С. Бзаров, директор СОИГСИ доктор исторических наук, профессор З.В. Канукова и др.

По инициативе Комиссии 24 марта 2018 г. во Владикавказе состоялся I съезд учителей осетинского языка и литературы, в работе которого приняли участие более 450 делегатов. Среди них — учителя осетинского языка и литературы, воспитатели детских садов, представители общественных организаций, научной интеллигенции, руководители органов исполнительной власти. Основными темами встречи стали проблемы системы образования в области преподавания осетинского языка и литературы, ее дальнейшее развитие, а также научно-методическое обоснование [15-Гудушаури 2018].

Несмотря на наличие в республике филиала Всероссийской телевизионной и радиовещательной компании ГТРК «Алания», трансляция которой осуществляется на русском и осетинском языках, многие годы неоднократно поднимался вопрос об учреждении национальной телерадиокомпании, способной решать определенные политические и социальные задачи. В других республиках Северного Кавказа такие проекты были успешно осуществлены. В большинстве республик не только созданы национальные телекомпании, но и налажено транслирование сигнала на спутник, что позволяет значительно расширить их телеаудиторию.

Постановлением Правительства РСО-А от 2 августа 2016 г. было создано Государственное автономное учреждение РСО-А «Национальная телекомпания «Осетия—Ирыстон». 1 декабря 2017 года телеканал «Осетия—Ирыстон» начал вещание на двух языках (осетинском и русском) по спутниковой связи и в Интернете. Общий объем вещания в неделю составляет 168 часов. При создании и запуске телекомпании учитывалась ситуация на телерынке, и внимание было сконцентрировано на заполнении культурного телевизионного «вакуума». Вещательная политика состоит из трех главных компонентов: новости (пять выпусков в день: из них два на осетинском языке и три на русском языке), программы социальной направленности и блок культурно-про-

светительских передач. В первом квартале 2018 г. «Национальная телекомпания «Осетия-Ирыстон»» произвела 21 телепроект, выходящий на осетинском языке [Отчет 2018].

Помимо новостных выпусков на осетинском языке, в сетку вещания «Осетия-Ирыстон» в настоящее время входят популярные телепроекты различного формата. Среди них следует выделить программу «Комәй-коммә» («От ущелья к ущелью»), которая представляет собой обсуждение актуальных проблем сельских поселений районов республики с приглашенными в студию гостями. Иной формат имеет телепроект «Фәрдгүйтә» («Жемчужины»), в рамках которого журналисты сами выезжают в села, в том числе высокогорные, и показывают жизнь простых сельчан от первого лица. Нестандартный подход авторов данного телепроекта, более соответствующий жанру документального кино, погружает зрителя в особую атмосферу сельской жизни с ее повседневными заботами и проблемами, ставшими столь далекими для городских жителей. Среди молодежной аудитории наибольшей популярностью пользуется новый проект «Бәрбәэр ис» («Болтология»), где молодые люди в непринужденной обстановке обсуждают актуальные для их поколения темы. Отдельно следует отметить образовательный телепроект «Æнцион ирон» («Осетинский легко»), его необычный формат напоминает реалити-шоу и позволяет участникам не только изучить теорию, но и применить свои знания языка на практике.

Одной из приоритетных задач для многих СМИ Северной Осетии является сохранение национального языка и традиций осетинского народа, развитие культурного и научного потенциала республики. По состоянию на 1 июля 2018 г. на территории республики зарегистрированы 73 периодических печатных издания, в том числе 22 журнала, 49 газет, 2 сборника. Центральной республиканской газетой, выходящей на осетинском языке, является «Правда / Раствдинад» (на иронском диалекте), недавно отметившая свой 95-летний юбилей. Практически все районные периодические издания двуязычны (в Дигорском и Ирафском районах — на дигорском диалекте). Наряду с газетой «Раствдинад» важную культурно-просветительскую роль выполняет литературно-художественный и общественно-политический журнал

«Мах дуг» («Наша эпоха») (на иронском диалекте) — старейший литературный журнал на осетинском языке. На дигорском диалекте с 1991 г. выходит литературно-художественный и общественно-политический журнал «Ираф». На детскую аудиторию с возрастным цензом «0+» ориентирован литературно-художественный детский журнал «Ногдзау», выходящий на осетинском языке (с параллельным переводом на русский язык) тиражом от 1600 до 3000 экземпляров. Эти и другие печатные издания на национальном языке, несмотря на наличие у большинства из них электронных версий и однозначную поддержку со стороны интеллигенции республики, сталкиваются с неизбежными трудностями. Основной проблемой печатных СМИ Северной Осетии является «методологическая и технологическая отсталость большинства редакций, сужение их аудитории, неэффективные подписные кампании, снижение тиража, существование за счет государственной поддержки» [Отчет 2018].

И если подобные проблемы характерны и для русскоязычных печатных СМИ республики, то выходящие на осетинском языке испытывают их наиболее остро. Эти и другие вопросы обсуждались в мае 2018 г. на прошедшей во Владикавказе международной конференции «Современное состояние и перспективы развития национальной печати». Результаты конференции выявили общие для большинства национальных печатных СМИ проблемы, решения которых ее участникам видятся в «объявлении трехлетнего моратория на рост подписных тарифов “Почты России” для национальных СМИ, особенно в малонаселенных, удаленных и труднодоступных регионах России, предоставлении “Почтой России” 50% скидки на почтовую доставку для национальных газет и журналов на 5 лет» [Техов 2018: 1–2]. Также была отмечена актуальность повышения статуса и материального стимулирования журналистов, пишущих на национальных языках.

Большое значение в деле сохранения и развития осетинского языка сегодня возлагается на Алансскую гимназию — государственную общеобразовательную школу-интернат, открывшуюся 1 сентября 2017 г. При учебном заведении образован попечительский совет под председательством главы республики В.З. Битарова [Вячеслав Битаров 2019]. Функции школы в пер-

вую очередь образовательные, но при этом особое внимание уделяется родному языку. В основе учебного процесса Аланской гимназии — полилингвальная система [Гогаева 2017: 1–2].

Как уже было отмечено, методическое обеспечение полилингвальных школ в Северной Осетии осуществляется кафедрой ЮНЕСКО Северо-Осетинского государственного педагогического института. Эта кафедра является научно-методическим и экспериментальным центром республики, где сконцентрирована основная работа по разработке государственных образовательных стандартов и программ по всем предметам школьного образовательного цикла, созданию учебно-методических комплексов нового поколения и их экспериментальной апробации. В рамках этого направления создаются учебные пособия на осетинском языке по предметам «Осетинский язык», «Математика», «Окружающий мир», «Изобразительное искусство», «Музыка», «Русский язык», «Английский язык», «Литературное чтение», «Осетинское чтение» для начальной школы. Все упомянутые учебные пособия после редактирования и качественного художественного и компьютерно-графического оформления с начала 2000-х гг. проходили экспериментальную апробацию в школах «Диалог», «Интеллект», «Эрудит» города Владикавказа по русско-осетинской модели, в школе «Диалог» и в школе № 2 селения Гизель — по осетинско-русской модели.

На кафедре разрабатываются и учебно-методические комплексы для дошкольных учреждений, которые также проходят экспериментальную апробацию в детских садах «Интеллект» и «Эрудит» по русско-осетинской модели, в детских садах г. Ардон (на восточно-осетинском литературном варианте) и г. Дигора (на западно-осетинском литературном варианте).

По состоянию на 2019 г., в республике полилингвальная модель образования функционирует в 34 детских садах и 10 школах. С сентября 2019 г. еще в 12 дошкольных образовательных учреждениях будут сформированы группы, а в 4 школах — первые классы, образовательный и воспитательный процесс которых будет идти преимущественно на осетинском языке [В Северной Осетии сеть 2019]. Во Владикавказе по полилингвальной модели образования работают шесть детских садов, две обще-

образовательные школы и Аланская гимназия. Такие учебные заведения есть во всех районах Северной Осетии, больше всего их в Ирафском и Правобережном районах [Туаев 2019].

Осетиноговорящие первоклассники и второклассники в полилингвальных школах обучаются на родном языке. Т.Т. Камболов отмечает: «В третьем классе часть образовательного цикла уже идет на русском языке — повторение, закрепление материалов. В четвертом классе обучение продолжается на осетинском, но доля русского в процессе урока увеличивается и доходит практически до половины учебного времени. Мы облегчаем переход учащихся в средней школе с пятого класса на русский язык обучения по большинству предметов. На осетинском языке остаются лишь предметы, по которым нет ЕГЭ. С 5-го по 11-й классы это осетинский язык и литература, история Осетии, география Осетии, традиционная культура осетин, ИЗО, музыка» [там же].

По мнению профессора Камболова, поправки, принятые в Закон «Об образовании», никоим образом не затронули полилингвальную образовательную систему, поскольку касаются изучения родных языков как учебных предметов. «В нашей полилингвальной системе родной, этнический язык используется в качестве языка обучения, и в этой функции никаких ограничений для языков РФ в новом законодательстве нет. Что касается в целом обычной, традиционной русскоязычной школы, которых в Осетии большинство, то научным сообществом республики, общественными организациями, СМИ на этапе обсуждения поправок в Закон «Об образовании» была проведена широкая разъяснительная работа в родительской среде. Была разъяснена важность владения детьми родным языком как средством принятия родной национальной культуры, как главным инструментом формирования этнической идентичности» [там же].

Сохранение и развитие осетинского языка и культуры является безусловным приоритетом в деятельности республиканских властей. Статус осетинского и русского языков как государственных в РСО-А закреплены Конституцией республики. Однако при равном правовом статусе позиции языков в Северной Осетии разные. Русский язык выполняет доминирующую

функцию в сфере государственного управления, делопроизводстве, судопроизводстве, науке, технике, образовании, культуре, здравоохранении, сфере коммуникаций, СМИ. В свою очередь, осетинский язык представлен в сфере политики, образования, науки, художественного творчества, в средствах массовой информации и в семейно-бытовой сфере. При достаточно развитой нормативно-правовой базе в сфере языковой политики в Северной Осетии отсутствует «Закон о языках народов РСО-А», основной причиной чего являются продолжающиеся дискуссии о статусе дигорского диалекта/варианта осетинского языка.

Заключение

Таким образом, в республике на местном уровне создаются условия для сохранения и развития осетинского языка. Кроме того, по мнению специалистов, «престиж осетинского языка за последние годы заметно вырос», и с общим подъемом национального духа «владеть осетинским языком, говорить на нем публично — сегодня “модно”, это даже объект некоторой гордости» [Акоефф 2018а: 3]. Действительно, регулярно не только во Владикавказе, но и в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России проходят акции, приуроченные ко Дню осетинского языка (15 мая), в ходе которых волонтеры раздают всем желающим браслеты в цветах осетинского триколора и с надписями на осетинском языке. В 2019 г. в одной из популярных среди североосетинской аудитории групп в социальной сети *Facebook* [Люблю Осетию] были опубликованы оригинальные постеры с призывом говорить на осетинском языке (рис. 4.2).

Состояние и перспективы осетинского языка, равно как и развитие общей языковой ситуации, продолжают оставаться в сфере внимания не только специалистов в области филологии, этнологии, политологии и социологии, но и всего североосетинского общества. Анализ дискуссий на страницах печатных и электронных СМИ, а также в сообществах социальных сетей в Интернете, свидетельствует о высокой степени актуальности данного вопроса. И если у одной части участников обсуждения состояние и перспективы осетинского языка вызывают осторожное опасение, то другая часть серьезно обеспокоена

возможностью скорой утраты этнокультурной идентичности, неминуемо последующей за потерей языка.

Рис. 4.2. Надпись на рисунке: «Иронау дзур!» («Говорите по-осетински!»).
Автор рисунка: «Люблю Осетию» (группа в социальной сети *Facebook*)

На сегодняшний день процесс создания осетинского литературного языка пока не достиг должного уровня развития, распространения и закрепления. Филологами состояние осетинского языка характеризуется как состояние диалектной диглоссии, основанное на принципе территориального распределения функций диалектов осетинского языка. Таким образом, ученым еще предстоит создать полноценный национальный литературный язык, способный обеспечить отражение современного мира во всем его многообразии. В этом сложном процессе находят свое отражение нормативно-правовые, институциональные, общественные и религиозные инициативы.

На развитие этноязыковой ситуации в РСО-А оказывает влияние полигэтнический состав населения. Русский язык продолжает оставаться языком межэтнического общения и доминирует в повседневном общении в столице республике — городе Владикавказе.

дикавказе и в преимущественно русском Моздокском районе, однако численность самого русского населения в Северной Осетии неуклонно сокращается.

В республике имеется достаточно развитая нормативно-правовая база, обеспечивающая сохранение и развитие осетинского языка и культуры. Осетинский и русский языки имеют конституционный статус государственных языков РСО-А. Однако при равном правовом статусе позиции языков в республике разные. Русский язык доминирует в сфере государственного управления, делопроизводстве, судопроизводстве, науке, технике, образовании, культуре, здравоохранении, сфере коммуникаций, СМИ. В свою очередь, осетинский язык представлен в сфере политики, образования, науки, художественного творчества, в средствах массовой информации и в семейно-бытовой сфере.

Оправдаются ли пессимистические прогнозы развития языка и языковой ситуации в связи с вышеупомянутыми поправками к ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», сегодня прогнозировать сложно. В любом случае для сохранения языков и их развития нужны совместные усилия как со стороны структур власти, так и гражданского общества в целом. В этой связи стоит присоединиться к мнению М.Ю. Мартыновой, которая отмечает, что оценивать работу нового закона и новых подходов можно будет спустя некоторое время, а пока «дискуссии вокруг проблемы родного языка подстегнули интерес к изучению и развитию всей палитры языков народов России» [Мартынова 2018: 71].

Источники

1. *15-Гудушаури* 2018 — *15-Гудушаури* Н. В Северной Осетии состоялся I съезд учителей осетинского языка и литературы // 15-й регион. Информационный портал РСО-Алания. 2018. — 24 март. — URL: <http://region15.ru/news/2018/03/24/19-57> (дата обращения: 25.03.2018).
2. *Акоефф* 2018b — *Акоефф А.* «Родной» вопрос // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета. — 2018b. — № 16. — С. 4. — URL: <http://sevoretia.ru/Article/Index/144489> (дата обращения 31.01.2018).
3. *Акоефф* 2018a — *Акоефф А.* И добровольно, и принудительно // Северная Осетия. Республиканская ежемесячная газета, 2018a. — № 2. — С. 1, 3. — URL: <http://sevoretia.ru/Article/Index/140299> (дата обращения: 10.01.2018).

4. *Битаров 2018 — Битаров В.* Дорогие земляки! Поздравляю вас с Днем осетинского языка и литературы... // Северная Осетия. — 2018. — № 80. — С. 2.
5. В Северной Осетии сеть 2019 — В Северной Осетии сеть полилингвальной образовательной модели расширяется // Министерство образования и науки Республики Северная Осетия-Алания официальный сайт. — 2019. — 19 июля. — URL: <http://mon.alania.gov.ru/node/2525> (дата обращения: 21.07.2019).
6. *Вячеслав Битаров 2019 — Вячеслав Битаров провел заседание Попечительского совета Аланской гимназии* // Республика Северная Осетия — Алания. Официальный портал. 2019. — 31 июля. — URL: <http://alania.gov.ru/news/7870?fbclid=IwAR33wL203i6wxJ04W0DrfvwkzwTAA2JddZbyJhxjIZmXkJQBUFvrA0g5PBI> (дата обращения: 31.07.2019).
7. *Гадиев С.К.* Произведения: проза, стихи, пьесы, миниатюры. — Владикавказ: Ир, 2008. — С. 141–142; 202–203.
8. *Гогаева 2017 — Гогаева Н.* Учиться быть аланами // Северная Осетия. Республиканская ежемесячная газета. — 2017. — № 147. — С. 1–2. — URL: <http://sevoretia.ru/Article/Index/116132> (дата обращения: 14.08.2017).
9. Градус Осетии 2018 — Градус Осетии. Родители 99% школьников выбрали осетинский язык родным для изучения в школе. Abon. Информационный портал. — 2018. — 17 янв. — URL: <https://abon-news.ru/posts/society/roditeli-99-shkolnikov-vybrali-osetinskij-yazyk-rodnym-dlya-izucheniya-v-shkole> (дата обращения: 20.01.2018).
10. Закон РСО-А 2013 — Закон Республики Северная Осетия—Алания от 27 декабря 2013 года N61-РЗ. Об образовании в Республике Северная Осетия — Алания. 2013. — 27 дек. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/460230625> (дата обращения: 25.07.2018).
11. Итоги 2010 — Федеральная служба государственной статистики. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения: 01.09.2018).
12. *Камболти — Камболти Т.* Социальная структура осетинского языка. — URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1117540321781398&set=a.148824985319608&type=3&theater> (дата обращения: 25.07.2019).
13. Конституция РСО-А — Конституция Республики Северная Осетия — Алания. — 2017. — 10 мая. — URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_osetiya (дата обращения: 25.07.2018).

14. Корпус — Осетинский национальный корпус. — URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru (дата обращения: 29.08.2019)
15. Кучиты 2018 — Кучиты Р. Кто, если не мы? Когда, если не сегодня? // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета. — 2018. — № 6. — С. 4. — URL: <http://sevoretia.ru/Article/Index/141353> (дата обращения: 16.01.2018).
16. Люблю Осетию — Люблю Осетию. Группа в социальной сети <https://www.facebook.com/> — URL: <https://www.facebook.com/ilovealania/photos/a.573906532735418/1475091825950213/?type=1&theater/>
17. Новое издание — Новое издание Божественной литургии на осетинском языке представили во Владикавказе. — URL: <https://blagos.ru/content/novoe-izdanie-bozhestvennoy-liturgii-na-osetinskom-yazyke-predstavili-vo-vladikavkaze> (дата обращения: 5.06.2019).
18. О государственной программе Республики Северная Осетия — Алания «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2018–2020 годы. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/543711830> (дата обращения: 25.07.2018).
19. Отчет 2018 — Комитет по делам печати и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия — Алания. Отчет о деятельности Комитета по делам печати и массовых коммуникаций РСО-Алания за I полугодие 2018 года. — URL: <http://kpmk.alania.gov.ru/activity/statistics/data> (дата обращения: 5.09.2018).
20. Российские законы — Российские законы. — URL: <https://zakon-region3.ru/2/129500/> (дата обращения: 20.07.2019).
21. Сабанова 2018 — Сабанова М. Открыто с молодежью // Слово. Молодежная газета Республики Северная Осетия — Алания. — 2018. — № 115. — С. 1, 3. — URL: http://gztslovo.ru/3_07_2018.pdf (дата обращения: 5.07.2018).
22. Северная Осетия 1995 — Северная Осетия: этнополитические процессы 1990–1994 гг. Очерки. Документы. Хроника / сост. и отв. ред. Л.К. Гостиева, А.Б. Дзадзиев. — М., 1995. — Т. 1. — 296 с.
23. Таутиев 2014 — Таутиев К.У. Владикавказ — 2015. Справочник. — Владикавказ, 2014. — 160 с.
24. Техов 2018 — Техов Т. Национальная пресса будет жить // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета. — 2018. — № 73. — С. 1–2. — URL: <http://sevoretia.ru/Article/Index/165815> (дата обращения: 27.04.2018).
25. Туаев 2019 — Туаев М. Власти Северной Осетии решили увеличить число двуязычных школ // Кавказский узел. — 2019. — 09 марта. —

- URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/332718/> (дата обращения: 2.06.2019).
26. Федерализм. Реставрация — Федерализм. Реставрация. «Недобитая горская аристократия». Группа в социальной сети. — URL: https://vk.com/hohag_com (дата обращения: 19.01.2018).
  27. Федеральный закон 2018 — Федеральный закон от 03.08.2018 № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». — 2018. — 3 авг. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090 (дата обращения: 30.08.2018).
  28. UNESCO Atlas 2019 — UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. — URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (дата обращения: 1.07.2019).

Библиография

1. Агабабян А.Г., Сысоева М.Э. «Убыхи есть»: медиастратегии конструирования этнической идентичности // Известия СОИГСИ. — 2019. — № 31. — С. 73–92.
2. Абаев В.И. Избранные труды: в 4 т. / отв. ред. и сост. В.М. Гусалов. — Владикавказ: Ир, 1995. — Т. 2. — 724 с.
3. Бесолова Е.Б. О проблемах национального языка в полиглоссическом регионе в эпоху глобализации // Языковое единство и языковое разнообразие в полиглоссическом государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018): Доклады и сообщения / отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. — М.: Языки народов мира, 2018. — С. 106–111.
4. Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. — 2005. — № 3. — С. 30–77.
5. Бзаров Р.С. Из истории аланской культуры / Р.С. Бзаров; Институт истории и археологии РСО-Алания. — М: СЕМ, 2014а. — 400 с.
6. Бзаров Р.С. Историко-культурные основы языковой политики в Осетии // Материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Осетинский язык в условиях глобализации». МГИМО(У) МИД России. Москва 17–18 ноября 2012 г. — М., 2014б. — С. 14–25.
7. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. О государственной языковой политике в Республике Северная Осетия — Алания // Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Уфа, 09 декабря 2017). — В 6 ч. — Ч. 4. — Стерлитамак: АМИ, 2017. — С. 33–35.

8. Гостиева Л.К., Дзадзиеv А.Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М.: ИЭА РАН, 1994. — № 76. — 25 с.
9. Дзалаева К.Р. Русская школа как основной механизм утверждения общероссийской идентичности в Осетии во второй половине XIX — начале XX в. // Известия СОИГСИ. — 2016. — № 21. — С. 47–55.
10. Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы: Монография / под ред. д.филол.н. М.И. Исаева; Северо-Осетинский государственный университет. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2007. 290 с.
11. Канукова З.В. Православие в формировании российской государственности и общероссийской идентичности в Осетии (конец XVIII — начало XX в.) // Известия СОИГСИ. — 2016. — № 20. — С. 40–50.
12. Канукова З.В. Языковая политика и языковая ситуация в Республике Северная Осетия — Алания // Труды Отделения историко-филологических наук РАН, 2018 (в печати).
13. Канукова З.В., Федосова Е.В. Этнокультурное пространство Северной Осетии: монография. — Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. — 296 с.
14. Малахов С.Н. Алания и Византия: Источниковоедческие аспекты политических и церковных связей: избр. ст. / С.Н. Малахов; Ин-т истории и археологии РСО-Алания. — М.: СЕМ, 2015. — 372 с.
15. Мартынова М.Ю. К вопросу о родных языках российских школьников // Известия СОИГСИ. — 2018. — № 30. — С. 73–82.
16. Попова О.А. К вопросу проведения языковой политики на территории Республики Северная Осетия — Алания // Новый вектор в развитии гуманитарных и социально-экономических наук: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции (с очным участием), г. Пермь, 12 апреля 2019 г. Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации. — Пермь: Изд-во ПВИ, 2019. — С. 238–242.
17. Раstdзинад: история газеты в лицах / сост. З.В. Канукова, Е.Б. Дзапарова. — Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018. — 242 с.
18. Сатцаев Э.Б. Ираноязычные народы: лингвистическая классификация и языковая ситуация // Известия СОИГСИ. — 2019. — № 32. — С. 61–72.
19. Синанов Б.А. Оценка современного состояния межэтнических отношений в Республике Северная Осетия — Алания (по материалам экспернского опроса) // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2–3. — С. 175.

20. Сущий С.Я. Демография и расселение народов Северного Кавказа: реалии и перспективы (модернизационно-трансформационные процессы). — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. — 218 с.
21. Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В. Межнациональные отношения как объект научных исследований: состояние современной российской юридической науки // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., г. Москва) / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. — М.: ИЭА РАН, 2018. — 315 с.
22. Цориева И.Т. «Языковая» реформа и осетинская национальная школа: от «коренизации» до денационализации // Вестник Владикавказского научного центра РАН. — 2009. — № 1. — С. 2–5.

Глава 5

СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ АДЫГОВ-ШАПСУГОВ

Ирина Леонидовна Бабич, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва); irina@babich1.net

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт» № 15-18-00099п.

Введение

Как известно, в этнографии адыгами называют несколько родственных между собой групп, говорящих на адыгских языках. К адыгам относят кабардинцев (ныне проживают в Кабардино-Балкарии), черкесов (ныне проживают в Карачаево-Черкесии), а также западных адыгов — или, как их стали называть в советские годы по одноименной автономной области Адыгее, адыгейцев — которые, в свою очередь, подразделяются на шапсугов, натухайцев, абадзехов, темиргоевцев, бжедугов и т.д. Вплоть до начала XIX в. шапсуги, говорящие на шапсугском языке (или диалекте), принадлежащем к адыгским языкам¹, проживали на всем черноморском побережье Кавказа, общая их численность к этому времени была не менее 100 тыс. человек, но в ходе русско-кавказской войны были вытеснены за пределы региона (главным образом в Османскую империю) [Сивер 2002: 5–14]. В настоящее время причерноморские шапсуги общей численностью около 8–10 тыс. человек проживают в Лазаревском и Туапсинском районах Краснодарского края.

¹ Шапсугский язык считается одним из диалектов адыгейского языка. Адыгейский язык — это современное понятие, возникшее в период существования республики Адыгея и обозначающее один из адыгских языков (наряду с кабардино-чеченским). Для простоты восприятия текста мы будем оперировать двумя понятиями: шапсугский язык и адыгейский язык (понимая под последним современный литературный язык, созданный на базе темиргоевского диалекта).

В первое десятилетие советской власти, в 1924 г., территория проживания оставшихся в Причерноморье шапсугов (к тому времени их было около 3,5 тыс. человек) вошла в состав Черноморского округа Юго-Восточного края в статусе Шапсугского национального района, который просуществовал более 20 лет — до 1945 г. Делопроизводство и обучение в районе велось на шапсугском языке, выходила двуязычная газета «Шапсугский большевик». В 1937 г. на основе языка одной из групп западных адыгов — темиргоевцев лингвисты сформировали литературный адыгейский язык, который стал применяться и в Адыгее, и в Шапсугском районе Черноморского округа. В 1946 г. район был переименован в Лазаревский и впоследствии присоединен к г. Сочи [Сивер 2000: 5–14]. В 2000 г. причерноморские шапсуги были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ (Постановление РФ № 225 от 24.03.2000). В настоящее время только 40% из них живут в национальных аулах Лазаревского района, остальные 60% — в городах и смешанных по составу сельских населенных пунктах: пос. Лазаревское, Головинка, Туапсе, Макопсе. Несколько шапсугских аулов располагаются в Туапсинском районе, среди них крупным является Агуй-Шапсуг [ПМА 2018: председатель Адыгэ Хасэ Причерноморских адыгов-шапсугов М. Чачух, шапсуг, инф. 1]. Сегодня остро стоит вопрос сохранения практики использования литературного адыгейского и шапсугского языков. Сложная языковая ситуация у шапсугов Причерноморья обусловлена рядом внутренних и внешних обстоятельств современной жизни народов Кавказа, которые, опираясь на собранные в 1990–2018 гг. полевые этнографические материалы, мы рассмотрим ниже.

История «языковой» проблемы

До начала 1960-х гг. шапсуги, проживавшие преимущественно в горных аулах Причерноморья, учились в советских школах, в которых в обязательном порядке преподавался и литературный адыгейский язык. В повседневной жизни они использовали исключительно шапсугский язык как один из адыгских языков. На местных предприятиях в горных аулах, которых было достаточно в те годы, работники говорили по-шапсугски. Поэтому дети до

поступления в школу, т.е. до 7 лет, жили в адыгейском окружении и говорили только на шапсугском языке. Малыши приходили в первый класс, совсем не зная русского языка.

Только с начала 1960-х гг., по сути, началось реальное и всестороннее внедрение русского языка в жизнь причерноморских шапсугов: в школах уроки адыгейского языка стали постепенно заменять на уроки русского, но дома, в семьях продолжали говорить на шапсугском языке. Начал формироваться билингвизм.

Такой подход, с одной стороны, дал положительные результаты: дети из горных аулов Причерноморья легко поступали в высшие учебные заведения, поскольку к окончанию школы они свободно владели русским языком [ПМА 2018: шапсуженка, 62 года, аул Калеж, инф. 2]. А с другой стороны, он инициировал процесс постепенного ослабления «авторитета» адыгейского языка: население все больше и больше стало чувствовать «неприменимость» родного языка в большинстве сфер жизни. К концу 1980-х гг. этот процесс стал очевиден для местной (шапсугской) интеллигенции и общественных активистов, которые начали выступать на различных культурно-общественных мероприятиях и обращаться во властные структуры с требованием ввести преподавание родного языка в школах, где учились шапсуги. Последовательным и постоянным «защитником» адыгейского языка была методист отдела образования в пос. Лазаревское шапсуженка Нина Андреевна Боус, впоследствии ставшая руководителем методического объединения учителей адыгейского языка Лазаревского и Туапсинского р-нов Краснодарского края.

В 1988–1989 гг. в школах Лазаревского и Туапсинского районов Краснодарского края, где учились шапсуги, было введено изучение литературного адыгейского языка и национальной литературы. Язык стал преподаваться факультативно 1–2 раза в неделю. Н.А. Боус подчеркивала взаимосвязь между преподаванием языка и сохранением народных традиций, поэтому она стремилась организовать и различные кружки, связанные с этнической культурой (обучение резьбе, шитью, вязанию, изучение народных орнаментов и др.) [Боус 2000: 12; ПМА 2018: шапсуженка, сотрудница краеведческого музея, п. Лазаревский, инф. 3].

В начале 1990-х гг. Н.А. Боус удалось добиться, чтобы адыгейский язык был введен в ряде школ (в горных аулах Причерноморья) как обязательный урок вплоть до 9-го класса. Об этом помнят нынешние преподаватели [ПМА 2018: шапсуженка, преподаватель адыгейского языка, а. Б. Кичмай, инф. 4]. По ее инициативе стали проводиться слеты шапсугских школьников, посвященные знанию языка, культуры и традиций адыгов. В 1993 г. на такой слет в Туапсе приехали крупные деятели адыгской литературы, например, писатель из Адыгеи Исхак Машбаш. Девизы слетов были такими: «Пусть не гаснет огонь Нартов», «Свадебные обряды», «10 лет возрождения Адыгэ Хасэ», «Путь к знаниям», «130 лет окончания Кавказской войны». Целью этих слётов провозглашалось нравственное и интернациональное воспитание шапсугов, формирование национального самосознания на основе традиций и обычая народа. В их программу входили национальные игры, межрайонные семинары учителей, конкурсы на лучший кабинет адыгейского языка. При подготовке слётов учителя проводили в своих школах беседы о годовщине провозглашения Шапсугского района, конкурс на лучший рассказ по истории аула, собирали материалы о родовых знаках (тамгах), об участниках Великой Отечественной войны, возрождали национальные игры адыгов [Boyc 2000: 30–40].

Однако вскоре местные власти отменили обязательность преподавания адыгейского языка в школах, переведя его вновь в статус факультатива. В течение 1990-х гг. язык преподавался два часа в неделю. Дети младших классов охотно посещали языковой факультатив, подростки — нет. Снижение интереса как к литературному адыгейскому, так и к шапсугскому языкам было связано с новыми социально-экономическими и культурными факторами, среди которых:

- увеличение количества смешанных браков (между шапсугами и русскими), в результате чего появились семьи, в которых мать русская, а отец — шапсуг. В таких семьях в быту использовался преимущественно русский язык;
- обострение «языкового противоречия»: домашним языком был шапсугский язык (диалект), а в школах детям преподавали литературный адыгейский язык, созданный на основе

- другого диалекта и имеющий определенные (главным образом лексические) отличия;
- невозможность применения знания адыгейского языка в экономической и социальной жизни, где стал преобладать русский язык;
  - факультативность преподавания адыгейского языка в школах не предполагала оценок и экзаменов, что в значительной мере ослабляло мотивацию учеников.

В результате среди поколения родившихся в 1980-е гг. и живших в аулах еще в шапсугском языковом окружении лишь немногие сегодня владеют литературным адыгейским и шапсугским языками.

В 2000-е гг. ситуация не изменилась: лишь часть шапсугских детей посещала школы, в которых были факультативные занятия по адыгейскому языку, остальные обучались в школах, где адыгейского языка не было даже в качестве факультатива (например, дети из шапсугских аулов Б. и М. Псеушхо учились в школе русского пос. Георгиевский и т.д.). По воспоминаниям учителей, в начале 2000-х гг. адыгейский язык преподавался в 2–3 школах в пос. Лазаревское, а также в школах некоторых населенных пунктов (Макопсе, Наджиго, Тхагапш, Головинка) [ПМА 2018: 4]. С целью усиления интереса к адыгейскому языку среди школьников Лазаревского и Туапсинского р-нов Краснодарского края в 2000-е гг. стали проводиться специализированные олимпиады.

Тем не менее процесс постепенного вытеснения как литературного адыгейского, так и шапсугского языков из жизни шапсугов стал уже явным. Приведем пример одной семьи из аула Агуй-Шапсуг (Туапсинский район), в которой в 2007 г. было трое детей. Родители владеют шапсугским языком. Старшая девочка 14 лет привыкла дома говорить по-шапсугски, а в школе — по-русски, она двуязычна (активный билингвизм); второй ребенок, девочка 9 лет, и дома, и в школе начала говорить сразу по-русски, а литературный адыгейский язык учila на факультативных уроках в школе, что давало ей возможность понимать и шапсугский язык (пассивный билингвизм); третий ребенок, мальчик 4 лет, начал посещать, по выражению наших информантов, «русский

садик», вообще не понимал шапсугского языка и не начал на нем говорить [ПМА 2007: 5].

Методист Н.А. Боус и в 2000-е гг. продолжала бороться за сохранение родного языка. В 2001 г. в адрес председателя общественной организации Адыгэ Хасэ причерноморских адыгов-шапсугов М. Чачуха и начальника ТОУНО Туапсинского района она направила справку «О состоянии изучения адыгейского языка в Шапсугии», в которой настаивала на том, что литературный адыгейский язык следует включить в перечень обязательных для изучения в школе предметов. Для учеников 1–4-х классов Н.А. Боус предлагала 5 школьных часов преподавания адыгейского языка в неделю, для учеников 5–9-х классов — 3 часа, для учеников 10–11-х классов — 2 часа в неделю. Эту идею отчасти удалось реализовать в 2010-е гг., но лишь в двух школах Лазаревского района: Хаджико (школу посещают дети из трех аулов — Наджиго, Калеж и Хаджико) и Б. Кичмай (школу посещают также дети из пос. Головинка).

Литературный адыгейский язык и адыгейская литература в системе современного школьного образования

Сегодня часть детей-шапсугов посещает школы, где литературный адыгейский язык не преподается, часть — школы, в которых есть его обязательные или факультативные уроки. Все общеобразовательные предметы преподаются на русском языке. Приведем данные о шапсугах в школах Лазаревского и Туапсинского района (Архив) (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Число учащихся-шапсугов по населенным пунктам (данные на 2013–2016 гг.)²

<i>Населенный пункт</i>	<i>Число учащихся-шапсугов</i>	<i>Населенный пункт</i>	<i>Число учащихся-шапсугов</i>
<i>Туапсинский район</i>		<i>Лазаревский район</i>	
г. Туапсе	60	Хаджико	74
Агуй-Шапсуг	128	Б. Кичмай	102

² Шапсуги из аулов Лыготх, Калеж учтены в Хаджико, поскольку школа располагается в Хаджико и ее посещают дети трех аулов: Калех, Лыготх, Хаджико. Шапсуги аула Малый Кичмай учтены в школе аула Б. Кичмай. Шапсуги аула Наджиго учтены в школе аула Макопсе, которую они и посещают. В списке оказались неучтенными шапсуги-ученики из а. М. Псеушхо, Б. Псеушхо, Шхафит, Тхагапш.

Окончание табл. 5.1

<i>Населенный пункт</i>	<i>Число учащихся-шапсугов</i>	<i>Населенный пункт</i>	<i>Число учащихся-шапсугов</i>
<i>Туапсинский район</i>		<i>Лазаревский район</i>	
Цыпка	10	Лазаревское	104
Псебе	29	Макопсе	12
Агой	35	Головинка	33
Новомихайловский	67	Якорная щель	9
Небуг	17	Аше	31
Тюменский	11	Совет-Квадже	23
Георгиевский	42		
ИТОГО	380		

Литературный адыгейский язык преподается в двух школах Лазаревского района — в аулах Хаджико и Б. Кичмай — как обязательный и в одной школе Туапсинского района — в ауле Агуй-Шапсуг — факультативно на постоянной основе (табл. 5.2).

Таблица 5.2

Число учебных часов литературного адыгейского языка по классам в разных школах (Архив; ПМА 2018: 4).

<i>Населенный пункт</i>	<i>Число учебных часов в неделю</i>						
	<i>2–3-й классы</i>	<i>4-й класс</i>	<i>5-й класс</i>	<i>6-й класс</i>	<i>7-й класс</i>	<i>8-й класс</i>	<i>9-й класс</i>
аул Б. Кичмай*	2	1	3	1	2	3	1
аул Б. Кичмай**	2	1	2	2	2	3	1
аул Хаджико*			4	2	3	3	1
аул Агуй-Шапсуг*	2	—	—	1	1	1	2

* Данные на 2013–2016 гг.

** Данные на 2018 г.

Преподавание литературного адыгейского языка в школах Причерноморья ведется по учебникам, изданным в Республике Адыгея. В последние годы появились новые (адаптированные) учебники адыгейского языка для русскоязычных школ³: для

³ Министерство образования Республики Адыгея. www/minobr.ru

объяснения грамматики и лексики адыгейского языка в них активно используется русский язык. Эти учебники применяются на факультативных занятиях. Преподаватели адыгейского языка в причерноморских школах очень опытные, имеют многолетний стаж работы.

Во всех трех указанных выше школах ежегодно в феврале проводится неделя адыгейского языка, организуются и другие мероприятия, направленные на его пропаганду: языковые олимпиады, постановки спектаклей, озвучивание мультфильмов, приготовление национальных блюд и запись их рецептов на адыгейском языке, конкурс чтецов и т.д. Однако все эти мероприятия проводятся обычно в рамках района, контактов между школами Лазаревского и Туапсинского районов мало. В 1990–2000-х гг. эти школы управлялись одним методистом (пос. Лазаревское) Н.А. Боус. В настоящее время школы Лазаревского района относятся к методическому отделу г. Сочи, а школы Туапсинского района — к отделу образования г. Туапсе [ПМА 2018: 4].

В целом изучение адыгейского языка в школах с обязательным преподаванием проходит трудно. По мнению учителей, у учеников практически отсутствует мотивация для его изучения.

Преподавание адыгейского языка среди шапсугских детей в основном базируется на трех фундаментах: на истории адыгов, этнической культуре и адыгской литературе. История адыгов (или история Адыгеи), которая является предметом в школах в Республике Адыгея, шапсугам Причерноморья не преподается. Вместо нее всем учащимся в Туапсинском и Лазаревском районах преподается «Кубановедение», т.е. история Кубани (1 урок в неделю с 4-го по 11-й классы). В ходе беседы с бывшим директором школы аула Б. Кичмай преподавателем истории А. Гвашевым выяснилось, что поскольку в учебниках по «Кубановедению» нет раздела по истории адыгов, шапсугские преподаватели по собственной инициативе включают этот материал в свои уроки истории [ПМА 2013: 4].

Взаимосвязь преподавания адыгейского языка с этнической культурой можно продемонстрировать на примере общеобразовательной школы № 90 имени героя Советского Союза

А.А. Ачмизова в ауле Б. Кичмай (Лазаревский район). Хотя в школе есть класс адыгейского языка и адыгейской литературы, тем не менее уроки по этим предметам проводятся в другом классе — так называемом «кабинете-музее». Оформление этого кабинета показывает, что изучение родного языка увязывается с распространением среди школьников знаний об этнической культуре адыгов в целом и шапсугов как одной из их этнических групп. В кабинете много материалов, посвященных истории адыгов, в частности, карта «Черкесия до Русско-Кавказской войны», на которой обозначена прежняя территория проживания различных групп адыгов, откуда десятки тысяч их были «добровольно-принудительно» выселены в Османскую империю. На стене висит большой портрет Мусы Техачевича Кобжа (1873–1964). В ходе русско-турецких войн, имевших место в XIX в., многие шапсугские аулы Причерноморья были либо ликвидированы, либо переселены с гор на равнину, где было легче контролировать жизнь шапсугов и их контакты с турецкими посыльными (а таковых было много). Жителям некоторых аулов впоследствии удалось вернуться на прежние места обитания. Муса Кобж, выходец из аула Б. Кичмай, был первым среди возвратившихся в этот аул.

В кабинете-музее можно видеть народные музыкальные инструменты, например, струнный смычковый инструмент шичепшин, а также некоторые атрибуты национальной культуры (например, специальную палочку «танцевального тамады», с помощью которой тамада «организует» танцы). Здесь находятся и стенды с фамильными знаками — тамгами, а также макет «адыгского двора» (на котором показано расположение дома и других построек). На полках много фильмов на адыгском и русском языке, например, «Черкесия. Адыгэ Хабзэ» (т.е. нормы адыгского этикета и морали). И наконец, большой стенд с эмблемой школы в виде круга, разделенного на 5 сегментов, в которых изображены кинжал, традиционный адыгский столик на трех ножках, папаха, детская кровать- качалка). В середине круга — 12 звезд, обозначающие адыгские племена, и три стрелы, символизирующие, по некоторым трактовкам, три древнейших

адыгских княжеских рода. С помощью этого этнокультурного контекста учителя пытаются мотивировать детей учить адыгейский язык.

Кроме адыгейского языка в общеобразовательных школах Лазаревского и Туапсинского районов, где учатся шапсуги, есть и уроки адыгейской литературы. По нашему мнению, эти уроки являются важным дополнением и стимулом для изучения адыгейского языка. За годы советской власти в Адыгее была воспитана целая плеяда адыгейских писателей, которые создали адыгейскую литературу. Наиболее выдающимся среди них стал ныне живущий Исхак Машбаш — бессменный председатель Союза писателей Республики Адыгея. Именно его произведения активно изучаются в старших классах школ Республики Адыгея и Причерноморья. Для учеников начальных классов И. Машбаш издает детский журнал «Родничок» / «Жъоштобын», соответственно на русском и адыгейском языках. Эти журналы наряду с произведениями И. Машбаша для старшеклассников посылаются в шапсугские аулы Причерноморья из Республики Адыгея (табл. 5.3).

Таблица 5.3

Число учебных часов адыгейской литературы по классам в школе № 90 аула Б. Кичмай в первой четверти 2013 г. (ПМА 2013: 1).

Число учебных часов							
3-й класс	4-й класс	5-й класс	7-й класс	8-й класс	9-й класс	10-й класс	1-й 1 класс
1	2	1	1	1	1	1	2

Нами были выявлены две проблемы организации преподавания адыгейской литературы для учеников-шапсугов Причерноморья. Во-первых, в школьных и аульных библиотеках (в частности, в ауле Агуй-Шапсуг, где проживает много шапсугов) недостаточно книг адыгских писателей и (или) на адыгейском языке. Во-вторых, анализ читательских предпочтений в библиотеке аула Агуй-Шапсуг показывает незначительный интерес детей, подростков и молодежи к национальной литературе. В основном дети охотно читают лишь приключенческую литературу [ПМА: 2].

Язык и общественная организация Адыгэ Хасэ причерноморских адыгов-шапсугов

Общественная организация Адыгэ Хасэ причерноморских адыгов-шапсугов (далее АХПАШ) была образована в 1991 г. На I съезде шапсугского народа, который состоялся в том же 1991 г., была утверждена Декларация о восстановлении Шапсугского национального района. Однако в современном общественно-политическом контексте воссоздание Шапсугского района — мечта несбыточная, поэтому организация сосредоточилась на сохранении шапсугов как этнической группы [Дмитриев 1993: 30–45].

С этого же времени АХПАШ начала издавать газету «Шапсугия» (нынешний тираж — 4 тыс. экз., распространяется бесплатно), цель которой — консолидация шапсугского народа, формирование этнической идентичности и национального самосознания. В разные годы финансирование газеты осуществлялось правительствами Кабардино-Балкарии, Краснодарского края, Адыгеи. Газета издается частично на русском, частично — на литературном адыгейском языке. В ней периодически публикуют статьи, посвященные проблемам сохранения родного языка и нарушения языковых прав адыгов в разных местах их проживания. Например, в 2017 г. в газете была опубликована статья журналиста А. Сохта, в которой автор анализировал сложившуюся языковую ситуацию в школах Урупского района Краснодарского края, в населенных пунктах которого также проживают адыгейцы (западные адыги). Урупский район не входит в Республику Адыгея, в школах района преподавание полностью ведется на русском языке. Адыгейский язык не изучается. Автор акцентирует внимание на том, что в соответствии с действующим Законом о языках народов РФ (19.12.2012) каждый имеет право на изучение родного языка, однако 90% детей-адыгов, проживающих в Краснодарском крае, т.е. вне республик Северного Кавказа, не имеют возможности изучать свой родной язык [Сохт 2017: 8]. Журналист Т. Коблева описывает случаи, когда руководство предприятий в Лазаревском и Туапсинском районах запрещает шапсугам говорить на родном языке [Коблева

2017: 8]. Газета пишет также о языковой ситуации и языковой политике в Адыгее, где с 1994 г. два языка — русский и адыгейский — являются государственными. Начальное образование в школах республики полностью ведется на адыгейском языке, а с 5-го по 11-й классы язык изучается как предмет [Нибо 2015: 9].

АХПАШ проводит различные мероприятия, связанные с историей адыгов: 20 сентября — День адыгов, 21 мая — День памяти адыгов (геноцида адыгов). В качестве повседневной работы организация занимается капитальным ремонтом и материально-техническим оснащением учреждений культуры и образования в населенных пунктах, где проживают шапсуги [Чачух 2014: 4; Чачух 2015а: 2; 2017: 1; Дмитриев 1993: 30–45].

Проблемы, связанные с языком, всегда были в фокусе внимания АХПАШ. С 2015 г. она начала заниматься организацией факультативного преподавания адыгейского языка в школах со смешанным контингентом учащихся. Факультативы действуют в 7 школах Лазаревского района со 2-го по 10-й классы. Хотя, как указывалось выше, для преподавания использовались учебники из Адыгеи (издание 2013 г.), но Адыгэ Хасэ создавала и свои новые программы для этих факультативов [ПМА 2018: 1].

В связи со сложившейся языковой ситуацией в Причерноморье важно вовлечение детей дошкольного возраста и взрослых в адыгейское языковое поле. Дети из шапсугских семей примерно с 3 лет начинают посещать детские сады, где единственным языком является русский. Только в двух детских садах аулов Хаджико (который посещают также дети из двух соседних аулов — Калеж и Лыготх) и Б. Кичмай два раза в неделю проводятся уроки адыгейского языка [ПМА 2018: 2, 4]. Пока Адыгэ Хасэ причерноморских адыгов-шапсугов в своей деятельности по сохранению родного языка не обратила внимания на малышей. В то же время, Комитет по родному языку и образованию АХПАШ несколько лет назад организовал в помещении общественной организации курсы для взрослых. Преподавание осуществлялось раз в неделю в течение двух часов. Как рассказывал нам председатель организации М. Чачух, эти курсы пользовались большим успехом: приходило до 40 чел. [ПМА 2018: 1; Нибо 2015: 9; Статейнов 2015: 9].

Международная черкесская ассоциация учредила День адыгского языка [ПМА 2018: 1; ПМА 2007: председатель АХПАШ М. Чачух, инф. 4], который было предложено праздновать 14 марта. Шапсугские общественные деятели Адыгэ Хасэ поддержали эту инициативу. В 2016 г. в образовательных учреждениях Лазаревского и Туапсинского районов был проведен День адыгского языка и письменности [Нибо 2016: 1].

Государственная (краевая) политика и языки

Причерноморские шапсуги, проживающие в Лазаревском и Туапсинском районах Краснодарского края, в постсоветское время не сразу стали объектом внимания государственных структур (администраций Краснодарского края и г. Сочи). В 1990-е гг. причерноморских шапсугов поддерживало главным образом руководство республики Адыгея. Президент РА Х. Совмен оказывал значительную финансовую поддержку сохранению и развитию этнической культуры (предоставление бесплатных учебников адыгейского языка, финансирование газеты «Шапсугия» и др.).

В республиках Северного Кавказа за состояние и развитие культуры и языка отвечают отделы культуры и министерство культуры, у шапсугов Причерноморья существует, по сути, лишь общественная организация, которая отстаивает их интересы [ПМА 2018: 3]. Государственные структуры Краснодарского края в целом и г. Сочи в частности сотрудничают по всем вопросам именно с ней. Взаимоотношения российского государства и причерноморских шапсугов изменились в 2000 г., когда последние вошли в список малочисленных народов России. Это позволило АХПАШ активнее отстаивать интересы шапсугов по сохранению культуры, в том числе и языка.

В 2010-е гг. причерноморские шапсуги получили государственную поддержку в рамках ряда краевых программ. Так, с 2015 г. руководство Краснодарского края выделяет на год два гранта по 1 млн руб.: один для шапсугов Лазаревского, второй — Туапсинского района на организацию факультативного преподавания адыгейского языка в школах со смешанным контингентом учащихся [ПМА 2018: 1; Архив; Нибо 2016: 1; Статейнов 2015: 9].

В Лазаревском районе организацией языковых факультативов занимается общественная организация АХПАШ, а в Туапсинском районе — руководитель дома культуры аула Агуй-Шапсуг и центра «Шапсугия» Мадин Шхалахов. На выделенные средства появилась возможность организовать лишь факультативные уроки адыгейского языка, поскольку для введения в школах обязательных уроков требуется получение администрацией соответствующей лицензии, разрешающей преподавание иных языков, кроме русского, а для факультативного преподавания лицензия не нужна. Для руководства школ получение лицензии — процесс трудный, и они от этого отказываются, а языковой факультатив они поддерживают, поскольку в этом случае от них требуется лишь предоставить помещение в стенах школы и собрать заявления от родителей учеников, что они не против изучения адыгейского языка.

На выделенный грант АХПАШ пригласила в Лазаревский район двух преподавателей из Адыгейского государственного университета — выпускниц факультета национальных языков. Они в течение полугода посещали 7 школ Лазаревского района, в которых учатся шапсуги, и проводили в каждой один раз в неделю уроки адыгейского языка [ПМА 2018: 4; русская, завуч школы Макопсе, инф. 6].

В 2016 г. совместно с сочинским и краевым руководством была разработана городская целевая «Программа реализации конституционных прав коренных малочисленных этнических обществ причерноморских шапсугов, проживающих в г. Сочи». Цель программы — сохранение родного языка, национальной культуры и этнической самобытности причерноморских адыгов-шапсугов [ПМА 2018: 1].

Язык и экономика

В 1990–2000-е гг. во всех населенных пунктах, где проживали и проживают до сих пор шапсуги, постепенно поменялась система жизнеобеспечения. Все предприятия, которые ранее существовали в аулах, в указанный период были ликвидированы. Постепенно территории, окружающие горные аулы шапсугов, вошли в состав Национального парка г. Сочи, а некоторые —

в состав Сочинского заповедника. Это привело к полной ликвидации «экономической составляющей» в горных аулах.

Приведем пример. В горном ауле Калеж в советские годы был совхоз «миллионер»: в нем были чайные плантации, выращивали табак, фундук, существовало садоводство, мастерские по обработке древесины, пчеловодство. На данных предприятиях в горных аулах, как мы указывали выше, их сотрудники шапсуги между собой говорили по-шапсугски. Теперь в ауле нет никаких предприятий. Шапсугам пришлось приспосабливаться к новой системе жизнеобеспечения: работоспособные жители горных аулов, как правило, трудятся на побережье, где они используют русский язык [Бабич 2009: 1–32; Бабич 2013: 99–100]. Таким образом, изменения в экономике вытеснили шапсугский язык из экономической сферы жизни причерноморских шапсугов.

Главное направление в экономическом развитии Причерноморья — это развитие курортной экономики. Усилиями предпримчивых шапсугов в течение 1990-х гг. была создана целая система, которую условно можно назвать «этнографический туризм». Многие представители местной интеллигенции понимают сложность и противоречивость роли курортной экономики в сохранении шапсугской культуры и идентичности. Этнографический туризм, по мнению руководителя клуба аула Тхагапш, экономически выгоден, но сохранению культуры шапсугов он не способствует. Ни литературный адыгейский, ни бытовой шапсугский языки в настоящее время не являются ключевыми атрибутами адыгской культуры: ими стали танцы и пища. В Лазаревском и Туапсинском районах много танцевальных адыгских ансамблей: «Шапсугия», «Адыги», «Одыш», «Зори Шапсугии» (аул Агуй-Шапсуг), «Дети гор» и «Созвездие» (аул Б. Псеушхо), «Нарты Шапсугии» (пос. Головинка), «Черкесия» (аул Псебе), «Звездочки Адыгеи» (аул М. Псеушхо) [Чачух 2015b: 4; ПМА 2018: 1, ПМА 2001, 2007], часто проводятся конкурсы на лучший ансамбль. Пища как элемент адыгской культуры присутствует даже в детском саду, например, в ауле Хаджико для малышей был проведен День адыгской национальной кухни [Сохт 2016: 6]. Этнокультурные потребности шапсугов Причерноморья, по сути, не связаны с языковым образованием. Адыгские танцы и

пища стали частью курортной экономики, поэтому они важны, а адыгейский язык — не стал, поэтому он не является ценностью [ПМА 2007: 1; ПМА 2018: 9; Бабич 2009: 1–30]. Во всех сферах этнографического туризма используется только русский язык. В силу всего вышесказанного семья в современном шапсугском обществе является главным, если не единственным местом, где возможно сохранение и применение родного языка.

Язык и семья

По характеру бытования родного языка в шапсугских семьях Причерноморья мы выделили следующие типы: семьи с активным билингвизмом (родители и дети общаются дома на родном языке), семьи с пассивным билингвизмом (родители обращаются к детям на родном языке, а те отвечают на русском), моноязычные семьи, в которых родители и дети используют только русский язык. Существуют и смешанные типы.

Приведем пример. Семья в горном ауле Калеж: 38-летний мужчина и его жена хорошо знают адыгейский язык (жена даже окончила факультет адыгейского языка в университете г. Майкопа). Муж работает в автосервисе в пос. Лазаревское, жена почти 20 лет преподает адыгейский язык в детском саду в соседнем ауле Хаджико. Мать мужа живет в том же ауле и прекрасно говорит по-шапсугски. В семье трое детей: молодой парень 20 лет, девочка 16 лет, мальчик 2 лет. Родители в семье говорят на шапсугском языке, бабушка с внуками — тоже. В результате старший сын отлично говорит по-шапсугски и знает литературный адыгейский язык. Девочка не говорит по-шапсугски, но понимает родную речь. При этом, как подчеркивают ее родственники, она не хочет говорить по-шапсугски, предпочитая говорить по-русски. Двухлетний мальчик пока не посещает садик, дома с ним говорят на родном языке, но мальчик смотрит телевизор, где все мультильмы идут по-русски. Как рассказывают его родственники, мальчик с 1,5 лет начал строить предложения по-русски. Старшие дети говорят между собой на русском языке. Их родители, бабушки и дедушки смирились с этой ситуацией, и надеются лишь на то, что молодое поколение

будет хотя бы понимать адыгейский язык (пассивный билингвизм) [ПМА 2018: шапсуженка, 62 года, аул Калеж, инф. 8].

Процесс сокращения практического использования шапсугского языка наблюдается во всех населенных пунктах Причерноморья, где проживают шапсуги, и проявляется прежде всего в том, что дети в шапсугских семьях между собой предпочитают говорить по-русски. Безусловно, в аулах с преобладающим шапсугским населением бытование шапсугского языка значительно шире, чем в смешанных поселках. Однако количество смешанных по составу населенных пунктов в Причерноморье неуклонно увеличивается, а сфера применения шапсугского языка сокращается.

Уровень владения шапсугским языком связан не только с местом проживания, но и с принадлежностью к определенной возрастной группе.

Поколение 70–80-летних (1930–1940-е гг. рожд.). Люди этого поколения дома говорили по-шапсугски, а в школе изучали литературный адыгейский язык. В настоящее время они — носители как языковых, так и культурных традиций шапсугов, но их в аулах и поселках Причерноморья осталось очень мало.

Поколение 60-летних. Дети, родившиеся в 1950–1960-е гг., дома говорили только по-шапсугски, а в школе начали изучать только русский язык. Поэтому они не умеют писать и читать по-адыгейски (вообще не знают литературного адыгейского языка), зато в быту свободно говорят по-шапсугски. Причем, как рассказывали нам информаторы, даже те дети, которые жили не в горных аулах, а, например, в пос. Лазаревское или даже в г. Сочи, на лето отправлялись к бабушкам и дедушкам в аулы и за это время обучались шапсугскому языку. Этого оказалось достаточно для того, чтобы объясняться с соотечественниками на родном языке [ПМА 2018: шапсуг, 60 лет, п. Лазаревское, инф. 6]. 60-летний шапсуг из пос. Головинка рассказывал нам: хотя население их поселка смешанное, но проживающие в нем 60-летние шапсуги между собой в быту говорят преимущественно по-шапсугски. В горных аулах, где живут главным образом шапсуги, 60-летние между собой говорят только по-шапсугски [ПМА 2018: 7].

Поколение 30–50-летних. Дети, родившиеся в 1970–1980-е гг., дома уже говорили и по-шапсугски, и по-русски, а в школе изучали только русский язык. Поэтому они вообще не знают литературного адыгейского языка, а в быту лишь некоторые свободно говорят по-шапсугски. Причем бывает даже так: в одной и той же семье 40-летний мужчина говорит по-шапсугски, а его сестра, принадлежащая к тому же поколению — нет [ПМА 2018: 2, 3, 7].

Поколение 5–20-летних. Дети, родившиеся в 1990–2010-е гг., в школе стали изучать литературный адыгейский язык (факультативно или в обязательном порядке), а дома росли, как правило, уже в русскоязычном окружении, в результате чего, не освоив глубоко литературный язык и не выучив бытовой шапсугский язык, предпочитают русский [ПМА 2018: 2, 3, 7]. Исключение — дети в горных аулах с преимущественным шапсугским населением, которые отчасти владеют родным языком. Например, в горном ауле Псеушхо даже маленькие дети говорят по-шапсугски. В смешанных населенных пунктах некоторые молодые люди (20–25 лет) знают шапсугский язык, подростки понимают родной язык, но уже не могут на нем говорить, а дети 5–10 лет вообще его не понимают и не говорят [ПМА 2018: 4].

Обратимся к некоторым визуальным наблюдениям. 29 апреля 2018 г. в Национальном центре культуры пос. Лазаревское проводился конкурс танцевальных адыгских коллективов. Мои наблюдения за особенностями общения шапсугских детей показали, что дети — участники этих коллективов между собой говорят исключительно по-русски. С одной стороны, отчасти это можно объяснить тем, что в настоящее время эти коллективы лишь формально называются адыгскими, поскольку их участниками, помимо детей-шапсугов, часто бывают и русские, и армянские дети, проживающие в Лазаревском районе. Общим для них языком является русский. Но с другой стороны, русский как язык общения является главным и у тех детей — участников танцевальных ансамблей, которые приехали на фестиваль из горных аулов с преимущественно шапсугским населением, например, из аула Б. Кичмай. Сопровождавшие их старшие также с детьми говорили по-русски. Любопытно, что эти старшие к лицам своего возраста (50–60 лет) обращались по-шапсугски [ПМА 2018].

Рассказывает преподаватель адыгейского языка и литературы С., которая работает в школе с 1986 г.:

Основная проблема сейчас в области освоения шапсугскими детьми литературного адыгейского языка состоит в том, что дети-школьники не разговаривают дома с родителями на шапсугском языке. Еще 10–15 лет назад такого не было. В настоящее время 30–40-летние родители дома разговаривают между собой на русском языке... В школе ведется преподавание литературного адыгейского языка. Если школьники дома говорят на шапсугском языке, им, безусловно, легче потом осваивать и литературный адыгейский язык, который лишь частично отличается от шапсугского. А если они и дома не говорят на шапсугском языке, то в школе приходится осваивать литературный адыгейский «с нуля», при занятиях раз или два в неделю — это очень мало [ПМА 2018: 5].

Однако в современных семьях оба родителя работают и считают, что обучение родному языку должно происходить в школе. Дома со своими детьми они говорят по-русски, поскольку подчас сами просто не знают шапсугского языка. Или знают только слова, описывающие бытовую сторону жизни, и по сложным вопросам или проблемам они могут ясно выразиться лишь по-русски.

И наконец, определяющим фактором мы считаем отсутствие мотивации у детей для изучения родного языка. Дети говорят: «Зачем мне адыгейский (шапсугский) язык за пределами аула? Чтобы жить за пределами аула, надо знать русский язык» [ПМА 2018: 2].

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что в основе ослабления практики родного языка лежат две причины: экономическая и семейная. Современную экономику Причерноморья вряд ли можно изменить, поэтому, как нам представляется, для сохранения и развития шапсугского языка важно совершенствовать семейную языковую политику. В настоящее время родители перекладывают проблему изучения родного языка на школу, тогда как учителя считают, что уроки адыгейского языка 1–2 часа в неделю «совсем не делают погоды», и «домашнее языковое воспитание» намного важнее, чем преподавание языка в школе [ПМА 2018: 2, 5, ПМА 2007: 2, 3].

В поисках способов воздействия на шапсугские семьи с 1990-х гг. силами общественной организации Адыгэ Хасэ причерноморских адыгов-шапсугов возрождаются различные формы общинного самоуправления: сельские сходы, сельские комитеты, советы старейшин. АХПАШ все время пытается повысить их роль в обществе. В 2015 г. в пос. Лазаревское был проведен 1-й съезд старейшин причерноморских адыгов (черкесов). Председателем съезда стал имам аула Б. Пшеушхо Б.М. Шхалахов [Чачух 2015а: 2]. В аулах были сформированы 24 первичных организации — Чиле Хасэ [ПМА 2018: 1]. Между тем в действительности в современных аулах стариков, оказывающих влияние на общественное мнение, практически нет. В аулах не проводятся собрания старших, сельские старики никак не влияют на жизнь, мораль и общество [ПМА 2001, 2007].

По мнению наших информантов, «собрания стариков в настоящее время ничего не решают, их голоса имеют значение только внутри дома, выходишь за порог дома — работает Конституция, российские законы». Старики опустили руки и смирились с процессом русификации. На общественное мнение в нынешних аулах влияют 60-летние, которые владеют бытовым шапсугским языком» [ПМА 2018: 2].

В советские годы большую роль в жизни аула играли дома культуры, которые в нынешних условиях не важны для формирования местного общественного мнения. То же самое можно сказать об исламе, который не смог занять достойную нишу в шапсугском обществе Причерноморья. Некоторые политологи утверждают, что сохранение родного языка возможно при возрождении Шапсугского национального района. Это тоже сомнительно, судя по ситуации с развитием родных языков в республиках Северного Кавказа, где также идет процесс русификации, хотя родные языки являются государственными, они преподаются в школах. Подобные проблемы существуют в Северной Осетии⁴, в Адыгее, где, как свидетельствуют проведенные адыгейскими социологами в 2017–2018 гг. исследования, «адыгейский язык в существенной мере вытеснен в семейно-

⁴ Кухмар К. Минобразования Северной Осетии организует бесплатные курсы по изучению осетинского языка. — URL: <http://tass.ru/obschestvo/5251464> (дата публикации: 31.05.2018).

бытовую сферу» [Цветков, Гучетль 2018]. Проблемы, которые складываются вокруг практики сохранения северокавказских языков, сходны с проблемами бытования шапсугского языка в Причерноморье и обусловлены общими социально-экономическими и культурными тенденциями.

Заключение

Шапсугский язык у шапсугов Причерноморья функционирует и воспроизводится главным образом в местах компактного их проживания, т.е. в горных аулах. В населенных пунктах смешанного состава можно констатировать значительную русификацию и превалирование русского языка. В Причерноморье практически отсутствуют инструменты поддержания функционирования родного языка: всего две школы, в которых литературный адыгейский язык изучается в общей часовой сетке (с явно недостаточным количеством учебных часов), нет шапсугского телевидения, радио, выпускается лишь газета («Шапсугия»), которая в равной степени использует как адыгейский, так и русский языки.

В настоящее время шапсугский язык практически вытеснен в семейно-бытовую сферу, однако в связи с изменением традиционного образа жизни и в этой сфере наблюдается сужение его функционирования. Современная семья шапсугов не является благоприятной почвой для поддержания и сохранения родного языка. Общественная организация Адыгэ Хасэ причерноморских адыгов-шапсугов на протяжении 1990–2010-х гг. не раз выступала с различными инициативами, целью которых являлось улучшение ситуации с национальным языком, и лишь в 2010-е гг. она была услышана краевыми властями, начавшими выделять гранты для обучения адыгейскому языку, но, как нам представляется, это вряд ли изменит языковую ситуацию.

Мы считаем, что снижение интереса шапсугов к родному языку — процесс объективный и неотвратимый. Связан он с вытеснением языка из экономической жизни. Подобные тенденции можно наблюдать не только в Причерноморье, где шапсуги живут вне своего национального административного образования, но и среди адыгейцев, которые проживают в «сво-

ей» республике, где адыгейский язык формально существует наравне с русским языком, но де facto — ограничен той же семейно-бытовой сферой. Принятый в 2018 г. Государственной Думой так называемый «закон о родных языках»⁵ предоставляет «возможность получения образования на родных языках из числа языков народов РФ, изучения государственных языков республик РФ, родных языков из числа языков народов РФ, в том числе русского языка как родного языка». При этом закрепляется «свободный выбор» языка, который должны сделать родители ученика. Для этого нужно подать заявление при приеме или переводе детей на программы дошкольного, начального общего и основного общего образования. Можно ожидать, что закон о родных языках 2018 г. значительно ослабит позиции национальных языков во всех республиках Северного Кавказа. По сути, сложившаяся у шапсугов Причерноморья языковая ситуация (связанная, по мнению АХПАШ, с тем, что они не входят ни в одну из республик Северного Кавказа и к ним применяются законы и постановления Краснодарского края) постепенно будет складываться уже и в самих республиках Северного Кавказа. Переход от обязательного изучения национальных языков к факультативному кардинально изменит положение национальных языков на Северном Кавказе.

Источники

1. Архив — Архив общественной организации «Адыгэ Хасэ причерноморских адыгов-шапсугов».
2. *Боус 2000 — Боус Н.А.* Год за годом. — Сочи, 2000.
3. *Коблева 2017 — Коблева Т.* Родной язык под запретом? // «Шапсугия». — 2017. — № 8.
4. *Нибо 2015 — Нибо А.* Изучаем адыгский язык вместе // Шапсугия. — 2015. — № 9.
5. *Нибо 2016 — Нибо А.* Сохраняя самое ценное // Шапсугия. — 2016. — № 1.
6. ПМА 2001, 2007, 2013, 2018 — Полевые материалы автора (Лазаревский и Туапсинский районы Краснодарского края), 2001 г., 2007 г., 2013 г., 2018 г.
7. *Сохт 2016 — Сохт А.* Все по вкусу // Шапсугия. — 2016. — № 6.

⁵ Федеральный закон от 03.08.2018 № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”».

8. Сохт 2017 — Сохт А. Родной Язык нуждается в защите // Шапсугия. — 2017. — № 8.
9. Статейнов 2015 — Статейнов Д. Пригодится ли родной язык? Изучаем адыгский язык вместе // Шапсугия. — 2015. — № 9.
10. Чачух 2014 — Чачух М.Х. Отчетный доклад // Шапсугия. — 2014. — № 4.
11. Чачух 2015а — Чачух М.Х. Отчетный доклад // Шапсугия. — 2015а. — № 2.
12. Чачух 2015б — Чачух М.Х. Отчетный доклад // Шапсугия. — 2015б. — № 4.

Библиография

1. Бабич И.Л. Проблема сохранения идентичности шапсугов Причерноморья в XXI в. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». № 213. — М., 2009. — 32 с.
2. Бабич И.Л. Языковые проблемы шапсугов современного Причерноморья // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики / отв. ред. Е.И. Филиппова. — М., 2013. — С. 98–103.
3. Дмитриев В.Д. О самоопределении причерноморских адыгов (шапсугов) // Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. — СПб., 1993. — С. 30–45.
4. Сивер А.В. Шапсуги. Этническая история и идентификация. — Нальчик, 2002.
5. Цветков О.М., Гучетль З.Х. По итогам реализации проекта «Оптимизация путей сохранения, освоения и развития адыгейского языка». — Майкоп, 2018 (рукопись).

Глава 6

СЕЛЬКУПСКИЙ ЯЗЫК И ЕВРОПЕЙСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ХАРТИЯ

Кирилл Геннадиевич Шаховцов — канд. ист. наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва); kyrill@iea.ras.ru

Один из рассматриваемых экспертами вариантов ратификации Россией Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (далее — Хартия) предполагает первоочередное включение в ратификационный документ наиболее нуждающихся в защите языков. В этом случае селькупский язык будет одним из очевидных кандидатов на статус защищаемого как язык коренного малочисленного народа Севера (КМНС) и как язык, находящийся на грани исчезновения (*AWLD*)¹, поэтому попытка хотя бы в первом приближении оценить ресурсы, необходимые для запуска программ его поддержки, представляется актуальной.

Вводные замечания

Хартия (ст. 2 п. 2) обязывает каждую ратифицировавшую сторону «применять по меньшей мере тридцать пять пунктов или подпунктов, отобранных из положений части III хартии, включая, по крайней мере, по три отобранных из статей 8 [образование] и 12 [культурные мероприятия и объекты], и по одному отобранному из статей 9 [судебные власти], 10 [административные органы и государственные службы], 11 [средства массовой информации] и 13 [экономическая и общественная жизнь]» (заголовки статей добавлены мной. — К.Ш.). Таким образом, Хартия позволяет сформировать для каждого защищаемого языка индивидуальную модель защиты и поддержки, в идеальном случае наилучшим образом соответствующую его состоянию и потребностям говорящих на нем.

Сначала я кратко охарактеризую особенности расселения селькупов, демографическую и языковую ситуацию, затем —

¹ Состояние северных диалектов оценено как находящихся «под серьезной угрозой» (*severely endangered*), центральных и южных как «критическое» (*critically endangered*).

имеющиеся нефинансовые ресурсы, которые могут быть задействованы при реализации мер поддержки (можно назвать это «имеющимся заделом»). Поскольку одним из главнейших препятствий на пути сохранения и развития языков большинства КМНС является прерывание их естественной передачи от старших поколений к младшим, я относительно подробно рассмотрю вопрос о численности потенциальных обучающихся и связанных с ним возможных мерах поддержки селькупского языка, ограничив их круг сферой образования.

Расселение селькупов, демографическая и языковая ситуация

Современные селькупы проживают в двух несоприкасающихся географических ареалах: северном (Красноселькупский и Пуровский районы Ямalo-Ненецкого автономного округа и Туруханский район Красноярского края) и южном (Верхнекетский, Каргаскокский, Колпашевский и Парабельский районы Томской области, г. Томск).

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., общая численность селькупов в России составляет 3649 человек [ВПН 2010: т. 4, табл. 3]. Из них 1988 человек проживают в Ямalo-Ненецком автономном округе (в основном в населенных пунктах Красноселькуп, Толька и Ратта Красноселькупского и Тарко-Сале и Толька Пуровского районов). В Красноярском крае учтен 281 селькуп (в основном в с. Фарково Туруханского района), в Томской области — 1181 [ВПН 2010: т. 4, табл. 25]². По итогам ВПН 2002 г., основными территориями проживания селькупов в Томской области являются Верхнекетский (184 человека), Каргасокский (757 человек), Колпашевский (158 человек) и Парабельский (265 человек) районы и г. Томск (106 человек); в остальных районах области их численность составляет от 1 до 21 человека [Национальный состав 2004]. Характерной чертой расселения селькупов в Томской области является проживание малыми группами на существенных (десятки километров)

² Еще 77 человек на территории Тюменской области (вероятно, в ХМАО) и 122 человека на остальной части территории России (подсчет по данным ВПН 2010).

расстояниях друг от друга. Ни в одном из населенных пунктов селькупы не составляют большинства (макс. 45% — в деревне Иванкино Колпашевского района [ПМА 1999]).

К сожалению, к итогам как минимум двух последних переписей следует относиться с осторожностью, поскольку нельзя быть вполне уверенным в том, что именно отражают данные об этнической принадлежности. Например, в Томской области переписью 2002 г. были учтены 1787 селькупов, в 2010 — 1181, однако имеющиеся в моем распоряжении данные текущего учета за 1991–2008 гг. по основным районам проживания не показывают сколько-нибудь заметной убыли селькупов в межпереписной период. Так, в Каргасокском районе согласно ВПН 2002 проживали 742 селькупа, ВПН 2010 — 525 [Микроданные 2010], т.е. за восемь лет их численность сократилась на 217 человек, или на 29%. При этом, по сведениям, предоставленным районным представительством Томскстата, в 2002 г. селькупов было на 105 человек больше, чем по переписи (874), а в 2008 г. — 872 человека, причем между этими датами их численность не падала ниже 862 человек.

Таким образом, нет очевидного демографического объяснения сокращению численности селькупов Томской области на 606 человек, т.е. почти на 1/3 от численности в 2002 г. Возможно, что изменение их численности в ЯНАО и Красноярском крае также имеет «не вполне демографическую» природу, что существенно усложняет задачу оценки и прогнозирования количества предполагаемых адресатов программ поддержки селькупского языка.

Вопрос о диалектном членении селькупского языка до сих пор остается предметом научной дискуссии, поэтому количество и статус отдельных идиомов существенно разнятся в зависимости от целей и принципов выделения, использованных конкретным автором. Большинство существующих классификаций объединяют диалекты и говоры селькупов северного ареала в северную диалектную группу, а диалекты и говоры южного ареала — в центральную и южную [см. обзор в: *Поздеева 2013*]. Выбор какого-либо конкретного варианта классификации не имеет принципиального значения для целей настоящего анализа, важен лишь сам

факт значительной диалектной раздробленности и отсутствия единой наддиалектной нормы («литературного языка»).

По данным ВПН 2010, более 3600 селькупов ответили на вопрос о своем родном языке и знании языков народов России (табл. 6.1). О владении селькупским языком заявили 1023 человека [ВПН 2010: т. 4, табл. 5].

Таблица 6.1

Распределение селькупов по родному языку и знанию языков других КМНС

Язык	Считают родным	Знают
Русский	2207	3612
Селькупский	1334	945
Ненецкий	89	81
Эвенкийский	2	1
Кетский	1	2

Вопрос о несовпадении числа знающих селькупский язык и считающих его родным я не затрагиваю, полагая его не относящимся напрямую к теме исследования.

Среди неселькупов знание селькупского языка практически не распространено: владение им указали 42 человека из числа других КМНС, проживающих в той же местности, что и селькупы (кеты, ненцы, ханты и эвенки [ВПН 2010: т. 4, табл. 20]) и 36 человек из иных этнических групп [подсчет по данным ВПН 2010: т. 4, табл. 6 и 20].

Хотя итоги переписи не содержат сведений о распределении знающих селькупский язык по территориям проживания, можно с уверенностью утверждать, что подавляющее большинство их составляют жители северного ареала. В 2010 г. лингвистическая экспедиция под руководством О.А. Казакевич обнаружила в Верхнекетском районе Томской области лишь двоих селькупов, владеющих селькупским языком «свободно», и одного, владеющего «слабо». В обследованных населенных пунктах Каргасокского района (в них проживают более 40% всех селькупов области) владеющих селькупским языком не оказалось вовсе [Казакевич 2011: табл. 1]. Учитывая, что селькупы Верхнекетского района составляют не менее 15% от общей численности селькупов в области, можно констатировать, что на 55%

селькупского населения (650 человек) приходятся лишь три человека, владеющих селькупским языком. В Парабельском районе, а по мнению Н.А. Тучковой — и во всей Томской области, есть «только один активный носитель селькупского языка: Ирина Анатольевна Коробейникова» [Тучкова 2017]. Даже если это мнение ошибочно, в южном ареале количество селькупов, способных бегло говорить по-селькупски, вряд ли превышает десять человек.

По оценке О.А. Казакевич, в северном ареале языком владеют около 600 человек (т.е. примерно 2/3 от установленной ВПН 2010 численности знающих), из них в Пуровском районе ЯНАО — 140, в Туруханском районе Красноярского края — 322 [Малые языки]. Эти данные позволяют сделать предположение о наличии корреляции между сохранностью языка, понимаемой как доля знающих язык от общего числа селькупов, и долей селькупов от численности населения поселка.

Существенная разница в положении и состоянии селькупского языка в ЯНАО и Томской области в значительной мере объясняется его юридическим статусом: в ЯНАО селькупский язык законодательно³ отнесен к числу «родных языков коренных малочисленных народов Севера», что обеспечивает ему поддержку на уровне автономного округа, в Томской области селькупский язык не обладает никаким специальным статусом.

Имеющиеся ресурсы

В контексте обсуждения возможностей «имплементации» Хартии в России Д.А. Функ предложил девять параметров для оценки защищенности языков. Привожу их полностью:

«1) архивы и публикации фольклорных материалов, 2) лингвистические исследования данного языка вкупе с этнологическими работами об истории и культуре данной этнической группы, 3) словари, 4) учебники и учебные пособия по языку и литературе для начальной и средней школы, 5) преподавание данного языка в школе, 6) преподавание в школе на данном языке всех или хотя бы основных гуманитарных предметов,

³ Закон ЯНАО № 48-ЗАО «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа».

7) изучение языка и подготовка учителей в вузах (с уточнением — подготовка в местах компактного проживания данной этнической группы или же только в „столицах“, например, в Санкт-Петербурге), 8) художественная литература (собственная и переводная) на своем языке, 9) СМИ, в том числе радио- и/или телевещание, на этом языке» [Функ 2010: 137].

С практической точки зрения при выборе обязательств из части III Хартии эти параметры можно рассматривать в качестве контрольного перечня основных видов нефинансовых ресурсов — имеющихся или отсутствующих — для разработки программ поддержки и развития защищаемых языков. Чтобы не загромождать текст перечнем публикаций, при рассмотрении первых четырех параметров из перечня Д.А. Функа я в основном буду пользоваться библиографическим указателем *Bibliographia selkupica*⁴ [Тучкова 2006] и ограничусь ссылками на соответствующие его разделы и номера перечисленных изданий.

1. Архивные и полевые материалы (раздел 8.6): 27 наименований, особо см. № 1615 (Каталог полевых записей по селькупскому языку из фондов ЛЯНС ТГПУ); публикации фольклора на селькупском языке (раздел 5.5.1): 39 наименований, из них 25 изданы в СССР и России, остальные — за рубежом. Среди новейших публикаций следует отметить издания: *Тучкова, Хелимский 2010; Тучкова, Вагнер-Надь 2015*, а также подготовленные парабельскими селькупами при поддержке томских этнографов: *Коробейникова 2014* и *Тузакова, Коробейникова 2015*.

2. История, этнография и язык селькупов основательно изучены: по состоянию на 2006 г. было опубликовано более 570 научных работ (разделы 6 и 7.3), затрагивающих все уровни языка. Перечень публикаций по истории и этнографии селькупов насчитывал не менее 300 наименований (разделы 1.1, 2–5, 7); выход новых публикаций активно продолжается и по сей день.

3. В СССР и РФ были опубликованы только четыре селькупско-русских/русско-селькупских словаря, не входящих в состав учебно-методических комплектов (№ 29, 30–32), включая единственный словарь, предназначенный для начальной школы (№ 32), изданный в 1988 г. Помимо этого, имеются два словаря, являющиеся составной частью научных изданий на русском

⁴ Указатель размещен автором в свободном доступе, см. ссылку в списке литературы.

языке (№ 33 и 34), и девять словарей и словников на венгерском и немецком языках (№ 41–49).

4. В разделе 1.2 «Учебники и учебные пособия» представлены четыре букваря и девять учебников селькупского языка (включая книги для чтения) для начальной школы и один — для педагогических колледжей и высших учебных заведений (№ 57), на тазовском и иванкинском (шёшкупском) диалектах, изданных с 1879 по 2003 г. Среди них — только один учебник арифметики 1934 г. издания (№ 59), учебников по иным предметам нет. В обзоре центра «Меркатор» специально отмечено, что преподаватели селькупского языка в ЯНАО испытывают наибольшие трудности среди всех преподавателей родных языков в связи с недостатком учебной литературы [Меркатор 2016: 32].

5. В ЯНАО по состоянию на апрель 2015 г. селькупский язык преподавали пять учителей [Дяченко 2015]. В настоящее время как учебный предмет он преподается только в Тарко-Салинской школе-интернате «до девятого класса»⁵ [Салиндер 2017]. В Толькинской школе-интернате «предмет даётся в рамках внеурочной деятельности, в Красноселькупе введён факультативный курс с нового учебного года» [Там же]. В 2014/15 учебном году в ЯНАО селькупский язык изучали 143 ученика начальной школы (99 в Красноселькупском районе и 44 в Пуровском), причем в Красноселькупском районе обучением родному языку были охвачены все дети из числа КМНС [Меркатор 2016: 29]. В средней школе с. Фарково (Туруханский район Красноярского края) в том же учебном году селькупский язык преподавался во втором и третьем классах в объеме одного часа в неделю, численность обучавшихся не указана [Самообследование 2015]. В Томской области преподавание селькупского языка велось с 1990-х — начала 2000-х гг. в Иванкинской национальной малокомплектной средней школе (д. Иванкино, Колпашевского района) как предмет «родной язык» и с 1991 г. по настоящее время продолжается в с. Парабель в рамках системы дополнительного образования [Кошелева 2007: 168].

⁵ Судя по доступному на сайте школы расписанию, учащиеся пятого—восьмого классов изучают предмет «Родной язык» в объеме двух часов в неделю, в девятом классе — один час в неделю, также в объеме одного часа в неделю с пятого по девятый класс изучается предмет «Родная литература» [Расписание 2017].

6. Ни в ЯНАО, ни в Томской области селькупский язык не используется в преподавании других предметов [Кузьмин, Артеменко 2007: табл. 3].

7. Подготовка преподавателей селькупского языка с высшим образованием возможна в Институте народов Севера РГПУ им. Герцена в Санкт-Петербурге (в 2014/15 учебном году язык изучали пять человек [Меркатор 2016: 41]) и со средним профессиональным — в Салехардском педагогическом колледже. К середине 2000-х гг. в ТГПУ были разработаны программы подготовки преподавателей (для факультативных занятий), но фактически из-за отсутствия спроса на профессию со стороны томских селькупов подготовка учителей родного языка не осуществляется [Кошелева 2007: 169; Арефьев 2014: 149].

8. К 2006 году были опубликованы две книги для чтения на тазовском диалекте (одна в составе учебника) авторства С.И. Ирикова [Тучкова 2006: разд. 8.11]; издание «Сказки и рассказы селькупки Ирины» [Коробейникова 2014] включает 59 текстов разных жанров, в том числе авторские, часть которых переведена на нарымский диалект.

9. Насколько мне известно, периодической печати на селькупском языке нет ни в одном из районов проживания селькупов. Радиовещание на селькупском языке с некоторыми перерывами существует в ЯНАО с 1986 г., осуществлялось из гг. Салехард и Тарко-Сале и с. Красноселькуп как минимум до 2005 г. дважды в неделю по 15 минут [Казакевич 2005]. На сайте ОГТРК «Ямал-Регион» перечислены две еженедельные радиопередачи на селькупском языке без указания продолжительности, в программе телевидения не удалось обнаружить передачи на селькупском. В настоящее время телекомпания «Альянс» (с. Красноселькуп) один раз в неделю транслирует передачу «Кэнтыя» на селькупском языке (продолжительность не указана). Телевизионные передачи на селькупском языке как минимум до 2005 г. вела телерадиокомпания «Луч» Пуревского района (г. Тарко-Сале) [Казакевич 2005], в настоящее время на сайте компании нет сведений о теле- и радиопередачах на селькупском. В Томской области селькупский язык не используется в средствах массовой информации и, насколько мне известно, никогда не использовался.

Дополнительно нужно отметить издание [Пушкарева 2008], которое содержит переводы девяти нормативных правовых актов⁶ РФ и ЯНАО на тазовский диалект селькупского языка⁷.

Резюмируем сказанное выше: селькупский язык в значительной мере документирован и исследован, имеется опыт (и результаты) разработки учебных программ и пособий, телевидения и радиовещания, существует база для подготовки преподавателей. Полагаю, что в случае ратификации Хартии имеющихся нефинансовых ресурсов будет достаточно для того, чтобы немедленно приступить к разработке (и реализации отдельных конкретных) мер защиты и поддержки селькупского языка.

Оценка численности учащихся

Одной из важнейших практических целей программ поддержки и развития селькупского языка должна стать компенсация прерывающейся — а зачастую и уже прерванной — передачи его от родителей к детям, поэтому такие программы должны быть ориентированы в первую очередь на воспитанников детских садов и учеников начальной, а затем и средней школы. Соответственно, далее основное внимание я буду уделять возрастной группе 3–15 лет, т.е. от младшей группы детского сада до 9-го класса общеобразовательной школы.

Селькупы ЯНАО, Красноярского края и Томской области не только различаются по степени сохранности родного языка, но и, по данным переписей населения, имеют разную возрастную структуру, причем в каждом регионе структура, зафиксированная в 2010 г., отличается от зафиксированной в 2002 (рис. 6.1

⁶ Устав (Основной закон) ЯНАО, Конституция РФ, Земельный кодекс РФ, ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ», ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», Закон ЯНАО «Об оленеводстве», Закон ЯНАО «О факториях», Закон ЯНАО «О государственной поддержке общин коренных малочисленных народов Севера и организаций, осуществляющих традиционные виды хозяйственной деятельности на территории ЯНАО», Постановление «О концепции развития коренных малочисленных народов ЯНАО».

⁷ К языку этих переводов О.А. Казакевич высказываны существенные претензии. Например, из встречающихся в селькупском тексте Устава ЯНАО 2627 уникальных словоформ, лишь 440 (17%) образованы от селькупских корней [Казакевич 2017], остальные заимствованы переводчиками из русского языка с минимальной фонетической адаптацией или без таковой, включая те, что ожидали иметь селькупские соответствия (местный ‘местный’, настоящий [в знач. ‘этот’], основной и др.).

и 6.2). На рис. 6.3 показаны направление и величина изменений, произошедших с 2002 по 2010 г.

Во всех трех регионах селькупское население в целом постарело: возросли доли групп в возрасте 50–54 и 55–59 лет, сократились доли групп в возрасте 10–14 (за исключением Красноярского края) и 15–19 лет. Если в 2002 г. доля лиц в возрасте 0–19 лет среди селькупов составляла в ЯНАО 39,6%, в Томской области 30,0% и в Красноярском крае – 50,4%, то в 2010 г. она составила соответственно 25,3, 15,3 и 28,0%⁸.

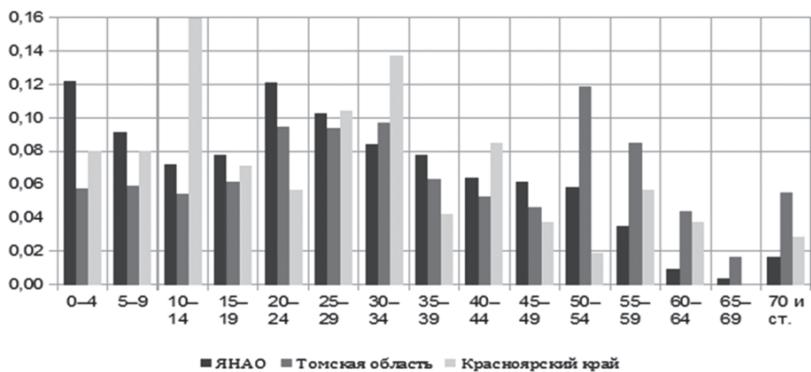

Рис. 6.1. Возрастная структура селькупов ЯНАО, Томской области и Красноярского края в 2002 г. по пятилетним возрастным группам, доля от общей численности в регионе

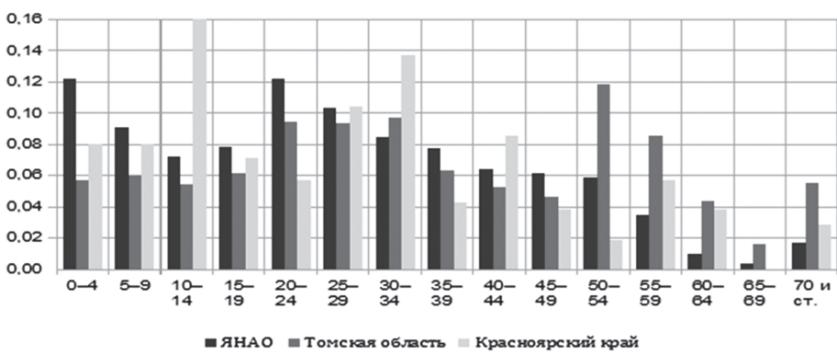

Рис. 6.2. Возрастная структура селькупов ЯНАО, Томской области и Красноярского края в 2010 г. по пятилетним возрастным группам, доля от общей численности в регионе

⁸ Рассчитано по микроданным ВПН 2002 и 2010 годов [Микроданные 2002, Микроданные 2010].

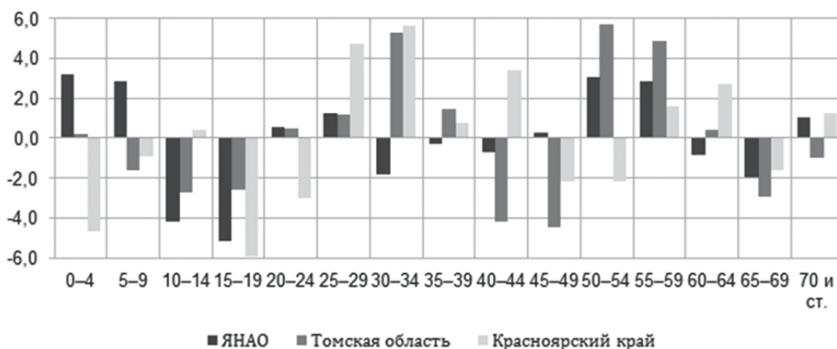

Рис. 6.3. Изменения возрастной структуры селькупов ЯНАО, Томской области и Красноярского края с 2002 по 2010 г. по пятилетним возрастным группам, процентные пункты

Итоги переписей не всегда позволяют судить о том, в какой мере структура населения в 2010 г. является результатом структуры 2002 г. Например, можно было бы ожидать, что группа селькупов, которым в 2002 г. было 0 до 7 лет, и отраженная в переписи 2010 г. как группа от 8 до 15 лет⁹, в обоих случаях будет иметь если не одинаковую численность по однолетним срезам, то хотя бы близкие распределения, поскольку речь идет о двух множествах, состоящих, в идеальном случае, из одних и тех же индивидов.

Если таким образом искусственно «состарить» возрастную структуру селькупов ЯНАО 2002 г. на восемь лет и сравнить ее с зафиксированной в 2010 г. (тем, кому в 2002 г. было 0–61 лет, в 2010 г. стало 8–69 лет), обнаруживается, что, несмотря на ранее отмеченные различия, важные структурные характеристики сохранились. Коэффициент корреляции между численностью по однолетним срезам «состаренного» населения 2002 г. и населения 2010 г. равен $r \approx 0,85$, коэффициент детерминации $R^2 \approx 0,72$, что можно интерпретировать как то, что возрастная структура селькупов ЯНАО в 2010 г. почти на 3/4 определена структурой 2002 г. (табл. 6.2).

⁹ Выбор верхней границы обусловлен тем, что в нескольких ближайших старших возрастах численность снижается за счет выезда молодежи для продолжения образования (после окончания 9-го или 11-го класса), призыва в Вооруженные силы и т.п.

Таблица 6.2

**Численность школьников-селькупов,
изучавших родной язык как самостоятельный предмет и факультативно**

<i>Классы</i>	<i>Учебные годы</i>										
	<i>1991/92</i>	<i>1996/97</i>	<i>2001/02</i>	<i>2005/06</i>	<i>2006/07</i>	<i>2007/08</i>	<i>2008/09</i>	<i>2009/10</i>	<i>2011/12</i>	<i>2012/13</i>	<i>2014/15</i>
1–4	109	190	198	128	145	104	91	69	15	н/д	143
5–9	22	57	26	77	63	59	65	51	9	н/д	0
10–11(12)	3	0	0	0	0	0	0	0	0	н/д	0
В школе	134	247	224	205	208	163	156	120	24	77	143
Факультативно	н/д	3	19	49	0	13	40	49	н/д	н/д	н/д
Итого	134	250	243	254	208	176	196	169	24	77	143

Таблица составлена по данным А.Л. Арефьева [Арефьев 2014: табл. 9, 29, табл. 4–7 прил.] и центра «Меркатор» [Меркатор 2016: 29].

Колебания численности изучающих селькупский язык не являются следствием особенностей возрастной структуры селькупов: данные ВПН 2010 не дают оснований ожидать пятикратного снижения численности детей 7–15 лет в 2011/12 учебном году по сравнению с 2009/10, а затем трехкратного роста в следующем году. Скорее, они отражают внутренние процессы в образовательной системе и общие тенденции государственной языковой политики (табл. 6.3).

Таблица 6.3

**Численность селькупов в возрасте 7–15 лет (приблизительно соответствует
численности учеников 1–9-го классов из числа селькупов) по регионам**

<i>Год</i>	<i>ЯНАО</i>	<i>Томская область¹⁰</i>	<i>Красноярский край</i>	<i>Всего</i>
2002	288	190	83	561
2010	249	111	51	411
2010 к 2002, %	86,46	58,42	61,45	73,26

Рассчитано по микроданным ВПН 2002 и 2010 гг. [Микроданные 2002; Микроданные 2010].

Как я уже отмечал выше, данные о численности селькупов Томской области по итогам переписей плохо согласуются с данными текущего учета. По данным ВПН 2002, в Каргасокском районе возрастная группа 0–15 лет насчитывала 179 че-

¹⁰ Данные по пяти районам «компактного проживания».

ловек [Микроданные 2002], а по материалам текущего учета — 242 человека [ПМА 2002], по данным ВПН 2010 [Микроданные 2010] — 109, в 2008 г. районный отдел статистики учел 248 человек [ПМА 2008]. Численность детей в возрасте 7–15 лет, по данным переписей, сократилась почти вдвое: со 101 до 59 человек, однако, по другим источникам, тенденция к такому сокращению численности этой возрастной группы не просматривается.

Очевидно, что предсказание численности селькупов по таким данным — дело неблагодарное¹¹. Можно только высказать предположение, основанное исключительно на исследовательской интуиции, что к 2020 г. численность селькупов 7–15 лет в Томской области составит не менее 220 человек и ≈ 20% селькупского населения. Также можно утверждать, что в области пока сохраняется запрос на изучение селькупских языка и культуры (см. деятельность И.А. Коробейниковой в селе Парабель).

К сожалению, в моем распоряжении нет данных текущего учета по Красноселькупскому и Пурровскому районам ЯНАО и Туруханскому району Красноярского края, поэтому я вынужден опираться на данные переписей. Оптимистическая оценка численности селькупов 7–15 лет в 2020 г. для ЯНАО составляет 320–350 человек, для Туруханского района — не более 30 человек.

Методика оценки затрат

Ф. Грэном разработана методика [Grin 2003] оценки затрат на осуществление различных мер поддержки, предусмотренных Хартией, в том числе на введение в школьную программу языков меньшинств и на переход к полностью двуязычной образовательной системе.

Для оценки ежегодных затрат на организацию преподавания каждого дополнительного языка как предмета Ф. Грэн предлагает использовать следующую формулу [Grin 2003: 180]:

$$TCA_i = \left\{ [35 \times H \times E \times R] \times \left[W + S + \frac{T}{35 \times L} \right] \right\} + M. \quad (1)$$

¹¹ В своей кандидатской диссертации я предпринял попытку анализа воспроизводства селькупов Томской области, которая показала, что рост их численности в 1989–2003 гг. не может быть адекватно описан с использованием только демографических данных и объясняется в первую очередь изменениями этнической самоидентификации [Шаховцов 2007: 77–79].

Здесь 35 — продолжительность учебного года в неделях¹²; H — среднее число часов языка в неделю за девять лет обучения; E — численность обучающихся в течение года в параллели; R — среднее число учеников, приходящееся на одного учителя (выраженное дробью вида $1/x$, где x — число учеников); W — почасовая заработка преподавателя; S — средняя доля инфраструктурных и управлеченческих расходов образовательной системы в расчете на один час преподавания; T — средняя стоимость подготовки преподавателя; L — средняя нагрузка на преподавателя (количество часов в неделю); M — средняя стоимость подготовки и издания учебных материалов [Grin 2003: 179].

Применение формулы (1) предполагает, что язык меньшинства (в данном случае селькупский) прежде не преподавался, поэтому в первый год осуществления мер поддержки его изучают только первоклассники, во второй год — учащиеся вторых и первых классов и т.д. по девятый класс включительно¹³. Таким образом, каждый год стоимость преподавания селькупского языка будет возрастать на величину TCA_1 и в девятом году составит $9 \times TCA_1$. Начиная же с десятого года, когда система будет функционировать в полном объеме второй год подряд, считая, что учебные материалы полностью обновляются каждые десять лет, совокупные затраты на поддержание ее работы в долгосрочной перспективе составят [Grin 2003: 181]:

$$TCA_{LR} = 9 \times \left\{ [35 \times H \times E \times R] \times \left[W + S + \frac{T}{35 \times L \times D} \right] \right\} + 9 \times \frac{M}{10}. \quad (2)$$

Здесь D — «средняя продолжительность карьеры преподавателя» [Grin 2003: 179].

Начиная с десятого года функционирования системы не требуются новые учителя, кроме как для замены увольняющихся и выходящих на пенсию, соответственно, затраты на их подготовку сокращаются. Средние ежегодные затраты в этом случае Ф. Грэн оценивает как [Grin 2003: 180–181]:

¹² Указана в соответствии с российскими реалиями, в книге Ф. Грэна использована иная продолжительность: 40 недель.

¹³ Девять лет — обычный срок обязательного среднего образования как в большинстве европейских стран, так и в России.

$$\overline{TCA_{LR}} = \frac{1}{9} \times TCA_{LR}. \quad (3)$$

Снижению затрат по сравнению с рассчитанными по формулам (1) — (3) будет способствовать наличие в школах ЯНАО и Туруханского района некоторого количества подготовленных учителей и разработанных учебных пособий для 2–4-х классов, хотя, если количество часов, отводимых для изучения селькупского языка, будет увеличено, например, до уровня иностранных языков, потребуется разработка новых пособий и для этих классов.

В случае перехода к двуязычной образовательной системе необходимо учитывать дополнительные расходы на (пере-)подготовку преподавателей других предметов с тем, чтобы они могли преподавать их на селькупском языке, и на подготовку и издание учебных материалов на селькупском по этим предметам. Для оценки средних ежегодных затрат на поддержание функционирования двуязычной системы в долгосрочной перспективе Ф. Грэн предлагает следующую формулу [Grin 2003: 185]:

$$\overline{TCB_{LR}} = 9 \times \left\{ \frac{E \times R \times (H \times T + Q \times V)}{k \times L} + \frac{M + s \times Z}{n} \right\} + P. \quad (4)$$

Здесь Q — общее число часов в неделю, отводимое на предметы, преподающиеся на селькупском языке; V — стоимость (пере-)подготовки преподавателя-предметника для преподавания на селькупском; s — число предметов помимо собственно языка, преподающихся на селькупском (в общей сложности Q часов); Z — среднегодовая стоимость разработки и издания учебных материалов по другим предметам на селькупском; $1/k$ — ежегодная потребность в новых подготовленных учителях (доля от всех учителей); n — срок до полного обновления учебных материалов; P — дополнительные ежегодные организационные затраты, связанные с функционированием двуязычной образовательной системы [Grin 2003: 183–184].

Потребность в преподавателях селькупского Ф. Грэн предлагает оценивать как функцию от числа обучающихся по формуле [Grin 2003: 184]

$$f = 9 \times \frac{H \times E \times R}{L}. \quad (5)$$

Аналогично для оценки потребности в преподавателях-предметниках (там же):

$$g = 9 \times \frac{Q \times E \times R}{L}. \quad (6)$$

В своей книге Ф. Грэн неоднократно подчеркивает, что полученные по его методике оценки затрат не следует рассматривать изолированно, так как затронутые нововведением учащиеся в любом случае получали бы образование, и образовательная система несла бы затраты на их обучение. В российских реалиях это означает, что часы, которые могли бы быть отведены на изучение селькупского языка, были бы использованы для преподавания других предметов из регионального компонента или компонента образовательного учреждения.

Оценка затрат на реализацию положений Хартии в отношении селькупского языка

В дальнейшем я буду исходить из предположения, что в случае ратификации Хартии в отношении селькупского языка будет выбран относительно необременительный для государства набор мер поддержки, состоящий в развитии существующей системы защиты и сосредоточенный в основном на расширении преподавания и создании некоторых новых сфер функционирования языка. Этот набор может включать следующие пункты и подпункты статьи 8 (образование) части III Хартии: п.п. 1а(i) (дошкольное образование на языке меньшинства), 1б(ii) (существенная часть начального образования), 1с(iii) (учебный предмет в программе среднего образования), 1д(iv) (составная часть программы профессионально-технического образования по запросу), 1е(ii) (учебная дисциплина в рамках университетского образования), 1ф(ii) (образование для взрослых и повышение квалификации).

Вероятно, улучшить ситуацию с передачей языка младшему поколению могла бы организация специальных групп в детских

садах по модели «языкового гнезда», основным требованием которой является свободное владение селькупским языком для всего персонала, взаимодействующего с группой детей, что соответствовало бы п. 1а(i). По данным А.Л. Арефьева, изучение родных языков коренных малочисленных народов (ненецкого, хантыйского и селькупского) [в 2012/13 учебном году. — К.Ш.] было организовано и в дошкольных учреждения ЯНАО [Арефьев 2014: 188], однако автор не указывает ни число таких учреждений, ни число воспитанников, изучающих языки КМНС. Можно предположить, что это соответствует требованиям п. 1а(iii) — обеспечить преподавание языка меньшинства — и может послужить отправной точкой для обоснованной оценки затрат на реализацию требований п. 1а(i).

Современная практика преподавания селькупского языка в начальной школе соответствует требованиям пункта 1б(iii) (учебный предмет в программе). Доведение ее до уровня 1б(ii) потребует, помимо подготовки (переподготовки) преподавателей, перевода на селькупский язык учебно-методических материалов по нескольким предметам, например, математике (см. учебник арифметики Е.Д. Прокофьевой) и природоведению. На селькупском могли бы проводиться также уроки рисования, труда, физической культуры.

В средней школе, согласно отчетам [Арефьев 2014: табл. 5 прил.], селькупский язык преподается как предмет, но, насколько мне известно, учебников для 5–9-х классов нет. Для качественной поддержки на уровне требований пункта 1с(iii) будет необходимо разработать как минимум пять комплектов учебно-методических материалов (УМК). Стоимость этой работы и последующего издания должна быть близка к стоимости производства материалов по любому другому, в том числе иностранному, языку. В случае выбора уровня 1с(ii) дополнительно потребуется не только перевод УМК на селькупский, но и предшествующая этому разработка селькупской научной терминологии для соответствующих предметов, либо на селькупском будет преподаваться ограниченный набор предметов, (почти) не требующих такой терминологии (рисование, труд, физическая культура).

Среднемесячная (январь–сентябрь 2017 г.) начисленная заработная плата в сфере образования в ЯНАО составляла

58 971 руб. [Среднемесячная ЯНАО 2017]. Теперь можно оценить затраты на преподавание селькупского языка как предмета 350 учащимся (максимальная оценка) начальной и средней школы Красноселькупского и Пуровского районов в 2020/21 учебном году, используя формулу (1) и следующие допущения:

- селькупский язык будет преподаваться с первого по девятый класс в объеме четырех часов в неделю ($H = 4$);
- численность учеников в каждой параллели одинакова ($350/9 \approx 39$ человек, $E = 39$);
- в каждой параллели два класса по 19 человек ($R = 1/19$);
- преподавательская нагрузка составляет 18 часов в неделю ($L = 18$) соответственно;
- почасовая заработка платы с начислениями:

$$W = \frac{58.971 \times 1,3}{18 \times 4} = 1064,75 \text{ руб. ;}$$

- подготовка преподавателя, как и УМК обходится в 1 млн руб. ($T = 1\ 000\ 000$, $M = 1\ 000\ 000$);
- организационные и управлеченческие расходы образовательной системы на проведение одного урока составляют 100 руб.

Таким образом, преподавание в каждой параллели с учетом нового учебника и нового учителя при заработной плате на уровне 2017 г. обошлось бы в

$$TCA_1 = \left\{ \left[35 \times 4 \times 39 \times \frac{1}{19} \right] \times \left[1064,75 + 10 + \frac{1\ 000\ 000}{35 \times 18} \right] \right\} + \\ + 1\ 000\ 000 \approx 1\ 791\ 000 \text{ руб.},$$

из которых 61,5% были бы потрачены на учебник. В течение первых девяти лет было бы потрачено $9 \times TCA_1 \approx 16\ 120\ 000$ руб.

В долгосрочной перспективе стоимость девятилетнего цикла функционирования (2) такой системы составила бы

$$TCA_{LR} = 9 \times \left\{ \left[35 \times 4 \times 24 \times \frac{1}{12} \right] \times \left[532,51 + 100 + \frac{1\ 000\ 000}{35 \times 18 \times 30} \right] \right\} + \\ + 9 \times \frac{1\ 000\ 000}{10} \approx 2\ 627\ 000 \text{ руб.}$$

при ежегодных затратах в 450 000 руб. (3).

Если же вместо преподавания селькупского языка как предмета будет сделан выбор в пользу двуязычного образования, ежегодные затраты на его функционирование в долгосрочной перспективе можно оценить с использованием формулы (4) и нескольких допущений дополнительно к уже сделанным:

- на селькупском языке ежегодно будут преподаваться в среднем четыре предмета по два часа в неделю ($Q = 8, s = 4$);
- стоимость переподготовки учителя-предметника для преподавания на селькупском составит 700 тыс. руб. ($V = 700\ 000$);
- ежегодно потребуется заменить одного из 20 преподавателей ($k = 20$);
- стоимость перевода на селькупский язык и издания одного УМК составит 700 тыс. руб. ($Z = 700\ 000$);
- все УМК полностью обновляются каждые десять лет ($n = 10$);
- дополнительные управленческие расходы на двуязычность образовательной системы составят 500 тыс. руб. ($P = 500\ 000$).

$$\overline{TCB}_{LR} = 9 \times \left\{ \frac{35 \times \frac{1}{19} \times (4 \times 1\ 000\ 000 + 8 \times 700\ 000)}{20 \times 18} + \right. \\ \left. + \frac{1\ 000\ 000 + 4 \times 700\ 000}{10} \right\} + 500\ 000 \approx 3\ 963\ 000 \text{ руб.}$$

В случае реализации любого из рассмотренных вариантов образовательной системе ЯНАО потребуются $f = 9 \times \frac{4 \times 39 \times \frac{1}{19}}{18} \approx 4$

преподавателя селькупского языка, что, очевидно, является заниженной оценкой, так как в настоящее время в округе работают пять преподавателей, а численность учащихся более чем вдвое ниже. В случае подготовки практических решений необходимо будет учитывать большую реальную потребность, вытекающую из малого числа учеников в типичной сельской школе в районах Крайнего Севера.

Для преподавания на селькупском языке иных предметов

$$\text{потребуются } g = 9 \times \frac{8 \times 39 \times \frac{1}{19}}{18} \approx 8 \text{ подготовленных учителей.}$$

Для Томской области представляется разумным оценить только введение селькупского языка как предмета. Все сделанные выше допущения остаются в силе, необходимо лишь учесть разницу в прогнозируемом количестве учеников и заработной плате:

- среднемесячная заработка преподавателя средней школы в Каргасокском районе составляла 29 492,8 руб. (Среднемесячная ТО 2017), следовательно, $W = \frac{29\ 492,8 \times 1,3}{18 \times 4} = 532,51 \text{ руб.};$
- численность учеников в параллели $E = 220/9 \approx 24$, если бы они все учились в одной школе, это был бы один класс ($R = 1/24$), но разумнее полагать, что классов будет хотя бы два ($R = 1/12$).

Итого, затраты на один год преподавания селькупского языка как предмета составили бы (1)

$$TCA_1 = \left\{ \left[35 \times 4 \times 24 \times \frac{1}{12} \right] \times \left[532,51 + 100 + \frac{1\ 000\ 000}{35 \times 18} \right] \right\} + \\ + 1\ 000\ 000 \approx 1\ 622\ 000 \text{ руб.}$$

на первые девять лет $9 \times TCA_1 \approx 14\ 600\ 000 \text{ руб.}$

В долгосрочной перспективе стоимость девятилетнего цикла функционирования (2) такой системы составила бы

$$TCA_{LR} = 9 \times \left\{ \left[35 \times 4 \times 24 \times \frac{1}{12} \right] \times \left[532,51 + 100 + \frac{1\ 000\ 000}{35 \times 18 \times 30} \right] \right\} + \\ + 9 \times \frac{1\ 000\ 000}{10} \approx 2\ 627\ 000 \text{ руб.}$$

при ежегодных затратах примерно в 292 000 руб. (3).

Выбор пункта 1d(iv) мотивирован исключительно численностью селькупов среди студентов системы профессионально-технического образования и тем фактом, что такие учебные заведения обычно расположены не в местах компактного про-

живания селькупов. Поэтому трудно ожидать, что на каждом курсе по каждой специальности будет достаточно селькупов для включения селькупского языка в программу обучения. Однако для желающих изучать его возможно создание групп вне основной программы. Например, «в Ямальском многопрофильном колледже студенты второго курса педагогического отделения дошкольного образования, отделения кочевой школы и отделения начального образования имеют возможность выбрать ненецкий, хантыйский или селькупский язык в качестве факультативного предмета» [Меркатор 2016: 36].

В тех случаях, когда образовательное учреждение ведет подготовку по специальностям, связанным с традиционной хозяйственной деятельностью (охота, рыболовство, оленеводство), и при наличии достаточного спроса со стороны селькупов на эти специальности, представляется разумным преподавание части предметов перевести на селькупский язык. Оценка затрат на реализацию этих пунктов Хартии может быть выполнена по аналогии со средним образованием.

В настоящее время селькупский язык как учебная дисциплина преподается или может преподаваться при наличии спроса в РГПУ им. Герцена, ТГПУ, МГУ, поэтому реализация п. 1e(ii) на начальном этапе, вероятнее всего, не потребует дополнительных затрат.

В случае выбора пп. 1b(ii) и 1c(ii) в рамках образования для взрослых (п. 1f(ii)) могут быть предложены курсы переподготовки для учителей-предметников школ с преподаванием части предметов на селькупском языке.

Как было показано выше, численность изучающих селькупский язык невелика и в ближайшем будущем вряд ли существенно вырастет. Основным следствием этого, на мой взгляд, является то, что при осуществлении рассмотренных мер поддержки языка в области образования расходы на подготовку и организацию образовательной деятельности в течение первых нескольких лет будут преобладать над расходами на ее осуществление, которые, впрочем, должны быть умеренными, поскольку не потребуют предварительной масштабной программы документации селькупского языка. Есть все основания полагать, что стоимость разработки УМК по селькупскому языку

для преподавания его в качестве предмета не будет выше стоимости разработки УМК по государственным языкам субъектов Российской Федерации.

В условиях отсутствия общеселькупской наддиалектной нормы может оказаться достаточно острым вопрос о выборе основного диалекта для преподавания в школах и детских садах. И если в северном ареале уже сложилась практика изучения верхнетазовского диалекта по учебникам С.И. Ирикова (других попросту нет) детьми носителей иных диалектов, то в южном ареале — на территории современной Томской области — ситуация осложнена тем, что, помимо имеющихся и используемых разработок на основе местных диалектов (иванкинского и нарымского), преподавание «чужого» языка имеет историю неудачного внедрения. В 1933 г. была предпринята попытка перевести обучение в селькупских школах Тымского туземного района на тазовско-туруханский диалект с использованием букваря, составленного Е.Д. Прокофьевой. Это стало «расцениваться многими селькупами как насильственное введение практически нового для них диалекта» и привело «к тому, что в 1934 г. южные селькупы [...] стали требовать от крайкома ВКП(б) отмены преподавания на селькупском (тазовско-туруханском диалекте) языке и перевода учебного процесса полностью на русский язык, на котором говорили практически все южные селькупы» [Тучков 2007: 165].

С подобным отношением я сталкивался во время полевой работы в конце 1990-х — начале 2000-х гг., расспрашивая селькупов о необходимости и возможности преподавания родного языка: гипотетическое обучение детей «не нашему» языку воспринималось как большая угроза «самобытности», чем привычное полное отсутствие обучения. Помимо этого, часть опрошенных высказала опасение, что «обучение родному языку» может создать препятствия для полноценного освоения детьми русского языка — при полном отсутствии детей с первым селькупским языком.

В селе Парабель в начале 2000-х гг. использовались учебно-методические материалы для шёшкупского диалекта, являющегося «родным» для селькупов деревни Иванкино Колпашевского района, парабельские же селькупы говорили на одном из чумылькупских диалектов, и шёшкупский преподавателем вос-

принимался как чужой («Учебник неправильный: у нас другой язык» [ПМА 2001]). Поэтому работа с каждым новым учебником начиналась с его правки — приведения к неписанным нормам своего диалекта.

Исходя из вышеизложенного, я рассчитал примерную стоимость внедрения преподавания селькупского языка как предмета в Томской области с учетом затрат на разработку полного комплекта учебно-методических материалов.

Заключение

Рассмотренные варианты реализации обязательств, накладываемых Хартией в области образования, не выглядят дорогим предприятием в масштабах страны, но даже при сравнительной дешевизне могут оказаться весьма ощутимой дополнительной нагрузкой на региональные и местные бюджеты, за счет которых в основном финансируется школьное образование, в особенностях в регионах, где проживают несколько КМНС, языки которых могут быть включены в ратификационный документ.

Существенным политическим и психологическим препятствием к включению селькупского и других языков, находящихся в сходной ситуации, в список защищаемых может стать высокая цена защитных мер в пересчете на одного ученика, причем чем учеников меньше, тем выше цена. Например, в ЯНАО введение преподавания селькупского языка как предмета обойдется бюджету почти в 1 800 000 руб. на каждые два класса по 19 человек (почти 95 000 руб. на одного ученика).

Есть повод опасаться, что в случае включения селькупского языка в перечень защищаемых разработчики языковой политики (или правительство) могут податься соблазну ограничить применение мер поддержки только территорией распространения северных диалектов, мотивируя это тем, что Хартия (ст. 1, п. б) определяет в качестве основания «для принятия различных мер по защите и развитию» факт функционирования языка как средства «общения части населения». При этом селькупский язык, очевидно, не может быть признан «нетерриториальным языком» (ст. 1, п. с), поскольку вся история его изучения одно-

значно указывает на распространение в четко очерчиваемом ареале в пределах Западной Сибири.

Если для сохранения селькупского языка ЯНАО может быть достаточно расширения существующей системы мер поддержки, то в отношении Томской области эффективной может быть только полномасштабная программа возрождения селькупского языка, стоимость которой несоизмеримо выше.

Источники и материалы

1. ВПН 2002 — Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — URL: <http://www.perepis2002.ru> (дата обращения: 09.08.2017).
2. ВПН 2010 — Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. — URL: <http://www.perepis-2010.ru> (дата обращения: 09.08.2017).
3. Дяченко 2015 — Дяченко Л.Г. Информация по актуальным проблемам коренных малочисленных народов Севера. Ответ заместителя губернатора ЯНАО Л.Г. Дяченко председателю Президиума АФУН РФ П.Н. Тултаеву. 27.04.2015. — URL: http://afunrf.ru/assets/files/Koriya_pisma.pdf (дата обращения: 15.11.2017).
4. Коробейникова 2014 — Коробейникова И.А. Сказки и рассказы селькупки Ирины. Сборник фольклорных и литературных текстов на русском и селькупском языках / Перевод с русского на нарымский диалект селькупского языка И.А. Коробейниковой. — Томск, 2014.
5. Малые языки — Малые языки Сибири: наше культурное наследие. — URL: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/> (дата обращения: 06.08.2017).
6. Меркатор 2016 — Ненецкий, хантыйский и селькупский языки в образовательной системе Ямала Российской Федерации. Европейский исследовательский центр Меркатор по вопросам многоязычия и изучения языков, 2016 г. — URL: https://www.mercator-research.eu/fileadmin/mercator/documents/regional_dossiers/NENECKII_KHANTYISKII_I_SELKUPSKII_JAZYKI.pdf (дата обращения: 16.08.2017).
7. Микроданные 2002 — Микроданные Всероссийской переписи населения 2002 года. — URL: <http://vpnmicrodata.gks.ru/webapi/opendatabase?id=vpn2002> (дата обращения: 17.08.2017).
8. Микроданные 2010 — Микроданные Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://vpnmicrodata.gks.ru/webapi/opendatabase?id=VPN2002_2010L (дата обращения: 17.08.2017).

9. Национальный состав 2004 — Национальный состав муниципальных образований Томской области. Статистический бюллетень. — Томск, 2004.
10. ПМА 1999, 2001, 2002, 2008 — Полевые материалы автора, Верхнекетский, Каргасокский, Колпашевский и Парабельский районы Томской области, 1999–2008.
11. *Пушкарева* 2008 — Федеральные законы и законы Ямalo-Ненецкого автономного округа / Перевод на селькупский язык; под ред. Е.Т. Пушкаревой. — Салехард, 2008.
12. Расписание 2017 — Расписание уроков // Сайт МКООУ «Санаторная школа-интернат для детей, нуждающихся в длительном лечении» г. Тарко-Сале Пуровского района. — URL: <http://tarko-sale-int.ucoz.ru/index/raspisanie/0-31> (дата обращения: 19.11.2017).
13. *Салиндер* 2017 — *Салиндер М.* Проблему учебников селькупского и ненецкого языков заострят в Санкт-Петербурге // Красный Север. 17.11.2017. — URL: <https://ks-yanao.ru/obrazovanie/problemu-uchebnikov-selkupskogo-i-nenetskogo-yazykov-zaostryat-v-sankt-peterburge.html> (дата обращения: 19.11.2017).
14. Самообследование 2015 — Самообследование муниципального казенного общеобразовательного учреждения Фарковской средней общеобразовательной школы за 2014–2015 учебный год // МКОУ «Фарковская СШ», 2015. — URL: <http://farkovo.ucoz.ru/load/0-0-0-168-20> (дата обращения: 16.08.2017).
15. Среднемесячная ЯНАО 2017 — Среднемесячная номинальная начисленная заработка плата одного работника в организациях (без субъектов малого предпринимательства) по видам экономической деятельности в Ямalo-Ненецком автономном округе // Тюмень-стат, 2017. — URL: http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/b40e3c004041f595a923efc7692f4691/%D0%87%D0%B0%D1%80%D0%BF%D0%BB_%D1%8F%D0%BD%D0%B0%D0%BE_917.htm (дата обращения: 03.09.2017).
16. *Тузакова, Коробейникова* 2015 — *Тузакова В.П., Коробейникова И.А.* Обские напевы селькупов Нарымского края. Парабель. — Томск, 2015.
17. *Тучкова* 2017 — *Наталья Тучкова:* Даже преподавание селькупского языка не учит говорить по-селькупски: интервью / Н.А. Тучкова; беседовал Д. Черный // Литературная Россия. — 2017. — № 04. — 03 февр. — URL:<http://www.litrossia.ru/item/9677-natalya-tuchkova-dazhe-prepodavanie-selkupskogo-yazyka-ne-uchit-gоворит-po-selkupski> (дата обращения: 03.09.2017).

18. Тучкова, Вагнер-Надь 2015 — Тучкова Н.А., Вагнер-Надь Б. «Семи богов мудростью обладающий Итте...» Тексты с героем Итя в селькупском фольклоре. Ч. 1. Итя-тексты. — Томск, 2015.
19. Хартия — Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (неофициальный перевод). — URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007c098> (дата обращения: 17.08.2017).
20. AWLD — UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. — URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/> (дата обращения: 03.09.2017).

Библиография

1. Арефьев А.Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. — М., 2014.
2. Казакевич О.А. Селькупский язык // Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения, 2005. — URL: <http://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/selkup.shtml> (дата обращения: 03.09.2017).
3. Казакевич О.А. На руинах автохтонных языков Томской области // Проблемы изучения и сохранения языков и культур народов России. Материалы секции XL Международной филологической конференции. 15–19 марта 2011, Санкт-Петербург / отв. ред. Л.Д. Раднаева. — СПб., 2011. — С. 67–73.
4. Казакевич О.А. О странностях перевода: тексты законов на языке без письменной традиции. Доклад на конференции «Перевод в меняющемся мире: новые жанры, молодые языки, юные аудитории», Москва, РГГУ, 16–17 мая 2017 г. — URL: https://istina.msu.ru/media/conferences/conferencepresentation/120/aac/58987420/Present_Kazakevich_Moscow_RGGU_16_05_2017.pptx (дата обращения: 19.11.2017)
5. Кошелева Е.Ю. Трансформационные процессы в духовной культуре селькупов и хантов Томской области в 1990–2000-е годы // Вестник ТГПУ. — 2007. — Вып. 3. — С. 168–173.
6. Кузьмин М.Н., Артеменко О.И. Справка о языках народов Российской Федерации и о языках, в отношении которых в России может применяться Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 г. Институт национальный проблем образования. — М., 2007. — URL: http://inpo-rus.ru/files/f/3/Kuzmin_MN_Artemenko_OI_2007.doc (дата обращения: 19.11.2017).

7. Поздеева Г.П. Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение // Урало-алтайские исследования. — 2013. — № 1. — С. 20–33.
8. Тучков А.Г. Факторы формирования языковой ситуации у южных (нарымских) селькупов в 1920–30-е годы // Вестник ТГПУ. — 2007. — Вып. 3. — С. 161–168.
9. Тучкова Н.А. *Bibliographia selkupica*. Библиографический указатель по истории, культуре и языку селькупов. — Томск, 2006. — URL: http://old.tomskmuseum.ru/files/Dokumenty/nauchnye_izdaniya/tuchkova_n.a._bibliographia_selkupica_2006.pdf (дата обращения: 03.09.2017).
10. Тучкова Н.А., Хелимский Е.А. О материалах А.И. Кузьминой по селькупскому языку. *Hamburger Sibirische und Finnougrische Materialien*, Band 5. Institut für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg, 2010.
11. Функ Д.А. О современном положении языков малочисленных тюркских народов южной Сибири (в контексте применимости Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств) // Этнографическое обозрение. — 2010. — № 4. — С. 132–140.
12. Шаховцов К.Г. Этническая идентификация южных селькупов (XX – начало XXI века): дис. ... канд. ист. наук. — М., 2007.
13. Grin F. Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. 2003.

Раздел III

РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ: МИНОРИТАРНЫЙ СТАТУС

Глава 7

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

Артемий Александрович Плеханов — канд. ист. наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); plekhanov.art.alex@gmail.com

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт» № 15-18-00099п.

Языковая политика современной Украины в отношении русского языка является крайне трудной, политизированной и противоречивой темой. Данный вопрос изучается специалистами разных направлений помимо непосредственно представителей языковых дисциплин, привлекая внимание политологов, юристов, антропологов, социологов, демографов. Среди большого числа исследований, посвященных данному проблемному полю, необходимо особо отметить работы Д. Ареля, Л. Биланюк, В.С. Васютинского, А. Грицак, М.Н. Губогло, С.А. Ефимова, Р.А. Старченко, А.К. Толпыго, А.И. Фомина, Н.А. Шульги.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о юридическом статусе русского языка в современном украинском государстве, следует привести некоторые цифры. Оценивая численность русскоязычного населения, необходимо помнить о том, что с момента первой (и единственной до настоящего времени) переписи населения постсоветской Украины прошло 18 лет, что является значительным сроком, учитывая дальнейшие по-

литические и экономические изменения. Нельзя сбрасывать со счетов и определенную политическую заинтересованность организаторов переписи населения 2001 г., как, впрочем, и предшествующих, советских переписей. С учетом сказанного обратимся к имеющимся данным. Если в 1989 г. доля русских на Украине составляла 22%, то к 2001 г. она сократилось до 17% (табл. 7.1). Отметим, что по данным переписи 2001 г. русские составляли большинство в двух субъектах Украины: АР Крым и г. Севастополь. Во всех других областях Украины, исключая Закарпатскую и Черновицкую, они представляли собой самое многочисленное национальное меньшинство.

Таблица 7.1

**Численность населения Украины (украинцы и русские)
по данным переписей 1989 г. и 2001 г.**

<i>Население Украины</i>	<i>Численность населения в соответствии с переписью населения 2001 г.</i>	<i>Процентное соотношение численности населения по результатам переписей 1989 и 2001 гг.</i>	
	<i>(тыс. человек)</i>	<i>1989 г.</i>	<i>2001 г.</i>
Украина (в целом)	48 052,3	100	100
украинцы	37 541,7	72,7	77,8
русские	8334,1	22,1	17,3
АР Крым	2024	100	100
русские	1180,4	65,6	58,3
украинцы	492,2	26,7	24,3
Винницкая область	1763,9	100	100
украинцы	1674,1	91,5	94,9
русские	67,5	5,9	3,8
Волынская область	1057,2	100	100
украинцы	1025	94,6	96,9
русские	25,1	4,4	2,4
Днепропетровская область	3561,2	100	100
украинцы	2825,8	71,6	79,3
русские	627,5	24,2	17,6
Донецкая область	4825,6	100	100

Продолжение табл. 7.1

<i>Население Украины</i>	<i>Численность населения в соответствии с переписью населения 2001 г.</i>	<i>Процентное соотношение численности населения по результатам переписей 1989 и 2001 гг.</i>	
	(тыс. человек)	1989 г.	2001 г.
украинцы	2744,1	50,7	56,9
русские	1844,4	43,6	38,2
Житомирская область	1389,3	100	100
украинцы	1255	84,9	90,3
русские	68,9	7,9	5
Закарпатская область	1254,6	100	100
украинцы	1010,1	78,4	80,5
угорци	151,5	12,5	12,1
Запоржская область	1926,8	100	100
украинцы	1364,1	63,1	70,8
русские	476,8	32	24,7
Ивано-Франковская область	1406,1	100	100
украинцы	1371,2	95	97,5
русские	24,9	4	1,8
Киевская область	1821,1	100	100
украинцы	1684,8	89,4	92,5
русские	109,3	8,7	6
Кировоградская область	1125,7	100	100
украинцы	1014,6	85,3	90,1
русские	83,9	11,7	7,5
Луганская область	2540,2	100	100
украинцы	1472,4	51,9	58
русские	991,8	44,8	39
Львовская область	2606	100	100
украинцы	2471	90,4	94,8
русские	92,6	7,2	3,6
Николаевская область	1262,9	100	100

Продолжение табл. 7.1

<i>Население Украины</i>	<i>Численность населения в соответствии с переписью населения 2001 г.</i>	<i>Процентное соотношение численности населения по результатам переписей 1989 и 2001 гг.</i>	
	<i>(тыс. человек)</i>	<i>1989 г.</i>	<i>2001 г.</i>
украинцы	1034,5	75,6	81,9
русские	177,5	19,4	14,1
Одесская область	2455,7	100	100
украинцы	1542,3	54,6	62,8
русские	508,5	27,4	20,7
Полтавская область	1621,2	100	100
украинцы	1481,1	87,9	91,4
русские	117,1	10,2	7,2
Ровенская область	1171,4	100	100
украинцы	1123,4	93,3	95,9
русские	30,1	4,6	2,6
Сумская область	1296,8	100	100
украинцы	1152	85,5	88,8
русские	121,7	13,3	9,4
Тернопольская область	1138,5	100	100
украинцы	1113,5	96,8	97,8
русские	14,2	2,3	1,2
Харьковская область	2895,8	100	100
украинцы	2048,7	62,8	70,7
русские	742	33,2	25,6
Херсонская область	1172,7	100	100
украинцы	961,6	75,7	82
русские	165,2	20,2	14,1
Хмельницкая область	1426,6	100	100
украинцы	1339,3	90,4	93,9
русские	50,7	5,8	3,6
Черкасская область	1398,3	100	100
украинцы	1301,2	90,5	93,1
русские	75,6	8	5,4
Черновицкая область	919	100	100

Окончание табл. 7.1

<i>Население Украины</i>	<i>Численность населения в соответствии с переписью населения 2001 г.</i>	<i>Процентное соотношение численности населения по результатам переписей 1989 и 2001 гг.</i>	
	(тыс. человек)	1989 г.	2001 г.
украинцы	689,1	70,8	75
русские	37,9	6,7	4,1
Черниговская область	1236,1	100	100
украинцы	1155,4	91,5	93,5
русские	62,2	6,8	5
г. Киев	2567	100	100
украинцы	2110,8	72,5	82,2
русские	337,3	20,9	13,1
г. Севастополь	377,2	100	100
русские	270	74,4	71,6
украинцы	84,4	20,7	22,4

Отвечая на вопрос о родном языке, таковыми назвали русский 96% русских и 15% украинцев. Родным его также назвали многие представители других национальных меньшинств Украины: 62% белорусов, 30% болгар, 83% евреев, 88% греков, 59% татар, 54% немцев (табл. 7.2). В целом по Украине на 2,8% по сравнению с 1989 г. увеличилось число людей, считающих родным украинский язык. При этом среди украинцев доля людей, считающих своим родным языком украинский, снизилась на 2,5%.

Таблица 7.2

**Ответы на вопрос в переписи 2001 г. о том,
какой язык респонденты считают родным, %**

<i>Национальность</i>	<i>Язык своей национальности</i>	<i>Украинский</i>	<i>Русский</i>	<i>Другой язык</i>
Украинцы	85,2	x	14,8	0
Русские	95,9	3,9	x	0,2
Белорусы	19,8	17,5	62,5	0,2
Молдаване	70	10,7	17,6	1,7
Крымские татары	92	0,1	6,1	1,8

Окончание табл. 7.2

<i>Национальность</i>	<i>Язык своей национальности</i>	<i>Украинский</i>	<i>Русский</i>	<i>Другой язык</i>
Болгары	64,2	5	30,3	0,5
Венгры	95,4	3,4	1	0,2
Румыны	91,7	6,2	1,5	0,6
Поляки	12,9	71	15,6	0,5
Евреи	3,1	13,4	83	0,5
Армяне	50,4	5,8	43,2	0,6
Греки	6,4	4,8	88,5	0,3
Татары	35,2	4,5	58,7	1,6
Цыгане	44,7	21,1	13,4	20,8
Азербайджанцы	53	7,1	37,6	2,3
Грузины	36,7	8,2	54,4	0,7
Немцы	12,2	22,1	64,7	1
Гагаузы	71,5	3,5	22,7	2,3
Другие национальности	32,6	12,5	49,7	5,2

Говоря о современном положении русского языка, которое сформировалось под влиянием языковой политики, а также конфликта на востоке Украины, обратимся к социологическим исследованиям Киевского международного института социологии (КМИС). Согласно исследованию «Языковые практики и отношение к преподаванию русского языка в украиноязычных школах» (февраль–март 2019 г.), преимущественно или только на русском языке разговаривают 28% жителей Украины, на русском и украинском в равной мере — 25%. По мнению 30% респондентов, на изучение русского языка в украиноязычных школах должно отводиться такое же количество времени, как и на изучение украинского языка, и лишь 8% ответили, что русский язык не нужно изучать вообще [Думки і погляди населення 2019].

Результаты исследования КМИС «Об отношении к статусу русского языка в Украине» (декабрь 2015 г.) демонстрируют существенную региональную дифференциацию по данному

вопросу. Если в западных регионах около 40% респондентов считают, что нужно устраниć русский язык из официального общения по всей Украине, то в восточном и южном регионах 34% респондентов выступают за приданie русскому языку статуса второго государственного. В целом по стране 51% респондентов солидаризировались с тем, что нужно сделать русский язык вторым официальным языком в тех местностях, большинство населения которых этого желает (табл. 7.3, см. подробнее: [Ставлення до статусу 2015]).

Таблица 7.3

Вопрос социологического исследования КМИС об отношении к статусу русского языка на Украине: «Как Вы считаете, какой должна быть государственная политика в отношении русского языка в Украине?», %

<i>Регион / Вопрос</i>	<i>Западный</i>	<i>Центральный</i>	<i>Южный</i>	<i>Восточный (с Донбассом)</i>
Нужно устраниć из официального общения на всей Украине	42	24	13	3
Нужно сделать вторым официальным языком только в тех местностях, большинство населения которых этого желает	44	57	43	61
Нужно сделать вторым государственным языком Украины	6	8	37	31
Трудно сказать / Не знаю	7	8	6	5
Нет ответа	1	3	1	0

Приведенные цифры демонстрируют, в сколь сложном положении оказались русскоязычные жители Украины. Однако несмотря на политические катаклизмы и государственную политику, русский язык остается значимым для большого числа людей в современной Украине, а вопросы его законодательного положения и статуса представляют собой насущную проблему, от решения которой зависит положение как этнических русских и русскоязычных украинцев, так и других национальных меньшинств Украины.

Данная работа состоит из трех частей. В первой части будут проанализированы международные документы, которые влияют на государственную языковую политику современной Украины. Во второй будет рассмотрена эволюция украинского законодательства в сфере языковой политики. В третьей части будет более подробно освещен вопрос положения русского языка после событий 2014 г., рассмотрены ключевой Закон № 2704-VIII 2019 г. «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», определяющий положение русского языка, а также то, какую политику в отношении русского языка проводят региональные областные рады [Порошенко 2019; Кучма 1999; Зеленський 2019].

Международные документы, посвященные защите языковых меньшинств

Говоря об обязательствах, взятых на себя Украиной по вопросам языковой политики, необходимо выстроить некоторую иерархию значимости международных нормативно-правовых документов.

Наиболее важными документами являются Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, так как данные документы были ратифицированы Украиной и получили законодательный статус в качестве законов Украины.

Рекомендательный характер для Украины носят Международный пакт о гражданских и политических правах (1996 г.), Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению ОБСЕ (1990 г.), Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992 г.), Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств на образование (1996 г.), Ословские рекомендации о правах национальных меньшинств в области языка (1998 г.), Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественной жизни (1999 г.), Рекомендации Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств по использованию

языков меньшинств в телерадиовещании (2003 г.), Варшавские рекомендации, способствующие участию национальных меньшинств в избирательном процессе (2001 г.).

Призваны обратить внимание Украины на её языковую политику и выполнение взятых на себя обязательств доклады и оценки международных организаций: доклады по языковым правам национальных меньшинств в регионе ОБСЕ, доклады Украины о выполнении Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств, периодические доклады Украины о выполнении обязательств, налагаемых Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств.

Анализ реализации положений Хартии является крайне важным, так как данный международный нормативно-правовой документ определяет то, какие обязательства берет на себя государство в сфере языковой политики. При этом следует обратить внимание на то, что Хартия позволяет реализовать разные политические решения в отношении разных не доминирующих языков [Соколовский, Филиппова 2017: 8]. Процесс её имплементации в законодательном пространстве Украины представлял собой сложный и болезненный процесс. Следует отметить, что подписание и ратификация Европейской хартии о региональных языках и языках национальных меньшинств в течение одного года стало одним из обязательств, которые взяла на себя Украина в 1995 г., когда страна стала членом Совета Европы [Рекомендація Парламентської Асамблеї 1995]. Подписание Хартии, действительно, случилось меньше чем через год — 2 мая 1996 г., однако её ратификация затянулась больше чем на три года, что было связано с вопросом о статусе русского языка [Закон України 1992]. В ходе предвыборной компании 1994 г. кандидат в президенты Л.Д. Кучма активно использовал идею о придании русскому языку статуса второго государственного, чтобы привлечь на свою сторону избирателей русскоязычных восточных и южных регионов Украины. Однако с приходом к власти его риторика трансформировалась в умеренно-националистическую, после чего президент стремился не педалировать языковой вопрос. Европейская хартия была

впервые ратифицирована 24 декабря 1999 г., причем данный вариант ратификации Хартии фактически делал русский вторым государственным языком в 14 из 27 территориальных субъектов Украины, где, по данным переписи 1989 г., численность русских составляла от 10 до 20% и больше [Про кількість та склад 2001; Акопян 2013: 144]. Автономной Республике Крым предоставлялась возможность «устанавливать и более благоприятные, чем в этом Законе, условия функционирования региональных языков или языков меньшинств». Наконец при реализации положений Хартии вводился запрет на сокращение образовательных и культурных организаций, где применяются языки национальных меньшинств [Закон України 2000].

Однако через полгода произошел беспрецедентный юридический кульбит украинской законодательной системы. 12 июня 2000 г. Конституционный суд Украины под председательством В.Е. Скомороха отменил закон о ратификации, так как в этом же решении суд утвердил правовую норму, согласно которой ратификационные законы должен подписывать не председатель Верховной рады Украины, как это было определено украинским законодательством того времени, а президент. Решению Суда была придана обратная сила, и закон о ратификации 1999 г. оказался недействительным. Данное решение осталось уникальным, так как было применено только к Закону о ратификации Европейской хартии о региональных языках или языках национальных меньшинств и не распространилось на другие законы о ратификации других международных документов [Соколовский 2011: 34]. Этот законодательный казус логично вписывается в данный исторический период, который характеризовался борьбой президента и парламента за влияние. 16 апреля 2000 г. состоялся всеукраинский референдум по поводу реформы системы государственного управления, на котором подавляющее большинство проголосовавших высказалось за расширение полномочий Президента. Верховная рада не утвердила результаты референдума, но Конституционный суд признал, что результаты плебисцита не требуют согласования рады и имеют статус закона [Конституційний Суд України 2008]. Таким образом, языковой вопрос стал разменной моне-

той в противостоянии президента и парламента, а обсуждение ратификации Хартии было отложено.

В октябре 2002 г. при посредничестве неправительственной общественной организации «Конгресс национальных общин Украины» были проведены переговоры между представителями органов исполнительной власти и общественными организациями национальных меньшинств о дальнейшей судьбе ратификации Европейской хартии [Коцур, Домбровська 2013: 108]. 15 мая 2003 г. был принят закон о повторной ратификации Хартии, значительно сокративший число пунктов и подпунктов, которые Украина соглашалась соблюдать. К примеру, из числа положений исчез пункт 5 статьи 8 части II раздела Хартии, где говорится о защите «нетерриториальных языков», каковым является русский язык. Также интересен 5 пункт данного ратифицирующего закона, который говорит о том, что «меры, направленные на утверждение украинского языка как государственного, его развитие и функционирование во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины, не считаются такими, которые препятствуют или создают угрозу сохранению или развитию языков, на которые согласно статье 2 этого Закона распространяются положения Хартии». По сравнению с законом о ратификации 1999 г., где был прописан запрет на сокращение образовательных и культурных организаций, в которых используются языки национальных меньшинств, закон 2003 г. специально говорит об особых правах украинского языка¹. Ряд политических активистов считает данный закон неконституционным, так как при его принятии была нарушена третья часть 22 статьи конституции, которая гласит, что «при принятии новых законов или внесении изменений в действующие законы не допускается сужение содержания и объема существующих прав и свобод», каковое случилось в отношении русского языка [Закон України 2003]. Данный аргумент будет активно использоваться также в пророссийских СМИ и СМИ стран, представляющих другие национальные меньшинства Украины — например, Венгрии [Шелкова 2016; Az ukrán alkotmánybíróság 2019].

---

¹ Необходимо оговориться, что закон 1999 г. говорит о том же, однако имеет противовес в форме ограничения на сокращение организаций, чего нет в законе 2003 г.

Дальнейшая судьба Хартии оказывается не менее сложной. Достаточно сказать, что ряд языков национальных меньшинств, таких как армянский, караимский, чешский, татарский, цыганский и крымчакский, оказались за пределами ее действия. Как отмечает С.В. Соколовский, эксперты зафиксировали политику украинизации национальных меньшинств и гомогенизации украинского медиа-пространства за счет увеличения квоты украинского языка в СМИ [Соколовский 2011: 36, 38]. Фактически можно говорить о том, что власти Украины при разных правительствах саботировали реализацию права на язык русского национального меньшинства. Показательным примером является заявление МИДа Украины в 2008 г. в ответ на обеспокоенность РФ по поводу решения Конституционного суда Украины об обязательном дублировании всех фильмов иностранного производства (включая русскоязычные), в котором утверждается, что Хартия якобы защищает «языки, находящихся под угрозой исчезновения, а не языковые права национальных меньшинств» [Росії не треба 2008]. Между тем подобной формулировки объекта действия Европейской хартии нет ни в аутентичных вариантах текста, ни в текстах рабочих языков Хартии [*European Charter* 1992].

Языковая политика в позднем СССР

Документы, ставшие основой для законодательства независимой Украины в 1990–2000 гг., были созданы в рамках полемики и противодействия политике союзного центра 70–80-х гг. XX в. Этот временной период характеризуется усилением давления по отношению к националистически настроенной интеллигенции разных республик СССР [Этнический 2012: 306]. Центральная власть стремилась решить проблему улучшения коммуникации в рамках союза, так как ситуация с преподаванием русского языка, по ее мнению, оставляла желать лучшего. Как отмечает А.П. Мякшев, в записке к проекту постановления ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании системы изучения русского языка в союзных республиках» указывается на недостаток учителей русского языка в количестве 6,5 тыс. в Украинской, Белорусской, Литовской, Эстонской ССР. Обучение на русском

языке в этих республиках начиналось в школах только со второго класса, в то время как в других республиках СССР русский язык преподавался с первого класса в объеме 1,5–4 часов в неделю [Мякшев 2015: 46].

Несмотря на то что за русским языком не было закреплено статуса государственного, фактического равноправия между языками в СССР не было. Союзный центр реализовывал политику оптимизации транзакционных издержек, связанных с плохим знанием русского языка жителями союзных республик СССР. Плохое знание русского языка создавало проблемы на производствах, при прохождении службы в Советской армии, ограничивало возможность переброски кадров в другие республики и регионы СССР [там же]. В качестве решения в 1978 г. было подготовлено постановление ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании системы изучения русского языка в союзных республиках», которое предусматривало распространить в школах союзных республик практику разделения класса на 2 подгруппы для изучения русского языка, что в свою очередь предусматривало увеличение числа учителей русского языка. Министерствам просвещения ССР разрешалось вводить практику углублённого изучения русского языка путем перераспределения часов в учебном плане за счет иных предметов [Этнический 2012: 305]. Таким образом, улучшение знания русского языка осуществлялось не за счет увеличения финансирования, хотя и такие меры позднее будут приняты², а за счет сокращения часов на преподавание языков союзных республик, что вызывало недовольство национальной интеллигенции, в том числе в УССР, и давало ей основания говорить о политике русификации.

Подобным образом оценивается и постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР 1983 г. «О дополнительных мерах по улучшению изучения русского языка в общеобразова-

² Например, Приказ Министерства просвещения СССР от 06.12.1983 № 151 «О дополнении и уточнении Инструкции о порядке исчисления заработной платы работников просвещения» закреплял увеличение оплаты труда учителей общеобразовательных школ и школ-интернатов с нерусским языком обучения, расположенных в сельской местности и поселках городского типа, за часы занятий по русскому языку в подготовительных и I–X (XI) классах и литературе в IV–X (XI) классах производится по ставкам заработной платы, такие меры опять же воспринимаются как метод русификации [Як боролися з українською мовою 2012].

зовательных школах и других учебных заведениях союзных республик». Данный документ обязывал учебные учреждения разных образовательных уровней с нерусским языком обучения обеспечить меры по повышению преподавания русского языка, в том числе предполагался ряд мер по отношению к подготовке учителей русского языка и литературы [Горбачев, Фатхутдинова 2011: 58].

Смешая фокус анализа с общесоюзного на уровень союзной республики, рассмотрим то, как языковой вопрос отражен в конституции УССР 1978 г. Вслед за постановлением ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. «О подготовке к 50-летию создания СССР», в котором провозглашалось, что «за годы строительства социализма и коммунизма в СССР возникла новая историческая общность людей — советский народ» [О подготовке 1977: 356–357]. Эта формулировка появилась и в конституции СССР 1977 г., и конституции УССР 1978 г., в которой декларировалось, что советский народ сложился в результате творческой деятельности трудящихся, руководимых Коммунистической партией, и укрепления союза рабочих, крестьянства и народной интелигенции [Конституция СССР 1977, Конституція України 1978]. Закрепление в преамбуле наличия советского народа, однако, не предполагало создания нового языка для данной общности, в данной конституции вообще отсутствует такое правовое понятие, как государственный язык.

Статьи 32 и 34 документа утверждают равенство граждан УССР вне зависимости от языка и других характеристик, а также их право пользоваться родным языком (украинским языком, что подразумевается, но не прописывается) и языками других народов СССР. В статье 43 была закреплена возможность обучения в школе на родном языке. В правовой сфере также закреплялся определенный билингвизм: нормативно-правовые документы, принятые Верховной радой УССР, должны были публиковаться на украинском и русском языках. Языком судопроизводства (ст. 157) был определен украинский, в случае компактного инонационального большинства населения судопроизводство могло осуществляться на языке данной местности. Таким образом, данная конституция была похожа на большинство конституций

союзных республик СССР, в том числе и РСФСР, в ней, в отличие от конституций закавказских ССР, не был закреплен статус украинского языка как государственного.

Однако перестройка, заявленная М.С. Горбачевым, в рамках которой провозглашалось возвращение к ленинским принципам в отношениях центра и союзных республик, изменила дискуссию в сфере языковой политики. В УССР усилилась роль национально-демократических движений и организаций, их поддерживавших. Важную роль в языковой политике в данный период сыграли Союз писателей Украины и Общество украинского языка им. Т.Г. Шевченко (ТУМ — Товариство української мови). На учредительном собрании ТУМа в 1989 г. был представлен проект, который стал основой для закона «О языках в Украинской ССР». Этот закон [Франко 2019], принятый рабочей группой Верховного совета УССР в конце 1989 г. и вступивший в силу 1 января 1990 г., заложил фундамент современной украинской языковой политики и с учетом изменений, внесенных в 1995 и 2003 гг., просуществовал до 2012 г. [Про мови в Українській РСР 1989].

Положение русского и украинского языков в нем закреплялось следующим образом: согласно преамбуле, украинскому языку был обеспечен статус государственного, за русским языком оставался статус языка межнационального общения народов Союза ССР. Третья статья позволяла использовать русский и другие языки национальных меньшинств в работе государственных и общественных органов, предприятий и учреждений, расположенных в местах проживания большинства граждан других национальностей. В то же время в случае, «если граждане другой [неукраинской] национальности, составляющие большинство населения указанных административно-территориальных единиц, населенных пунктов, не владеют в надлежащем объеме [“своим”] национальным языком», для документооборота мог быть использован «украинский язык или язык, принятый для всего населения» (имеется в виду язык межнационального общения — русский язык).

Данное уточнение интересно тем, что в нем отражено советское представление об этничности и её онтологическом статусе.

За этническими украинцами признается право использовать только украинский язык, что дает нам возможность остановиться на вопросе положения украинской нации и русского национального меньшинства в этот период. Система образования, играющая важнейшую роль в национальном строительстве, к концу советского периода оказалась в значительной мере русифицированной. Доля учеников в школах с украинским языком к 1989 г. составляла только 47,5%, все остальное пространство занимали русскоязычные школы. Русский язык как более престижный оказался доминирующим в городском пространстве в большей части регионов Украины [Касьянов 2008: 133]. Украинские школы существовали в основном в сельской местности и малых городах. Высокий статус русского языка как языка элиты и необходимость знания его для встраивания в систему социальных лифтов привели к тому, что родители стремились дать ребенку возможность владения именно русским языком. Как следствие происходил отказ части населения от родного украинского языка как непрестижного. Как отмечает Д.В. Руднев, этот процесс усиливался в УССР и БССР, так как русский язык воспринимался как язык «правильный» в противовес родному языку, который зачастую представлялся как «неправильный», «диалект», что обусловлено близостью украинского, белорусского и русского языков [Руднев 2007: 120–138].

Возвращаясь к закону, необходимо отметить, что гражданин имел право, согласно статье 5, обращаться в государственные и общественные учреждения на русском языке. В государственной сфере фактически закреплялся билингвизм: документы высших органов власти публиковались на русском и украинском, на двух языках должны были оформляться и все официальные документов — паспорт, трудовая книжка, документы об образовании и др. Билингвальной была определена и работа почты и телеграфа. В сфере науки, которая была, особенно в части технических и естественных наук, русифицирована, была предусмотрена публикация основных научных результатов на украинском языке. Впрочем, эта норма имела и обратное действие

в отношении украиноязычных работ, для которых требовалось русское резюме.

Русский язык оставался ключевым при взаимодействии УССР с органами союзного центра. Язык прокурорского надзора, выборов и арбитражного производства в рамках юрисдикции УССР оставался украинским, но как только компетенция органов выходила на общесоветский уровень — язык менялся на русский. Также в этот период была предоставлена возможность использовать русский в качестве языка делопроизводства, государственных общественно-политических мероприятий, судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях, нотариального, прокурорского, арбитражного производства и в сфере маркировки товаров. На срок до 5–10 лет были отложены реализация статей, связанных с украинизацией технической документации, а также требования по украинизации разных ступеней системы образования.

Госслужащие могли не знать русский или украинский при поступлении на работу, но формально обязаны были «овладеть языком работы органа или организации в объеме, необходимом для выполнения служебных обязанностей». Как именно осуществлялось овладение языками и какие процедуры при этом должны были выполняться, не уточняется, однако постановлением Верховной рады УССР имплементация данной нормы откладывалась на срок от 3 до 5 лет. На такой же срок откладывалась реализация статьи 10, говорящей о необходимости двуязычного дублирования актов органов высшей власти и положение о том, что надписи на печатах, штампах, официальных бланках и других объектах документооборота выполняются на украинском языке или на украинском и русском языках [Про порядок введення в дію 1989].

Данный закон стал также основой программ украинизации разных областей социальной жизни Украины. Положение русского языка начало ухудшаться ввиду того, что Указ Министерства образования Украины «О дополнительных мерах во исполнение Закона “О языках Украинской ССР”» от 07.09.1992 № 123 обязывал привести сеть первых классов общеобразовательных

школ и дошкольных групп в полное соответствие с этническим составом населения каждой области Украины. Таким образом, большинство областей Украины должны были сформировать сеть исходя не из желания родителей, а из этнической карты, созданной по результатам переписи населения 1989 г. [Прододаткові 1992: 3–9]. Украинаизация стала приоритетным направлением реформы общего среднего образования, включенной в Государственную национальную программу «Образование» [Гакман 2018: 159]. Этот же указ предполагал повышение зарплат учителям, которые начинали преподавать на украинском языке и отказывались от русского, но ввиду разразившегося экономического кризиса данная мера осталась реализованной лишь частично.

Языковой вопрос в первые годы независимой Украины

Таким образом, к началу 1990-х гг. перед руководством Украины стояла задача учесть интересы двух больших групп: этнических украинцев, позитивно воспринимавших идеи украинаизации, и самого крупного национального меньшинства — этнических русских, настроенных против политики украинаизации, подрывающей их статус привилегированного культурного меньшинства. При этом на Украине существует большое число компактных анклавов других национальных меньшинств, среди которых многие, по данным переписи, считали русский родным языком. Формирование грамотной и учитывающей интересы всех акторов политики в такой ситуации сложно в принципе, а с учетом разразившегося экономического кризиса 1990-х гг. реализовать языковую политику, которая удовлетворяла бы все заинтересованные стороны, оказалось невозможным.

Как отмечает историк Г.В. Касьянов, в этот период доля ВВП страны, тратящегося на образование, де facto составляла 3,8–5% при законодательно закрепленных 10%. Это привело к тому, что языковая политика была реализована на фоне обнищания учительско-преподавательского состава и ухудшения материально-технической базы образовательных учреждений [Касьянов 2008: 137]. Фактически сложилась ситуация, когда продолжали действовать советские директивные методы управ-

ления при невозможности государства в достаточной мере обеспечивать свои требования материально. Это вело к тому, что украинизация во многом происходила на бумаге, а бюрократия готова была соглашаться на формальные отчеты, понимая невозможность решения поставленных задач при имеющемся финансировании. Постсоветская бюрократия, представляющая собой наследницу советской харизматической бюрократии, реализующей в повседневном государственном управлении мессианские идеи методами военной диктатуры, оказалась в сложной ситуации, когда коммунистическая мессианская идея была заменена идеей украинского национализма, а от методов военной диктатуры осталась формальная оболочка декретов без должной материальной поддержки продуцируемых государством решений [Дерлугъян 2013: 130].

Русский язык в годы президентства В.А. Ющенко (2005–2010)

Ситуация в отношении русского языка ухудшилась с приходом к власти президента В.А. Ющенко. Приказом Министерства транспорта и связи от 25 марта 2008 г. № 332 «О повышении уровня использования украинского языка в сфере транспорта и связи» предусматривалась тотальная украинизация всех сфер внутренней и внешней работы государственных компаний «Укрзалізниця», «Госавиаадминистрация», «Укравтодор», «Госфлотинспекция», «Глававтотрансинспекция», «Госспецтрансслужба». Приказ требовал перевода с русского всех нормативно-правовых актов, техдокументации и устранения русского языка с веб-сайтов организаций [Вінський 2008].

Убедительным свидетельством того, что украинизация образования в 1990-х гг. оказалась малоэффективной, является постановление кабинета министров от 30 сентября 2009 г. № 1033 «О внесении изменений в Положение об общеобразовательном учебном учреждении», согласно которому предписывалось в рабочее время в «государственном и коммунальном общеобразовательном учебном заведении постоянно (sic!) использовать украинский язык» [Тимошенко 2010].

Ввиду того что большинство фильмов в тот период шло на русском языке, по инициативе группы депутатов вопрос об обязательном дубляже фильмов был вынесен на рассмотрение Конституционного суда Украины, который сделал вывод касательно трактовки части второй статьи 14 Закона Украины «О кинематографии». Решение суда состояло в том, что иностранные фильмы не подлежат распространению и демонстрированию на Украине, если они не дублированы, или не озвучены, или не субтитрованы на государственном языке, а центральный орган исполнительной власти в области кинематографии не имеет права выдавать прокатное удостоверение на такие фильмы [Конституційний суд України 2007].

Было значительно сокращено использование русского языка в теле- и радиовещании. Согласно закону от 26.03.2008 № 580 «О внесении изменений в Рекомендации относительно определения языка программ и передач в программных концепциях телерадиоорганизаций, утвержденные решением Национального совета № 317 от 14.04.2004» минимальная доля украиноязычных программ и передач должна была составить от 75 до 100%. Этот документ также вводил ряд нормативных объемов программ и передач, подготовленных на украинском языке, от общих объемов вещания: с 1 сентября 2009 г. — не менее 80%; с 1 сентября 2010 г. — не менее 85% [Шевченко, Лясовський 2004].

В середине 2000-х гг. происходит внедрение единого государственного выпускного/вступительного экзамена — Внешнего независимого оценивания (ЗНО — Зовнішнє незалежне оцінювання). Основные споры вызвал вопрос не о том, нужно или ненужно вводить ЗНО, а о том, на каком языке следует проводить государственный экзамен. Этот вопрос поднимается практически во всех интервью министра образования и науки Украины И.С. Вакарчука. Министр настаивал на необходимости проведения экзамена только на украинском языке: «У детей нет мотивации к изучению государственного языка. Сейчас такая мотивация появилась — нужно проходить тестирование [...] взрослый человек, который вступает в общественную жизнь, должен владеть также государственным языком. Куда смотрели

взрослые — учителя, которые вели этих детей все годы обучения, родители, которые должны были бы советовать чадам изучать государственный язык? [...] Ведь Конституция, которой утверждается один государственный язык — украинский, была принята и действовала, когда эти дети еще только пошли в школу» [Министру образования 2016]. Указом Министерства образования и науки 2007 г. ЗНО было решено проводить только на украинском языке [Вакарчук 2007]. Представители русской и русскоязычной части украинского общества и региональных элит выступили против этого решения, апеллируя к Конституции Украины и Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств [Решение Президиума Верховной рады АР Крым 2009].

В период президентства Ющенко были предприняты попытки увеличения числа украинских школ в АР Крым. Указ от 20 ноября 2007 г. № 1122/2007 «О некоторых мерах по развитию гуманитарной сферы в Автономной Республике Крым и городе Севастополе» предполагал расширение сети образовательных учреждений всех типов, реализующих свои программы на украинском языке, и определение финансирования строительства украинских школ в городах АР Крым [Ющенко 2007]. Данное решение было встречено в штыки русским национальным меньшинством и воспринято как попытка насилием украинизировать регион [См. подробнее: Ужасы от КПУ 2007; Русская община Крыма 2007; Попирать права никому не позволим 2007].

Положение русского языка при В.Ф. Януковиче (2010–2014)

Улучшение положения русского языка происходит в начале президентства В.Ф. Януковича. В этот период ключевым документом является Закон «Об основах государственной языковой политики», который заменил закон «О языках в Украинской ССР». Над проектом закона работали народные депутаты от Партии регионов С.В. Кивалов и В.В. Колесниченко. В рабочую группу также входили представители организаций, представляющих национальные меньшинства Украины: генеральный директор Всеукраинской благотворительной организации

«Еврейский фонд Украины» А.И. Монастырский, почетный председатель Демократического союза венгров Украины М.М. Товт, ответственный секретарь Межрегионального объединения «Румынское сообщество Украины» А.В. Божеску, а также представитель правозащитного движения, руководитель программы общественного мониторинга выполнения Украиной положений Европейской хартии региональных языков Р.О. Бортник.

Ключевым новшеством, которое привносил данный закон в украинское законодательство, стал статус регионального языка. Под ним понимался язык, который традиционно используется в границах определенной территории государства гражданами этого государства, составляющими группу, по своей численности меньшую, чем остальное население этого государства, и/или отличается от официального языка (языков) этого государства. Закон позволял жителям территории, на которой распространен язык, инициировать получение статуса регионального языка, если количество его носителей, проживающих на определённой территории, составляет 10% и более численности ее населения, а инициаторы собрали более 10% подписей.

Согласно десятой статье закона акты высших органов государственной власти должны были публиковаться в том числе на русском и других языках национальных меньшинств. Данный документ позволял там, где русский язык был признан региональным, публиковать на нем акты местных органов государственной власти и местного самоуправления, использовать его в делопроизводстве и документации местных органов государственной власти и органов местного самоуправления; должностным и служебным лицам вменялось в обязанность владеть русским языком и обеспечивать право подавать устные или письменные заявления и получать ответы на них на русском языке. Русский язык также мог использоваться для работы конференций, сборов и других официальных собраний, которые проводятся органами государственной власти и местного самоуправления, на нем, по решению местного совета, могли быть изданы тексты официальных объявлений, он мог быть языком судопроизводства. По решению местных властей, на русском

могла быть оформлена документация о выборах разного уровня. В экономической и социальной деятельности государственных предприятий могли использоваться русский и другие региональные языки или языки меньшинств. Запрещалось запрещать использование русского языка внутренними правилами организаций. Снимались ограничения на радио- и телевещание на русском языке. На основании этого закона в 2012 г. русский язык был признан региональным в Одесской, Запорожской, Донецкой, Луганской, Херсонской, Харьковской, Николаевской, Днепропетровской областях и г. Севастополе.

Принятие этого закона спровоцировало политический кризис, оппозиция властвующей Партии регионов стремилась сорвать принятие закона, дело доходило до драк между депутатами. Сам закон был принят с нарушениями регламента, как следует из стенограммы заседания. Председательствующий депутат А. Мартынюк поставил вопрос о рассмотрении законопроекта, «за» высказалось 219 депутатов, чего оказалось недостаточно для рассмотрения законопроекта. После голосования о предложении вернуться к данному вопросу председатель поставил вопрос не о рассмотрении законопроекта, а сразу о его принятии, после чего на табло высветилось число голосов «за» в сумме 248.

Также нарушение процедуры состояло в том, что законопроект был поставлен на голосование без его включения в повестку дня и предварительного обсуждения, дабы оппозиция не смогла сорвать заседание. Противниками закона стали оппозиционные политики, культурные и общественные деятели, общественные организации, занимающиеся языковыми вопросами. На стадии законопроекта, во время и после его принятия были организованы политические компании протеста: «Займітесь ділом, а не язиком!» (Займитесь делом, а не языком!), «Помста за розкол країни!» (Месть за раскол страны!), Врятай свою мову! (Спаси свой язык), «И так поймут!» Именно в контексте обсуждения и принятия данного закона появляется знаменитая карикатура «Девочка, подвинься, ты меня притесняешь», активно использовавшаяся в визуальном коде протестующих против закона Кивалова — Колесниченко и акциях, направленных против расширения пространства использования русского языка (рис. 7.1).

Рис. 7.1

Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Discrimination_of_Ukrainian_language.jpg

Положение русского языка в годы президентства П.А. Порошенко (2014–2019)

Ситуация вокруг АР Крым, конфликт на востоке страны, поиск внутренних врагов привели к усилению дерусификации страны. В дискурсе украинских СМИ и политиков дерусификация представляется естественным ходом вещей с целью уничтожения следов взаимодействия с Россией, которая маркируется как вневременной враг. Отмена Верховной радой 23 февраля 2014 г. закона о языках 2012 г. стала важным событием в цепи драматических событий Евромайдана. Несмотря на то что уже 28 февраля на это решение и.о. президента Украины А.В. Турчиновым было наложено вето, данная ситуация спровоцировала рост пророссийских и сепаратистских движений в регионах Юго-Востока Украины.

Однако в ситуации идущих военных действий языковой вопрос оказался отодвинут на второй план, в речах политиков формировалась картина единой полиэтничной политической нации. Ярким примером тому является инаугурационная речь П.А. Порошенко, в которой он следующим образом обозначает свою позицию в отношении русского языка: «С чем я как Президент приеду к вам в самое ближайшее время? С миром.

С проектом децентрализации власти. С гарантией свободного использования в Вашем регионе русского языка. С твердым намерением не делить украинцев на правильных и неправильных. С уважительным отношением к специфике регионов. К праву местных общин на свои нюансы в вопросах исторической памяти, пантеона героев, религиозных традиций» [См. подробнее: Порошенко: Москаль 2016]³. Поэтому важную роль в процессе дерусификации взяли на себя областные и местные власти, которые играли на такой традиционно популистской теме, как вопрос о языке.

Региональные инициативы

5 октября 2017 г. Киевская городская рада приняла решение № 166/3173, на которое будут ориентироваться и которому будут подражать городские рады других городов Украины [Рішення № 166/3173]. В нем были продублированы положения закона 2012 г. «Об основах государственной языковой политики» о том, что в Киеве языком работы, делопроизводства и документации органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций коммунальной формы собственности, языком официальных объявлений и сообщений является государственный — украинский язык. Данный нормативно-правовой акт Киевской городской рады обязал все названия учреждений, предприятий, организаций, вывески, плакаты, афиши, публичные сообщения, рекламные объявления и любые другие формы аудио- и визуальной рекламной продукции, информации для потребителей товаров и услуг осуществлять на украинском языке. Дублирование информации на русском или ином языке оставляется на усмотрение владельца. В сфере общественного обслуживания должен использоваться украинский язык, при обслуживании посетителей персонал обязуется предлагать меню на украинском языке, и только по требованию посетителя предоставлять меню на ином языке.

Вслед за Киевской городской радой 2 ноября 2017 г. Житомирская областная рада приняла решение № 861 «О преодолении по-

³ Хочется, однако, напомнить, что именно при П.А. Порошенко русский язык потеряет статус регионального, Украинский институт национальной памяти станет исполнительным органом власти и будет определять украинскую историческую память и пантеон национальных героев, а религиозные традиции станут основой его предвыборной кампании, получившей в народе название «томос-тура».

следствий советской оккупации в языковой среде Житомирской области». В отличие от решения Киевского городского совета, данное решение было, по сути, рекомендательным. Помимо повторения норм вышестоящих по статусу документов о том, что на территории Житомирской области языком государственных и местных органов, учреждений и организаций является украинский, было рекомендовано использовать украинский язык во всех сферах обслуживания граждан, оформлять рекламные объявления, вывески, плакаты, афиши, сообщения и другие формы аудио-, фото-, видеорекламной продукции, ценники на товары на украинском языке. Ссылаясь на 10 статью конституции Украины, данное решение трактует обслуживание клиентов на любом ином языке, кроме украинского, как «неуважение к ним, [содержащее в себе] признаки нарушения прав потребителей» [Про подолання].

Депутаты Львовского городского совета в своем определении № 3012 от 15.02.2018 «О регулировании языка обслуживания граждан в сфере предоставления услуг, торговли и осуществления информирования о товарах и услугах в г. Львове» идут дальше нормативно-правовых документов Киева и Житомира. Данный документ гласит, что в городской торговле, сфере услуг и общепита обслуживающий персонал обязан общаться с потребителем услуг на украинском языке. Обязательным также является наличие перечней товаров и услуг, в том числе меню, прейскурантов цен, информационных буклетов, брошюр на украинском языке [Рішення № 3012]. Также было принято, что маркировка и этикетки продовольственных и непродовольственных товаров, которые реализуются в г. Львове, вывески, плакаты, афиши, сообщения и ценники должны изготавливаться только на украинском языке. Документ требует исполнения Закона «О рекламе», Закона «О телевидении и радиовещании» и 10 статьи Конституции Украины, что может вызвать недоумение, ведь данная статья, помимо утверждения украинского языка как государственного, гарантирует свободное развитие, использование и защиту русского и других языков национальных меньшинств Украины [Конституція України 1996].

Интереснейшим шагом является решение Городской рады возложить контроль за выполнением требований документа на Львовское коммунальное предприятие «Муніципальна варта» (Муниципальная стража), которая имеет право составлять протоколы об административном правонарушении по ст. 155 КоАП Украины, тесно сотрудничая с Главным управлением Национальной полиции Украины во Львовской области и Главным управлением Государственной службы Украины по вопросам безопасности пищевых продуктов и защиты потребителей в Львовской области. Подобный аналог ЧОП на городской службе представляет собой способ институционализации украинских националистов, явно не выдерживающих конкуренции в поле эlectorальной политики, но стремящихся контролировать финансовые потоки муниципальных бюджетов. Подобная ситуация складывается и в других городах: Киеве, Запорожье и др. [Чубукин 2018; Мальцев 2019]. Вслед за Киевом, Житомиром и Львовом подобные решения были приняты городскими радами Кропивницкого (бывший Кировоград), Кременчуга и ряда других городов.

В том же 2018 г. 18 сентября решением № 745 Львовская областная рада ввела «Мораторий на публичное использование русскоязычного культурного продукта на территории Львовской области» в любых формах до момента полного прекращения оккупации территории Украины. Документ рекомендует органам местного самоуправления Львовской области принять аналогичные решения на подконтрольных им территориях. Также было направлено на рассмотрение областной рады обращение к Верховной раде Украины относительно запрета публичного воспроизведения «аудиовизуальных произведений на языке государства-агрессора» [Рішення №745].

Данное решение в январе 2019 г. было обжаловано и отменено Львовским окружным административным судом по иску представителей Всеукраинского общественного движения «Украинский выбор — право народа», которое возглавляет В.В. Медведчук. Однако в августе 2019 г. Верховный суд Украины признал законным данный мораторий [На Львівщині 2019]. Этот правовой инцидент послужил толчком для калькирования этого

решения в ряде других областей Украины. Необходимо также отметить, что подобные решения уже принимались Львовской областной радой в 2007 г. в период усиления споров по поводу языковой политики в период президентства В.А. Ющенко. Так 12 июня 2007 г. было принято решение № 294 «О соблюдении законодательства в сфере функционирования украинского языка на территории Львовской области» [Голова обласної ради М. Сеник 2007].

25 октября 2018 г. Житомирская областная рада решением № 1283 ввела мораторий на публичное использование русскоязычного культурного продукта на территории Житомирской области. При этом сами формулировки четырех пунктов решения практически дословно повторяют решение Львовской рады. Положения этого документа были также почти дословно скопированы в решениях Тернопольской рады (№ 1171 от 6 ноября 2018 г.) и Волынской рады (№ 22/58 от 20 декабря 2018 г.) [Тернопільська Обласна Рада 2018; Волинська обласна рада 2018].

Еще одной тенденцией данного периода стала отмена статуса русского языка как регионального. Решением Областной рады № 883-VI от 6 декабря 2018 года это происходит в Харькове, решением № 1143 от 14 декабря 2018 г. — в Херсоне [Харківська Обласна Рада 2018; Херсонська Обласна Рада 2018]. Более сложная ситуация складывается в других областях Юго-Востока Украины: так, при голосовании депутатов Николаевской областной рады 12 апреля 2018 г. решение об отмене статуса русского языка было сорвано. Однако региональный статус русского языка был отменен 31 июля 2018 г. окружным административным судом по иску первого заместителя прокурора Николаевской области о признании противоправным и недействительным решения Николаевской областной рады от 2012 г. «О реализации требований Закона Украины “Об основах государственной языковой политики” в Николаевской области» [Прес-служба прокуратури 2018]. Не был отменен статус русского языка в Одесской, Запорожской, Днепропетровской, Луганской областях, но в связи с отменой конституционным судом языкового закона 2012 г. само понятие регионального языка оказалось вытеснено из юридического пространства украинского законодательства.

Дальнейшее сокращение сферы применения русского языка

На протяжении 2015–2019 гг. был принят ряд нормативно-правовых актов, снижающих статус и уменьшающих зону употребления русского языка даже в сравнении с тем, что существовало при В.А. Ющенко. Это Указ Президента «О неотложных мерах по укреплению государственного статуса украинского языка и содействии созданию единого культурного пространства Украины», Закон «Об образовании», Закон «О предвысшем профессиональном образовании», ряд законов 2015–2018 гг., вносящих корректизы в закон «О телевидении и радиовещании». Однако ключевым языковым законом, пришедшим на смену закону 2012 г.⁴, стал Закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», принятый 25 апреля 2019 г. и вступивший в силу 16 июля 2019 г. Данный закон состоит из преамбулы и 9 разделов и включает в себя 57 статей. Он вводит две новые статьи в КоАП Украины № 188⁵² «Нарушение закона относительно функционирования и применения украинского языка как государственного» и № 188⁵³ «Невыполнение законных требований Уполномоченного по защите государственного языка при осуществлении им государственного контроля за применением государственного языка», вносит изменения в статью КоАП № 244²⁴, а также ещё в 44 нормативно-правовых документа Украины, меняя таким образом все законодательство.

Преамбула данного документа интересна двумя аспектами. Авторами закона использовалась риторика правого постколониализма, в которой постколониальные аргументы адаптируются к националистической повестке, несмотря на то, что подобные риторические приемы, скорее, характерны для левого политического дискурса. Так, необходимость защиты «единственного государственного языка» проистекает из необходимости «преодоления вызванных многовековой ассимиляционной политики колонизаторов и оккупантов деформаций национального языково-культурного и языково-информационного пространства». Авторы отмечают, что «существование украинского языка во всех сферах жизни и на всей территории государства явля-

⁴ Любопытно, что в связи с отменой Конституционным судом Украины 28 февраля 2018 г. языкового закона 2012 г. и вплоть до принятия нового закона, т.е. в течение примерно 15 месяцев, *de jure* действовал закон 1989 г., признававший за русским не менее серьезные права, присваивая ему статус языка межнационального общения.

ется гарантией сохранения идентичности украинской нации и укрепления государственного единства Украины», что отсылает нас к следующему пункту преамбулы, который демонстрирует тенденцию к возврату понимания концепта нации в этническом ее смысле, при этом без отказа от концепта гражданской нации. Законодательно закрепляется, что украинский язык «является определяющим фактором и главным признаком идентичности украинской [этнической] нации, которая исторически сформировалась и в течение многих веков непрерывно проживает на собственной этнической территории, составляет подавляющее большинство населения страны и дала официальное название государству, а также является базовым системообразующим компонентом украинской гражданской нации».

Говоря о положении русского языка в данном документе, следует зафиксировать полное отсутствие его упоминания при том, что в языковом законе 1989 г. словосочетание «русский язык» и его словоформы встречались 34 раза, а в законе 2012 г. — девять раз. В семи статьях содержатся ссылки на непринятый Закон «О порядке реализации прав коренных народов, национальных меньшинств Украины», который, по мысли законодателей, будет также определять положение языков национальных меньшинств и коренных народов при проведении выборов, в сферах культуры, книгоиздания, публичных мероприятий, рекламы и названиях органов власти АР Крым.

Поэтому наш рассказ о положении русского языка на современной Украине будет построен в апофатической логике. Рассмотрим данный закон как источник, рассказывающий нам о том, где использование русского языка может повлечь за собой административную ответственность. Под таковой можно оказаться, если согласно пункту 6 статьи 1 «создавать препятствие и ограничения в применении украинского языка», «намеренно искажать украинский язык в официальных документах и текстах, в частности преднамеренно применять его с нарушением требований украинского правописания и стандартов государственного языка» или согласно статье 53 «публично унижать или оскорблять государственный язык [будучи при этом] должностными лицами органов государственной власти».

Данные формулировки призваны обеспечить закону безопасность от его критиков среди региональных элит, не согласных с предлагающимся статусом русского языка, а расплывчатые формулировки, говорящие о «намеренном искажении украинского языка», призваны использоваться как предлог для расправы над неугодными государственными или общественными деятелями.

Использование русского языка полностью исключается в государственном документообороте, а также при исполнении служебных обязанностей государственными чиновниками и депутатами всех уровней власти и местного самоуправления, служащими Национального банка Украины, работниками Национальной полиции и других органов внутренних дел, прокуратуры и судов. Русский язык исключается из использования в сфере работы адвокатов, нотариусов, руководителей учебных заведений, педагогических, научно-педагогических и научных кадров, должностных и служебных лиц предприятий, учреждений и организаций государственной и коммунальной форм собственности.

Интересно положение русского языка в армии и силовых структурах. Украинский язык, согласно данному закону, обязан использовать офицерский состав, но о языке солдат-призывников нет никаких уточнений, из чего следует сделать вывод о том, что призывники по-прежнему могут использовать русский язык. Представителям силовых органов и работникам таможенной службы разрешается использовать русский при взаимодействии с лицами, которые не понимают государственного языка.

Закон фиксирует положение русского языка и других языков национальных меньшинств в системе образования следующим образом. Прежде всего, необходимо отметить, что до 2019 г. в стране не было законодательного акта, который бы вводил четкие и признаваемые другими нормативно-правовыми актами понятия «национальное меньшинство» и «коренной народ». К примеру, в законе «Про национальные меньшинства в Украине» предусмотрительно не дается ни определения национальным меньшинствам, ни их списка. Ряд законопроектов пытались ввести эти понятия в легальное поле, однако они так и не были приняты. Единственной этнической группой, признанной на

территории Украины коренным народом, являются крымские татары, этот статус был упомянут в Постановлении Верховной рады «О Заявлении Верховной рады Украины относительно гаранции прав крымскотатарского народа в составе Украинского государства» № 4475 от 20 марта 2014 г. Как заявил директор департамента информационной политики МИД Украины Е. Перебейнос, русские являются не коренным народом Украины (коренными, по его мнению, являются украинцы, крымские татары, караимы, крымчаки), а диаспорой. Все это позволяет нам говорить о том, что первая часть 21 статьи закона, в которой гарантируется право на получение дошкольного и начального образования на языке соответствующего национального меньшинства Украины и дошкольного и общего среднего образования на языке соответствующего коренного народа Украины, скорее всего будет относиться в том числе к русским и русскому языку. При этом данный закон не предусматривает наличия национальных школ национальных меньшинств и коренных народов, в частности русских. Согласно данному акту, для заинтересованных граждан будут вводиться «отдельные классы (группы) с обучением на языке соответствующего национального меньшинства». Дальнейшие образовательные ступени на русском и других языках коренных народов и национальных меньшинств данным законом не предусмотрены. Преподавание в начальном/среднем профессиональном образовании и высшем образовании возможно только на украинском, английском и других официальных языках Европейского союза. Сфера науки также полностью лишена возможности использовать в своей работе языки национальных меньшинств и коренного населения. Единственный тип научных мероприятий, на котором может звучать русский язык, — это публичные научные мероприятия на тему определенного иностранного языка или иностранной литературы. Закон также регламентирует язык распространения и демонстрирования фильмов, и, внося поправки в Закон «О кинематографии», создает сложную процедуру, по которой фильмы на русском языке могут быть показаны в случае сопровождения их субтитрами или дубляжем, доказанной художественной ценности, а также при условии, что они не содержат популяризацию

органов государства-агрессора⁵ и советских органов государственной безопасности. Однако вопрос о положении русского языка в кино, на телевидении и радио заслуживает отдельного исследования.

Откровенно дискриминационным закон является в отношении положения русского языка в печатных СМИ. Разрешено использовать для изданий русский язык при условии, если одновременно с соответствующим тиражом издания на русском языке издается тираж на украинском языке, при этом необходимо, чтобы обе версии были одинаковы по смыслу и содержанию и не имели никаких различий, кроме языка. При этом в местах продажи печатных СМИ только 50% изданий могут быть реализуемы на негосударственных языках. Правила, вводящие двойной тираж, не относятся к изданиям на крымскотатарском языке, языках коренных народов Украины, английском языке и других официальных языках Европейского союза.

Подобная дискриминационная практика распространяется и на сферу книгоиздания: закон закрепляет норму, согласно которой не менее 50% наименований книжных изданий и всей издаваемой продукции в рамках соответствующего календарного года должны издаваться на украинском языке. Данная норма не относится к печатной продукции, изданной на крымскотатарском языке, на языках коренных народов и национальных меньшинств Украины за счет средств государственного и/или местных бюджетов. Говоря о книжном сбыте, закон утверждает норму о том, что книг на украинском языке в книжных магазинах должно быть не менее 50%, и, опять же, данная норма не распространяется на магазины и другие заведения, осуществляющие реализацию книжных изданий исключительно на языках Европейского союза, учебников/словарей по изучению

⁵ Под органами государства-агрессора согласно статье 3 Закона «О кинематографии» понимаются: правоохранительные органы (милиция, полиция и т.д.), Вооруженные силы, судебные органы, внутренние войска, любые подразделения специального назначения, органы, ответственные за охрану и защиту государственной границы, органы, ответственные за осуществление налоговой и таможенной политики, органы, ответственные за проведение дознания или досудебного (предварительного) следствия, прокуратура, органы, ответственные за государственную безопасность или безопасность высшего руководства государства-агрессора. А также подразделения, ответственные за выполнение любых миротворческих миссий, любые другие вооруженные военные, военизированные, парамилитарные или другие силовые формирования государства-агрессора, их составляющие или структурные подразделения.

иностранных языков, а также специализированные магазины, созданные для реализации прав коренных народов и национальных меньшинств.

Эти положения закона демонстрируют нам, что подобная практика двойного тиража, повышающего цену издания, направлена именно против русского языка, а также то, что положение русских и русского языка в «Законе о порядке реализации прав коренных народов, национальных меньшинств Украины» оказывается за рамками всех правовых норм, защищающих права коренного населения и национальных меньшинств, дабы не осуществлялось формального нарушения международных обязательств, а русским и русскому языку может быть присвоен особый статус языка страны-агрессора или языка диаспоры, в отношении которого государство не должно выполнять никаких социальных обязательств. Данный закон, вводя норму о создании специальных магазинов для литературы на языках коренных народов и национальных меньшинств, фактически геттоизирует их, хотя, возможно, авторы закона трактуют это как позитивную дискrimинацию.

Русский также исключен из использования на государственных сайтах и официальных страницах в социальных сетях, в компьютерных программах с пользовательским интерфейсом, а если таковой будет присутствовать, он должен быть меньше или равен по объему украинской версии.

Организации всех форм хозяйствования и индивидуальные предприниматели, реализующие товары и услуги (в том числе через Интернет), могут дублировать информацию на другие языки и по просьбе клиента осуществить его персональное обслуживание на «другом языке, приемлемом для сторон» (читай: русском).

В сфере здравоохранения, как в бюрократической её части, так и в сфере общения с посетителями, должен использоваться только украинский язык, однако по просьбе лица, обратившегося за оказанием медицинской помощи, персональное обслуживание может осуществляться на русском. Подобная ситуация предусматривается и в транспортной сфере: по просьбе пассажира его индивидуальное обслуживание может осуществляться на другом языке, приемлемом для сторон, а в целом транспорт

полностью украинизирован и возможность дубляжа закреплена только за английским языком.

Следить за исполнением данного закона призваны создаваемая им же Национальная комиссия по стандартам государственного языка (согласно пункту 3 статьи 43, она является центральным органом исполнительной власти со специальным статусом, её деятельность направляется и координируется Кабинетом министров Украины через министра образования и науки), а также Уполномоченный по защите государственного языка, задачей которого является защита украинского языка как государственного, прав граждан на пользование украинским языком и «устранение препятствий и ограничений в пользовании государственным языком».

Данный закон стремится сформировать новый порядок взаимодействия и новый социальный статус русских и носителей русского языка на Украине. Из тех немногих сфер жизни, где русский может быть использован, остаются призывная армия, а также взаимодействие с представителями Министерства внутренних дел и подобных ему ведомств. Возможность перехода на русский при заключении транзакций остается в бытовой, экономической сфере, транспорте, здравоохранении и сфере религиозной жизни. Все это говорит о том, что закон делает все для того, чтобы русский оказался языком низших социальных групп и классов, языком, препятствующим социальной мобильности, карьерному росту и общественному уважению. Место действия русского языка исходя из положений закона создает портрет человека низкого социального статуса, который не способен использовать «нормальный», государственный язык и которому поэтому делают одолжение и идут навстречу.

Необходимо также отметить, что закон вводится поэтапно. Шесть месяцев дается на то, чтобы на украинский перешла вся сфера рекламы, через год, с июля 2020 г., вступают в действие статьи, связанные с украинизацией научной и медицинской сферы. С 2022 г. реализуются предусмотренные квоты в СМИ, с 2024 г. начинают действовать квоты, предусмотренные для телевещания, в том же году должны начать действовать административные меры и наказание за «публичное унижение или

оскорблении государственного языка должностными лицами органов государственной власти».

Заключение

Несмотря на существование 10 статьи конституции Украины, которая гарантирует «свободное развитие, использование и защиту русского, других языков национальных меньшинств Украины», общей политикой становится стремление свести к минимуму публичное использование русского языка, не говоря уже о мерах по его развитию и защите как языка национального меньшинства. Русский язык после 2014 г. оказался в сложном положении. В ходе конфликта на востоке Украины тема языка выступала в качестве ключевой для пропаганды с обеих сторон. Русский язык воспринимается частью украинских элит и украинского общества как язык политического врага и вообще как первоисточник конфликта, который необходимо устраниить для его завершения.

Нормативно-правовые акты демонстрируют изменение места, предоставляемого законодателями русскому языку в общественной жизни Украины. Он превратился из культуртрегера, языка элиты и общения с внешним миром в язык межнационального общения, удобный, но нежелательный для национализирующейся страны. После распада СССР его положение стало более зыбким ввиду того, что элита украинского государства исходила из логики советской институционализации этничности и делала то, что могла, ради приведения языковой политики государства к ситуации, сконструированной переписями населения (в плане этнической карты). Таким образом, реализуется еще геллеровское определение национализма как стремления к совпадению этнических и политических границ, чему способствовали коллапсирующая экономика 1990-х гг. и деградирующая система бюрократии.

В законодательной сфере за последние 30 лет русский язык, имевший статус языка межнационального общения, фактически потерял любой формальный статус. Его дальнейшая судьба может продолжить развиваться в логике сокращения пространства, где с формальной точки зрения можно использовать русский

язык. Исходя из языкового закона 2019 г., принятого на излете президентского срока П.А. Порошенко, мы можем говорить, что скорее всего русские будут исключены из числа коренных народов и представителей национальных меньшинств, продолжится активная ассимиляторская политика украинского государства в отношении русских и русского языка исходя из постколониальной логики восстановления справедливости. Правящая украинская элита видит статус русского языка близким к тому, который он имеет сейчас в прибалтийских государствах. Исходя из этой возможной траектории развития, русский язык в исторической перспективе может получить статус языка страны-агрессора или окажется вовсе лишенным какого-либо статуса, дабы не признавать за ним права, закреплённые в международных документах и соглашениях, принятых Украиной.

С другой стороны, мы видим, что вопрос русского языка и улучшения его положения продолжает оставаться крайне важной политической темой для избранного в 2019 г. президентом Украины В.А. Зеленского и его команды, которым, однако, будут противодействовать сформировавшаяся после выборов в парламент 2019 г. оппозиция, а также националистические группировки, связанные с разными политическими элитными группами. Тем не менее возможно, что закон 2019 г. будет скорректирован и смягчен рядом поправок.

Источники

1. *Вакарчук 2007 — Вакарчук І.О.* Про зовнішнє незалежне оцінювання навчальних досягнень випускників навчальних закладів системи загальної середньої освіти, які виявили бажання вступати вищих навчальних закладів у 2008 році. Документ z0005-08, чинний, поточна редакція — Прийняття від 25.12.2007. — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=z0005-08> (дата обращения: 1.10.2019).
2. *Вінський 2008 — Вінський Й.* Про затвердження Плану заходів щодо підвищення рівня використання української мови у сфері транспорту та зв'язку. Документ v0332650-08, поточна редакція. Редакція від 27.03.2008, підстава — v0352650-08. — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/v0332650-08> (дата обращения: 1.10.2019).
3. Волинська обласна рада 2018 — Волинська обласна рада. — URL: <http://volynrada.gov.ua/session/22/58> (дата обращения: 1.10.2019).

4. Голова обласної ради М. Сеник 2007 — Голова обласної ради М. Сеник Львівська Обласна Рада XIV сесія V демократичного скликання. Рішення № 294. Від 12 червня 2007 року. Про дотримання законодавства у сфері функціонування української мови на території Львівської області. — URL: <http://te.zavantag.com/docs/2589/index-77356.html> (дата обращення: 1.10.2019).
5. Думки і погляди населення 2019 — Думки і погляди населення щодо викладання російської мови в українськомовних школах і надання непідконтрольним територіям донбасу автономії у складі України: Березень 2019 року. 15.3.2019. — URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=832&page=2> (дата обращення: 1.10.2019).
6. Житомирська Обласна Рада 2017 — Україна. Житомирська Обласна Рада. Рішення. Про подолання наслідків радянської окупації в мовному середовищі Житомирської області. — № 861. — 02.11.17. — URL: <https://zt.gov.ua/index.php/ofitsijni-dokumenti/normativni-dokumenti/rishennya-oblasnoji-radi/11003-%E2%80%93-861-%E2%80%93-prododlanja-naaslidkiv-radjanсьkoji-okupacijji-v-movnemu-seredoviЩi-jitomirskoj-oblasti.html> (дата обращення: 1.10.2019).
7. Закон України 1992 — Закон України (Про втрату чинності Закону, як такого що не відповідає Конституції України (є неконституційним), див. Рішення Конституційного суду № 9-рп/2000 (v009p710-00) від 12.07.2000). Про ратифікацію Європейської хартії регіональних мов або мов меншин, 1992 р. (Відомості Верховної Ради України (ВВР). 2000. № 3, ст. 24). — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1350-14> (дата обращення: 1.10.2019).
8. Закон України 2000 — Закон України (Про втрату чинності Закону, як такого що не відповідає Конституції України (є неконституційним), див. Рішення Конституційного суду № 9-рп/2000 (v009p710-00) від 12.07.2000). Про ратифікацію Європейської хартії регіональних мов або мов меншин, 1992 р. (Відомості Верховної Ради України (ВВР). 2000. № 3, ст. 24). — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1350-14> (дата обращення: 1.10.2019).
9. Закон України 2003 — Закон України. Про ратифікацію Європейської хартії регіональних мов або мов меншин (Відомості Верховної Ради України (ВВР). 2003. № 30, ст. 259). — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/802-15> (дата обращення: 1.10.2019).
10. Зеленський 2019 — Зеленський В. Закон України. Про фахову передвищу освіту. м. Київ. 6 червня 2019 року. № 2745-VIII. — URL: <https://zakon.help/law/2745-VIII#n1316> (дата обращення: 1.10.2019).

11. Конституция СССР 1977 — Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). — URL: https://constitution.garant.ru/history/usrrsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 1.10.2019).
12. Конституційний Суд України 2007 — Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним поданням 60 народних депутатів України про офіційне тлумачення положень частини другої статті... Документ v013р710-07, чинний, поточна редакція. Прийняття від 20.12.2007. м. Київ. Справа № 1-46/2007. 20 грудня 2007 року. № 13-рп/2007. — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v013p710-07> (дата обращения: 1.10.2019).
13. Конституційний Суд України 2008 — Іменем України. Рішення Конституційного Суду України. У справі за конституційними поданнями Президента України про офіційне тлумачення положень частин другої, третьої статті 5, статті 69, частини другої статті 72, статті 74, частини другої статті 94, частини першої статті 156 Конституції України (справа про прийняття Конституції та законів України на референдумі). Справа № 1-2/2008м. Київ. 16 квітня 2008 року. № 6-рп/2008. — URL: <https://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v006p710-08> (дата обращения: 1.10.2019).
14. Конституція України 1978 — Конституція (Основний Закон) України. Документ 888-09, перша редакція — Прийняття від 20.04.1978. — URL: <https://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/888-09-ed19780420> (дата обращения: 1.10.2019).
15. Конституція України 1996 — Конституція України. Документ 254к/96-ВР, чинний, поточна редакція — Редакція від 21.02.2019, підстава — 2680-VIII (Відомості Верховної Ради України (ВВР). 1996. № 30, ст. 141). — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата обращения: 1.10.2019).
16. Кучма 1999 — Кучма Л. Закон України. Про загальну середню освіту (Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1999, № 28, ст.230). м. Київ.13 травня 1999 року. № 651-XIV. — URL: <https://zakon.help/law/651-XIV/> (дата обращения: 1.10.2019).
17. Мальцев 2019 — Мальцев В. На службе у Кличко. Киевские неонацисты финансируются и мэрией, и бизнесменами столицы // Украина.ру. 06.02.2019. — URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20190205/1022577749.html> (дата обращения: 1.10.2019).

18. Министру образования 2016 — Министру образования не нравится, что крымские школьники плохо знат украинский // Информационно-аналитический центр «ЛІГА». — URL: <http://news.liga.net/news/politics/373746-ministru-obrazovaniya-ne-nravitsya-chtokrymskie-shkolniki-plokhovato-znayut-ukrainskiy.htm> (дата обращения 20.04.16).
19. На Львівщині 2019 — На Львівщині офіційно заборонили російську попсу // Інформація «ЗІКу» . 19 серпня 2019. — URL: https://zik.ua/news/2019/08/19/na_lvivshchyni_ofitsiyno_zaboronyly_rosiysku_popsu_1629703 (дата обращения: 1.10.2019).
20. О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик; Постановление ЦК КПСС // Об идеологической работе КПСС. Сб. документов. — М.: Политиздат, 1977. — С. 356–357.
21. Попирать права никому не позволим — Попирать права никому не позволим. Пресс-служба Русской общины Крыма. Общественное объединение «За культурно-языковое равноправие». — URL: http://www.ravnopravie.org/news/stati/popirat_prava_nikomu_ne_pozvolim.html (дата обращения: 1.10.2019).
22. Попирать права никому не позволим 2007 — Попирать права никому не позволим! // Пресс-служба Русской общины Крыма / Портал русского народа Крыма. 01.12.07. — URL: <http://old.ruscrimea.ru/cms/index.php?go=Pages&in=view&id=32> (дата обращения: 1.10.2019).
23. Порошенко 2019 — Порошенко П. Закон України. Про забезпечення функціонування української мови як державної (Відомості Верховної Ради (ВВР), 2019, № 21, ст. 81). м. Київ. 25 квітня 2019 року. № 2704-VIII. — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/go/2704-19> (дата обращения: 1.10.2019).
24. Порошенко: Москаль 2016 — Порошенко: Москаль, на Україну шуток не скаль. Відео. 26 augusta 2016. URL: <https://gordonua.com/news/politics/poroshenko-moskal-na-ukrainu-shutok-ne-skal-video-146885.html> (дата обращения: 1.10.2019).
25. Прес-служба прокуратури 2018 — Прес-служба прокуратури Миколаївської області. Доля української мови — то є водночас й доля української держави й нації! Позов прокуратури про визнання нечинним рішення обласної ради щодо надання російській мові статусу регіональної задоволено. 31.07.2018. — URL: https://myk.gp.gov.ua/ua/news.html?_m=publications&_c=view&_t=rec&id=234068 (дата обращения: 1.10.2019).

26. Про додаткові заходи на виконання Закону «Про мови в Українській РСР» в системі Міносвіти України: наказ М-ва освіти України від 07.09.1992 р. № 123 // Інформ. зб. М-ва освіти України. — 1992. — № 19. — С. 3–9.
27. Про кількість та склад 2001 — Про кількість та склад населення України за підсумками. Всеукраїнського перепису населення 2001 року. Державний комітет статистики України. — URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/> (дата обращения: 1.10.2019).
28. Про мови в Українській РСР 1989 — Про мови в Українській РСР. Документ 8312-XI, втратив чинність, поточна редакція — Втрата чинності від 10.08.2012, підстава — 5029-VI (Відомості Верховної Ради УРСР (ВВР). 1989. Додаток до № 45, ст.631). — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=8312-11> (дата обращения: 1.10.2019).
29. Про подолання наслідків радянської окупації в мовному середовищі Житомирської області: Україна. Житомирська Обласна Рада 2017. — URL: <http://infocom.zt.gov.ua/index.php/2016-12-22-13-43-64/рішення-13-сесія/11003-№-861-про-подолання-наслідків-радянської-окупації-в-мовному-середовищі-житомирської-области.html>
30. Про порядок введення в дію 1989 — Про порядок введення в дію Закону Української РСР «Про мови в Українській РСР». Документ 8313-XI, утратил силу, текущая редакция — Утрата силы от 10.08.2012, основание — 5029-VI (Відомості Верховної Ради УРСР (ВВР). 1989. № 45, ст. 632). — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/ru/8313-11> (дата обращения: 1.10.2019).
31. Рекомендація Парламентської Асамблеї 1995 — Рекомендація Парламентської Асамблеї Ради Європи щодо вступу України. Страсбург, 26 вересня 1995 року. Неофіційний переклад. — URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/994_589 (дата обращения: 1.10.2019).
32. Решение Президиума Верховной рады 2009 — Решение Президиума Верховной рады Автономной Республики Крым «Об обращении в Кабинет Министров Украины по вопросу о внешнем независимом оценивании учебных достижений выпускников учебных заведений системы общего среднего образования Автономной Республики Крым» // Официальный сайт Верховной Рады Украины. — URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/krym/show/rb1480003-09> (дата обращения: 20.04.2016).
33. Рішення №745 — Рішення 745 Про мораторій на публічне використання російськомовного культурного продукту на території Львівської області. Львівська обласна рада. — URL: https://archive.lvivoblada.gov.ua/document.php?doc_id/1799 (дата обращения: 1.10.2019).

34. Рішення № 166/3173 — Київська міська рада V сесія VIII скликання. Рішення № 166/3173 від 5 жовтня 2017 року «Про заходи щодо забезпечення регіональної мовної політики в місті Києві». — URL: http://kmr.ligazakon.ua/SITE2/l_docki2.nsf/alldocWWW/090BDB9923089531C22581CC003C7D50?OpenDocument (дата обращения: 1.10.2019).
35. Рішення №3012 — Рішення від 15.02.2018 р. № 3012. — URL: <https://www8.city-adm.lviv.ua/inteam/uhvaly.nsf/91c21bb29b2b4f47c22571340037f910/9c4f57fb16584f4ac225823900571b03?OpenDocument> (дата обращения: 1.10.2019).
36. Росії не треба перейматися мовою ситуацією в Україні — МЗС // Информационное агентство УНИАН 11.01.2008. — URL: <https://www.unian.ua/society/88388-rosiji-ne-treba-pereymatisya-movnoyu-situatsieyu-v-ukrajini-mzs.html> (дата обращения: 1.10.2019).
37. Русская община Крыма 2007 — Русская община Крыма против разделения населения по языковому признаку. 27.11.2007. — URL: https://www.oreanda.ru/other/Russkaya_obschina_Kryma_protiv_razdeleniya_naseleniya_po_yazykovomu_priznaku/article260593/ (дата обращения: 1.10.2019).
38. Русский язык в Украине. Книга 1. Законодательство / ред. М.Б. Погребинский. — Х.: Харківський приватний музей міської садиби, 2010.
39. Русский язык в Украине. Книга 2. Социология и статистика / ред. М.Б. Погребинский. — Х.: Харківський приватний музей міської садиби, 2010.
40. Ставлення до статусу 2015 — Ставлення до статусу російської мови в Україні. 10 апреля 2015. — URL: <http://www.kiis.com.ua/?&cat=reports&id=517&page=1> (дата обращения: 1.10.2019).
41. Тернопільська Обласна Рада 2018 — Тернопільська Обласна Рада. Офіційний сайт Тернопільської обласної ради. — URL: <http://te-rada.org/search/#&val=%20публічне%20використання%20російськомовного%20культурного%20продукт&type=deputy;list;document;archive;page> (дата обращения: 1.10.2019).
42. Тимошенко 2010 — Тимошенко Ю. Про внесення змін до Положення про загальноосвітній навчальний закладю. Документ 1033-2009-п, втратив чинність, поточна редакція — Втрата чинності від 06.09.2010, підстава — 778-2010-п. — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1033-2009-%D0%BF> (дата обращения: 1.10.2019).
43. Ужасы от КПУ 2007 — Ужасы от КПУ: кровь матери, кости в горле и грубое давление. 21 ноября 2007. — URL: <https://www.unian.net/politics/78654-ujasyi-ot-kpu-krov-materi-kosti-v-gorle-i-gruboe-davlenie.html> (дата обращения: 1.10.2019).

44. *Франко 2019 — Франко З.Т.* Закон УРСР «Про мови в Українській РСР // Ізборник.
- URL: <http://litopys.org.ua/ukrmova/um163.htm> (дата обращения: 1.10.2019).
45. Харківська Обласна Рада 2018 — Харківська Обласна Рада. XVIII сесія VII скликання. Рішення. Від 06 грудня 2018 року. № 883-VII. — URL: http://www.ts.lica.com.ua/b_text.php?type=3&id=21126&base=77 (дата обращения: 1.10.2019).
46. Херсонська Обласна Рада 2018 — Херсонська Обласна Рада. Рішення XXII сесії Херсонської обласної ради VII скликання. — URL: <http://khor.gov.ua/rishennia-xxii-khersonskoi-oblasnoi-rady-vii-sklykannia/> (дата обращения: 1.10.2019).
47. Чубукин 2018 — Чубукин А. Кремлевская руна в Запорожье, или для чего дискредитируют «Нацдружины»? // Портал «Акцент». 26.10.2018. — URL: <https://akzent.zp.ua/kremlevskaya-runa-v-zaporozhe-ili-dlya-chego-diskreditiruyut-natsdruzhiny> <https://ukraina.ru/exclusive/20190206/1022582907.html> (дата обращения: 1.10.2019).
48. Шевченко, Лясовский 2004 — Шевченко В., Лясовский В. Про внесення змін до Рекомендацій щодо визначення мови програм і передач у програмних концепціях телерадіоорганізацій, затверджених рішенням Національної ради № 317 від 14.04.2004. Документ vr580295-08, поточна редакція. Прийняття від 26.03.2008. — URL: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/vr580295-08> (дата обращения: 1.10.2019).
49. Шелкова 2016 — Шелкова О. Дискриминация русского языка на Украине: правовой аспект // Информационно-аналитическое издание «Одна Родина». — 17.11.2016. — URL: <https://odnarodyna.org/content/diskriminaciya-russkogo-yazyka-na-ukraine-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 1.10.2019).
50. Ющенко 2007 — Ющенко В. Указ Президента України. Про деякі заходи щодо розвитку гуманітарної сфери в Автономній Республіці Крим та місті Севастополі. Документ 1122/2007, текущая редакция — Принятие от 20.11.2007. м. Київ, 20 листопада 2007 року. — URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/ru/1122/2007> (дата обращения: 1.10.2019).
51. Як боролися з українською мовою 2012 — Як боролися з українською мовою. Хроніка заборон за 400 років. 3 липня 2012. — URL: <http://www.istpravda.com.ua/digest/2012/07/3/89519/> (дата обращения: 1.10.2019).
52. Az ukrán alkotmánybíróság szerint nem szabályellenes az oktatási törvény // Kárpátalja.ma 17.07.2019. — URL: <http://www.karpatalja.ma/karpatalja/nezopont/az-ukran-alkotmanybirosag-szerint-nem-szabalyellenes-az-oktatasi-torveny/> (дата обращения: 1.10.2019).

53. European Charter 1992 — European Charter for Regional or Minority Languages. Strasbourg, 5.XI.1992. — URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680695175> (дата обращения: 1.10.2019).

Библиография

1. Акопян Д.А. Роль и статус русского языка как показатель эволюции украинской политической системы // Управленческое консультирование. — 2013. — № 5.
2. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. — М.: Зацепа, 2001. — С. 90–92.
3. Васютинский В.А. Русскоязычная община в Украине: социально-психологический анализ: монография / под ред. А. Васютинского; Нац. акад. пед. наук Украины, Ин-т соц. и полет. психологии. — М.; Кировоград: Имекс-ЛТД, 2012.
4. Гакман С. Організація освіти осіб, які належать до етнічних груп, на українсько-румунському прикордонні: компаративний аналіз // Влада та управління : збірник наукових праць. Вип. 5. — Чернівці: Букрек, 2018. — С. 159.
5. Горбачев А.А., Фатхутдинова А.И. Особенности языковой политики в сфере школьного образования в Башкортостане в конце 1970-х — начале 1990-х гг. // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. — 2011. — № 3. — Ч. 2. — С. 58–59.
6. Губогло М.Н. Антропология доверия. Этносоциологические и этнополитические очерки. — М.: ЯСК, 2016.
7. Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
8. Ефимов С.А. Куда исчезли русские, или «сообщающиеся суды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. — 2009. — № 1. — С. 177–189
9. Касьянов Г. Украина 1991–2007: Очерки новейшей истории. — Киев: Наш час, 2008.
10. Коцур В., Домбровська Л. Конгрес національних громад україни як об'єднуючий чинник етнічних спільнот Проблеми та перспективи наук в умовах глобалізації: матеріали IX Всеукраїнської наукової конференції. — Тернопіль: ТНПУ ім. В. Гнатюка, 2013.
11. Мякшев А.П. Национально-языковое строительство в советском союзе в послевоенный период: основные направления и тенденции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». — 2015. — № 3. — С. 40–48.

12. Руднев Д.В. Языковая политика в СССР и России: 1940–2000-е гг. // Государственная языковая политика: проблемы информационного и лингвистического обеспечения. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. — С. 120–138.
13. Соколовский С.В. Европейский опыт использования Хартии региональных языков или языков меньшинств в сфере поддержки финно-угорских языков. Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / под ред. В.А. Тишкова. — М.: ИП А.Г. Яковлев, 2011.
14. Соколовский С.В., Филиппова Е.И. Языковое многообразие и социальное согласие: непростое равновесие // Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. Е.И. Филиппова; науч. ред. С.В. Соколовский. — М.: ИЭА РАН, 2017.
15. Старченко Р.А., Степанов В.В. Языковая политика в Республике Крым // Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. Е.И. Филиппова; науч. ред. С.В. Соколовский. — М.: ИЭА РАН, 2017. — С. 200–219.
16. Толыго А.К. Русский язык и его носители на Украине в зеркале социологии // Диаспоры: Независимый научный журнал. — 2010. — № 1. — С. 45–69.
17. Фомин А.И. Языковый вопрос в Украине: идеология, право, политика / М-во образования и науки Украины, Восточноукр. нац. ун-т им. Владимира Даля. — Луганск: СНУ им. Даля, 2003.
18. Шульга Н.А. Языковая компетентность и языковые предпочтения населения Украины в региональном и возрастном аспектах // Вопросы развития Крыма. Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. — Симферополь: СОННАТ, 2012. — С. 198–208.
19. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. — М.: Новый хронограф, 2012.
20. Arel D. Language and the Politics of Ethnicity. The Case of Ukraine. Ph.D. Dissertation, University of Illinois at Urbana-Champaign, 1993.
21. Bilaniuk L. Contested tongues: Language politics and cultural correction in Ukraine Ithaca and London: Cornell University Press, 2005.
22. Hrycak A. Institutional Legacies and Language Revival in Ukraine // Rebounding identities: the politics of identity in Russia and Ukraine / edited by A. Dominique, R.A. Blair. Washington: Woodrow Wilson center press; Baltimore: Johns Hopkins university press, cop., 2006. P. 62–88.

Глава 8

ЯЗЫКИ ЛАТВИИ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИК КОММУНИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Сергей Владимирович Галактионов, магистрант кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова;
sergalaktionov@gmail.com

Предыстория вопроса

В 1918 г. на сцене Рижского второго театра было провозглашено создание новой, независимой Латвийской Республики. В 2018 г. современная Латвия отмечала свой столетний юбилей, и широкое празднование, включавшее в себя множество мероприятий, посвященных истории страны и её культуре, проходило под девизом *«Es esmu Latvija»*, в переводе на русский — «Я — Латвия».

Несмотря на официально принятый курс на историческую преемственность от 1918 до 2018 г., современную Латвию невозможно отделить от её сложного и гетерогенного прошлого. За этот век страна прошла через силовое присоединение к Советскому Союзу в 1940 г., немецкую оккупацию 1941–1944 гг. и восстановление советской власти после 1944 г. В конечном счете *de jure* Латвия вновь появляется на карте мира как независимое государство лишь в 1991 г.

Не столь долгий по историческим меркам советский период в истории страны во многом продолжает определять дискурсивное пространство латвийского общества и те внутренние процессы, которые в нем прослеживаются. Одна из важнейших сфер жизни, в которую плотно вплетены новая и новейшая история страны, — языковой вопрос и связанная с ним языковая политика как на уровне государства, так и на уровне отдельных людей. Безусловно, за годы пребывания Латвии в составе Советского Союза состав её населения изменился по многим критериям, и до сих пор основным из них считалась этническая принадлежность [см.: Этническая политика в странах Балтии 2013]. Мы попытаемся отойти от доминирующего в отечественной

науке этнического подхода к изучению латвийского общества и рассмотреть сложившуюся ситуацию сквозь призму языковых политик и языковых идентичностей. В силу исторических причин, о которых будет сказано ниже, наибольшее внимание уделено латышскому и русскому языкам — именно они не только выполняют в стране роль средства передачи информации, но и становятся инструментом самоидентификации [Rozenvalds 2010]. Основой данной работы стали исследования российских и зарубежных ученых — социологов, антропологов и регионароведов, открытые данные статистики, а также материалы интервью, собранных автором в 2017 и 2018 гг. [ПМА 2017, 2018].

Рассмотрение современного положения языков необходимо предварить кратким историческим экскурсом. Земли современной Латвии, заселенные в Средние века ливскими и балтскими племенами, были впоследствии захвачены немецкими рыцарскими орденами, позднее — Швецией и Речью Посполитой, а в XVIII в. были постепенно введены в состав Российской империи. Россия, властвующа над этими землями, не вмешивалась во внутренние дела Остзейского (Прибалтийского) края, где исторически, еще со времени основания Риги, формирования землевладения рыцарских орденов и появления местного архиепископства, немецкое меньшинство находилось в привилегированном положении по отношению к местным народам [Фейгмане 2000]. В XVIII–XIX вв. среди дворян и мещан этих земель немцы составляли большинство, и потому немецкий язык оставался языком делопроизводства, образования и культуры в трех губерниях Остзейского края вплоть до конца XIX — начала XX в. [там же]. Лишь в последние десятилетия имперского периода латышский и русский языки выходят на первый план: их носители составляют большинство жителей в городах региона [Metuzāle-Kangere, Ozolins 2005]. К этому периоду, с одной стороны, относится деятельность «младолатышей» — национальной интеллигенции, стремящейся к развитию латышского языка в его устной и письменной форме; начинается выпуск первых газет на латышском языке, происходит сбор и запись фольклора, устраиваются первые праздники песни и танца, призванные показать самобытность латышской культуры [там же]. С другой

стороны, во времена правления Александра III имперские власти стремились к укреплению роли русского языка в Остзейском kraе — в пику немецкому и латышскому. Среди мер, принятых имперской администрацией, стоит отметить запрет на использование латышского и немецкого языка в школах и гимназиях, а также в официальных бумагах и служебной переписке. Между тем, как показывают исследования, административные меры по повышению роли русского языка не дали серьезных результатов [Ляйт 2015]. Проведенная в 1881 г. перепись населения в прибалтийских губерниях Российской империи зафиксировала в Риге 32,3% немцев, 30% латышей, 16,7% русских. Также заметную долю составляли евреи (8,5%) и поляки (8,0%) [Манаков 2016]. Однако согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. около 45% населения города говорило на латышском, более 23% — на немецком, русский язык — язык империи — оказался третьим (почти 16%), идиш — четвертым (6%). По мере роста численности населения главного города будущей Латвии (с 169 тыс. до 282 тыс. между двумя переписями) начал меняться и его состав, что привело к изменению языковой ситуации. Латыши впервые за всю историю становятся численно доминирующей группой в крупнейшем городе kraя, и это, вкупе с деятельностью новой интеллигенции, в конечном счете привело к росту движения за создание независимого латышского государства [Metuzāle-Kangere, Ozolins 2005].

Латвия, как упоминалось выше, появилась на карте мира 18 ноября 1918 г., провозгласив свою независимость от России. Новая республика рождалась в войнах — Первой мировой, а затем и гражданской, переросшей в войну с Советской Россией. Многие немцы в это время покинули Латвию, то же произошло и с русскоязычным населением (несмотря на небольшой приток белоэмигрантов), и закономерно доля латышскоговорящего населения увеличилась. Так, Вторая перепись населения Латвии 1925 г. показывает, что демографически латышский стал по-настоящему главным языком страны: на нем говорило более 80% в Латвии, более 84,8% в столице — исторический максимум [Otrā tautas 1925]. Схожие пропорции прослеживаются и в дальнейших переписях населения.

Молодая республика распространила свое гражданство на всех родившихся внутри ее границ до 1914 г., вне зависимости от их национальной или языковой принадлежности. Более того, конституция давала меньшинствам право на использование своих языков, хотя и закрепляла за латышским статус национального [*Satversme*]. При этом лишь в 1932 г. сейм принял закон о национальном языке, установив правила использования латышского и иностранных языков и введя широкие преференции для меньшинств в зонах их компактного проживания [*Vanags et al. 2004*]. Меньшинства были представлены в культуре, выпускались газеты и журналы на идише, а также русском и немецком языках, в сейме заседали депутаты от объединений национальных меньшинств [*Фейгмане 2000*]. Более того, регламент сейма Латвии того времени позволял депутатам выступать как на латышском, так и на русском и немецком языках; закон об образовании давал право на образование на языках меньшинств в школах [*Volkov 2009*].

Законодательство Первой республики давало возможность меньшинствам проводить собственную языковую политику, не ущемляя их идентичности. Многое изменилось после переворота 1934 г. и прихода к власти Карлиса Улманиса, который ужесточил языковую политику в Латвии в рамках «латышизации» на фоне подъема национализма [*Metuzāle-Kangere, Ozolins 2005*]. В годы правления Улманиса было резко сокращено количество школ меньшинств [*Hanovs, Tēraudkalns 2014*], приняты новые нормативные акты, ограничивающие использование других языков, кроме латышского, в публичном пространстве — прежде всего русского и немецкого [*Vanags et al. 2004*].

Независимая Латвийская Республика перестает существовать в 1940 г. вместе с вводом советских войск и установлением нового коммунистического правительства, объявившего Латвию одной из союзных республик. Наступает новый период латвийской истории, в корне изменивший языковую ситуацию в стране. Свернув процессы, запущенные Улманисом, советская власть начинает постепенно формировать собственную властную систему, однако не успевает завершить начатое: уже в 1941 г. город был взят наступающей немецкой армией. Вторая мировая

война и немецкая оккупация привели к серьезному изменению языкового баланса в силу демографических причин: так, массовое переселение немцев в Германию (как добровольное, так и вынужденное) и почти полное уничтожение евреев исключили распространенные в довоенной Латвии немецкий и идиш из повседневной жизни страны [Rozenvalds 2010].

Повторное присоединение Латвии к СССР стало, пожалуй, наиболее серьезным историческим фактором, повлиявшим на соотношение языков в современной республике и сформировавшим во многом современный языковой баланс. Миграционный приток русскоязычного населения из других частей СССР в послевоенные годы постепенно и неумолимо повышал численность и долю русскоязычных жителей республики и привел к тому, что ко времени последней советской переписи населения в 1989 г. на территории Латвийской ССР (ЛССР) проживало 905,5 тыс. русских, или 34% от всех ее жителей; доля говорящих на русском языке в семье достигла 42% [1989 gadā vissavienības 1990]. По данным переписи, латыши оказались в меньшинстве во всех городах республиканского подчинения: так, например, в столице и втором городе страны — Даугавпилсе — их было соответственно 36% и 13% [там же].

Кроме демографии, изменился и статус языков. Латышский язык оставался официальным языком новой советской Латвии, но *de facto* отошел на второй план. Попытка части латвийских коммунистов, называемых в зарубежной историографии национал-коммунистами (*nacionālkomunisti*), в 1956 г. принять закон, обязывающий госслужащих и партийных чиновников Латвии владеть латышским языком, в конечном счете провалилась, а члены группы были отправлены на партийную работу в другие республики [Bleiere 2016; Loader 2017]. Безусловно, латышский язык не был забыт, и на территории республики вещали телеканал и радиостанция на латышском языке, выпускались газеты и журналы различной тематической направленности, велась издательская деятельность, однако, несмотря на поддержку со стороны властей, широкое распространение языка в культуре и его сохранение в среднем и высшем образовании, латышский стал играть второстепенную роль внутри русскоязычного советского пространства [Metuzāle-Kangere, Ozolins 2005, Kruk 2014].

Русский язык, общий для всего Советского Союза, стал обязательным предметом во всех школах республики, в вузах были открыты два языковых «потока»; русский повсеместно использовался в армии и милиции, в юриспруденции, а также на производствах, в культуре и науке [Димант 2017; Филей 2014; *Metuzāle-Kangere, Ozolins 2005*]. Немаловажную роль играло и то, что знание русского языка как языка Союза давало возможность получать образование вне республики, переезжать в другие города страны, подниматься по карьерной лестнице. Все это привело к тому, что к 1989 г. количество свободно говорящих на русском языке как неродном достигло 39,1% от числа жителей республики, или 67,4% от числа нерусскоговорящих [1989. gadā vissavienības 1990]. В свою очередь, на том же уровне по-латышски говорило немногим больше 20% русскоязычных [там же]. Сложившаяся ситуация объясняется тем, что для русскоязычных Латвия как место жительства являлась, прежде всего, составной частью единого Советского Союза, в котором их языковая идентичность не подвергалась сомнению, из-за чего у большинства русских не было нужды изучать местный язык [Laitin 1998].

В итоге в последние годы перед обретением независимости в Латвии осталось всего два основных языка: латышский, объединяющий латышей, и русский — одновременно и общий язык всего Союза, и родной язык для мигрантов из других частей страны, и распространенный советским государством *lingua franca*, так необходимый для карьерного роста [подробнее о русском как *lingua franca* см.: Pavlenko 2006].

Первые годы независимой Латвии: установление новых правовых отношений между латышской и русскоязычной общинами

Распад Советского Союза и становление независимой Латвии изменили парадигму языковых взаимоотношений внутри общества, где русскоязычные, будучи носителями общесоюзной идентичности (в том числе и языковой), внезапно для себя стали меньшинством, а латыши, составлявшие всего около 0,5% от населения СССР [Население СССР 1990], смогли воспользово-

ваться своим демографическим перевесом внутри республики. Такая ситуация в конечном счете привела к конфликту между русскоязычным и латышским сообществами, который ведет свою историю от времени борьбы за независимость страны в конце 1980-х гг.

Начало борьбы за независимость, часто называемой «Атмода» (с лат. — «Пробуждение»), связано, прежде всего, с объявленной М.С. Горбачевым политикой перестройки. «Народный фронт Латвии», изначально созданный как движение в её поддержку, в конечном счете стал политическим центром борьбы за независимость и включал в себя не только латышских, но и русско-говорящих жителей республики; печатным органом «Фронта» стала газета «Атмода», выходившая на двух языках. «Фронт» выражал примирительную позицию и внес в программу к выборам 1990 г. принцип признания гражданства нового государства за всеми жителями ЛССР, а также признание прав национальных меньшинств на образование на своем языке [Latvijas 1990].

Между тем растущие сепаратистские настроения движения были восприняты в штыки как союзным центром, так и частью местного русского населения. При помощи советского правительства и Коммунистической партии был основан «Интернациональный фронт трудящихся Латвийской ССР», выступавший за сохранение единства Латвии и СССР и состоявший преимущественно из русскоязычных жителей республики. Трагическая развязка противостояния, включавшая в себя вооруженные столкновения и баррикадные бои сторонников независимости и «Интерфронта», а затем и просоветски настроенного рижского ОМОНа, привели к серьезному обострению отношений между «титульным народом» и меньшинствами. Между тем нельзя не отметить, что на референдуме о независимости Латвии «за» проголосовало 64,51%, т.е. примерно на 12% больше, чем все латышское население республики на 1989 г. — выходит, что среди русскоязычного населения было достаточно высокое число поддерживающих идею независимости [Rozenvalds 2010].

В итоге пришедший к власти на выборах в Верховный Совет «Народный фронт», несмотря на обещанную интеграцию всех жителей ЛССР в новом государстве, взял курс не на по-

строение нового общего государства, а на *de jure* воссоздание республики, существовавшей до оккупации 1940 г. [Cilevičs 2015]. За восстановлением действия конституции Латвии последовали новые законы и решения, призванные восстановить преемственность современной Латвии и довоенной республики, которые, в свою очередь, в корне изменили положение русскоязычного меньшинства. Прежде всего, на его статус повлияли закон о гражданстве и законы о языке.

Уже в октябре 1991 г. Верховный Совет Латвии под влиянием правых сил в составе «Народного фронта» принимает закон о восстановлении корпуса граждан, по которому гражданство Латвии автоматически получили только те, кто мог доказать историческую связь своих предков с Латвией до оккупации 1940 г. При этом по новым законам без гражданства Латвии стало невозможно занимать государственные посты, работать в сфере обороны и защиты правопорядка, избирать и быть избранным, владеть землей и т.д.

Таким образом, подавляющие большинство русскоязычных — те, кто переехал на территорию Латвии в советские годы — осталось без гражданства и официально не имело никакого юридического определения. Судя по заявлению политиков того времени, новое государство в те годы не было заинтересовано в интеграции русскоязычных бывших граждан СССР, которые воспринимались новыми элитами как чуждые для независимой постсоветской Латвии [Cheskin 2013]. Наоборот, многие политики были настроены на подталкивание мигрантов к возвращению на «историческую родину» ради восстановления в Латвии до-военного этнического соотношения [Волков 2013; Sasse 2010].

Оставшиеся без гражданства, некогда обещанного «Народным фронтом», русскоязычные жители Латвии действительно начали массово покидать страну. Статистика показывает, что в 1991–1995 гг. из Латвии в страны СНГ переехали 148 222 человека [International long-term] — среди них и неграждане Латвии, и передислоцирующиеся в Россию по долгу службы солдаты и офицеры бывшей Советской армии с членами своих семей [Kuczyńska-Zonik 2017]. Однако планам на восстановление до-

военного демографического баланса не суждено было сбыться, так как большая часть русскоязычных, несмотря на неопределенность своего положения, осталась в стране.

Долгое время эта группа жителей оставалась без официального статуса, и лишь под внешним давлением европейского сообщества в 1995 г. был принят закон о бывших гражданах СССР, оставшихся без какого-либо гражданства [Rozenvalds 2010]. Так в Латвии появляется категория неграждан, в которую вошло подавляющее большинство русскоязычных, и с этого же момента начинается процесс натурализации, ограниченный специальными «окнами» — лимитом по числу и возрасту претендующих на гражданство в год [Krūta 2010]. Законодательно был ограничен допуск к гражданству для ряда лиц — среди них часть бывших военнослужащих ВС СССР и России, бывшие сотрудники КГБ ЛССР и СССР, а также все активно выступавшие против создания Латвии после 13 января 1991 г. [Pilsonības likums 2019]. Из-за установленных ограничений за 1995–1998 гг. гражданство через натурализацию смогла получить только малая часть неграждан. Из 735 тыс. неграждан [Šūpule et al. 2014] всего 15 853 человека подали заявление на натурализацию, из них получили гражданство 11 431 [Krūta 2015].

Лишь повторное вмешательство Европейского союза решило вопрос, и «окна» были отменены: с 1998 г. у всех русскоязычных (кроме вышеуказанной группы лиц) появилась возможность натурализации [Cilevičs 2015]. Натурализационный процесс проходит в форме экзаменов: так, претендующий на гражданство должен показать знание языка страны на повседневном уровне, её истории и ответить на вопросы по конституции и гимну [Krūta 2010]. Именно то, что знание латышского стало необходимым компонентом процесса натурализации, подтолкнуло русскоязычных к изучению нового государственного языка [Rozenvalds 2010]. Между тем в Латвии, в отличие от соседней Литвы, на первых порах не было сформированной программы по обучению взрослых жителей страны латышскому языку для сдачи экзамена на гражданство, и претендентам необходимо было самим искать курсы — либо частные, либо поддержанные иностранными фондами [Hogan-Brun 2013, Zepa 2003]. Лишь

к 2000 г. в Латвии появляется государственная программа по интеграции общества, включавшая в себя поддержку изучения латышского языка, однако оценить ее успешность не представляется возможным [Rozenvalds 2010].

С 1999 г., после отмены всех ограничений, число натурализующихся в год неизменно росло, достигнув своего пика в 2004–2007 гг. вместе с вхождением Латвии в ЕС. Гражданство республики серьезно расширяло возможности путешествий, работы и учебы в объединенной Европе, что стало стимулом для неграждан к натурализации. Однако в 2007 г. неграждане Латвии также получили право безвизового въезда в ЕС, после чего объемы натурализации пошли на спад. Для сравнения: с 1999 по 2007 г. гражданство Латвии по результатам экзаменов получили 105 825 человек, с 2007 по март 2018 г. — 24 202 человека [Informācija par 2018]. Другой причиной снижения объемов натурализации стал введенный в 1999 г. порядок принятия детей неграждан в гражданство Латвии по заявлению обоих родителей, после чего количество неграждан в Латвии стало сокращаться естественным образом. Согласно официальным данным, число неграждан сократилось с 504 тыс. в 2000 г. [Latvijas 2002] до 228 тыс. на июль 2018 г. [Latvijas iedzīvotāju 2018].

В первые годы независимости меняется не только правовая позиция русскоязычных по отношению к гражданству. Непосредственно языковое законодательство, создававшееся вместе с новым государством, кардинально изменило языковой баланс.

Принятый еще в 1989 г. закон о государственном языке [Latvijas 1989] стал первым в череде принимаемых Латвией мер по упрочению положения латышского языка в жизни страны. По этому закону латышский стал государственным языком республики, а русский был объявлен лишь языком межэтнической коммуникации [Rozenvalds 2010]. Поправки к этому закону, внесенные в 1992 г., убрали упоминание о русском вовсе. С новыми поправками закон устанавливал знание латышского как необходимое требование для работы с клиентами как в государственном, так и в частном секторе; для надзора за исполнением норм языкового законодательства были созданы Центр государственного языка и Инспекция государственного

языка; закон также вводил административную ответственность за неисполнение новых предписаний, что зачастую вызывало недовольство у русскоязычных работников частных предприятий [Metuzāle-Kangere, Ozolins 2005].

Новый закон о языке 1999 г. и вовсе уравнял языки меньшинств с иными иностранными языками, противопоставив их государственному латышскому и языку «автохтонного населения» — ливскому¹ [Valsts 2019]. По данному закону, дополненному впоследствии постановлениями Кабинета министров [Noteikumi par valsts 2019], латышский должен использоваться на официальных собраниях трудовых коллективов и публичных мероприятиях, в документообороте, в качестве языка сотрудников, работающих непосредственно с клиентами, в качестве языка работ на соискание научных степеней, при публичном показе фильмов или видеоматериалов, а также при официальном использовании личных имен, названий различных институций и т.д. При необходимости использования иностранного языка всегда должен быть предоставлен перевод или возможность перевода на государственный язык [там же]. Соискатели работы (прежде всего неграждане, но также и все, в чьей компетенции могут быть сомнения) должны предоставлять справку об уровне владения государственным языком, соответствующем предполагаемой должности, при этом результаты экзамена должны подтверждаться раз в несколько лет [там же]. Как отмечает Цилевич [Cilevičs 2015], введенные ограничения по отношению к русскому языку не всегда отвечают не только антидискриминационным предписаниям ЕС, но и здравому смыслу в отношении таких территорий, как Латгалия, в некоторых частях которой доля русскоязычных стремится к 80–90%.

Развитие ситуации в 2000-е гг.

Итак, за первые годы независимости произошли серьезные перемены в государстве, закрепившие новое положение латышского и русского языков. Безусловно, для такого резкого

¹ На момент принятия закона на ливском языке как родном говорило около 500 человек, к 2012 г. всего 210 человек владели ливским на уровне A1 и выше (Ernštreits 2012), из них носителем языка был всего один человек, Гризельда Кристина, умершая в 2013 г. [Скончался последний носитель... 2013].

поворота в политике по отношению к русскоязычному меньшинству были более глубокие причины, нежели противостояние «Интерфронта» и «Атмоды» или восстание рижского ОМОНа. Чтобы их понять, рассмотрим ставшую уже классической работу Брубейкера *«Nationalism Reframed»* [Brubaker 1996] и попробуем применить её рамку к Латвии 1990-х гг. Брубейкер, описывая формирование новых государств Центральной и Восточной Европы, рассматривал внутренние взаимоотношения между новыми государствами и их меньшинствами как треугольник из национализирующегося (*nationalizing*) государства, его национального меньшинства и внешней «родины» национальных меньшинств. Предпосылкой к этому, по мнению исследователя, стало примордиалистское восприятие национальности в Советском Союзе, которое предполагало принадлежность республик в составе СССР их «титулому населению» — так распад Советского Союза привел к тому, что государства, созданные в границах бывших советских республик, стали восприниматься их элитами как республики именно «титульных народов» [там же].

Принятые законы были призваны упрочить положение латышей в Латвии и ограничить возможности русскоязычного населения; главным инструментом для государства в конечном счете стали именно языковые ограничения: создав посредством ограничения прав гражданства прочную основу для новой государственности, Латвия (не без давления со стороны Европы) перешла от вытеснения русскоязычного меньшинства к использованию государственного языка как основного инструмента интеграции всех жителей и одновременно сокращения пространства использования русского языка.

В этом ключе одним из важнейших шагов государства стали проведенные в стране реформы в системе образования, которые, однако, вызвали серьезный протест со стороны русскоязычной общины. До середины 1990-х гг. ситуация в образовании оставалась неизменной с советских времен: в стране существовали две параллельные системы образования — на русском и латышском языках. Лишь в 1995 г. в закон об образовании были введены нормы о преподавании на государственном языке не менее

двух предметов в младших и трех предметов в средних школах [Hogan-Brun 2006]. Следующим шагом стало постепенное введение билингвального образования в младшей и средней школе в 1998 г., главной целью которого была подготовка учащихся к изучению предметов на латышском в старших классах [там же].

Эти изменения практически никак не повлияли на общественные настроения [Богушевич 2013], однако введенная в том же году поправка к закону, предписывающая школам нацменьшинств с 1 сентября 2004 г. изучать не менее 3/5 предметов на латышском языке, стала в свое время причиной массового протеста русскоязычных жителей страны.

Чтобы глубже понять причины произошедшего, необходимо вернуться к ситуации, сложившейся в Латвии к этому времени. Самоощущение русскоязычных вместе с распадом Советского Союза и установлением нового государственного порядка претерпело серьезные изменения, ведь русскоязычные Латвии, как и многие нетитульные народы новообразованных республик, одномоментно оказались в новой реальности, в которой они и остались без собственного государства, и вынуждены были заново осознавать свое положение в странах постсоветского пространства [Laitin 1998].

Русскоязычным Латвии, оставшимся в стране, было необходимо найти новые основы для самоидентификации. Британский исследователь Аммон Ческин [Cheskin 2013] выделяет два основных фактора, сформировавших новую идентичность. Это общность исторической памяти о советском периоде Латвии, противопоставленной официальному дискурсу о советской оккупации (о проблемах исторической памяти во взаимоотношениях латышской и русскоязычной общин см. [Cheskin 2013]), и общий для представителей всех этнических меньшинств русский язык, противопоставленный государственной политикой латышскому. Безусловно, ограничения в сфере использования языка и постепенное введение латышского в различных сферах жизни вызывали недовольство в некоторых слоях населения и до того [Волков 2013], однако именно попытка изменить устоявшуюся систему образования была воспринята как удар по всем русскоязычным, ставящий под вопрос само существование группы.

Итак, противостояние, продлившееся с января по май 2004 г. вокруг так называемой «реформы русских школ» стало важной вехой во взаимоотношениях всех участников треугольника Брубейкера. Государство и в текстах законов, и в официальных заявлениях устанавливали целью изменений исключительно распространение латышского языка среди молодого поколения русскоязычных; результатом реформы должна была стать их интеграция в латвийское общество и рост конкурентоспособности [Izglītības likums 2019; *Hogan-Brun* 2006]. Участники протестов, а вместе с ними и большинство русскоязычных латвийских СМИ, рассматривали столь радикальные перемены в школьном образовании как попытку «принудительной ассимиляции» русскоязычной молодежи, шаг к потере ее идентичности [*Hogan-Brun* 2006]. Кроме того, недовольство подогревалось отсутствием диалога с представителями меньшинств и давлением на лидеров протеста [там же]. В свою очередь, одобрение протестов в сообщениях российских СМИ и зачастую явная поддержка лозунгов протестующих со стороны российских политиков лишь подогревали недовольство русскоязычных жителей Латвии и одновременно укрепляли решимость чиновников в проведении реформ [Zepa 2006].

СМИ, как латвийские, так и российские, сыграли важную роль в конфликте [Богушевич 2013]. Как об этом пишет Шульмане [Šulmane 2010], медиапространство Латвии во многом разделено по языковому признаку, и лишь незначительная часть жителей страны потребляет информацию из разноязычных источников. В свою очередь, латышские и русскоязычные СМИ, зачастую выступающие с диаметрально противоположных позиций, не дают их читателям возможность понять аргументацию другой стороны и, наоборот, только подогревают недовольство [там же]. По данным опроса 2007 г., более 60% русскоязычных смотрели передачи российского «Первого канала», ретранслируемые в Латвии, лишь 25% респондентов смотрели передачи латышскоязычного *TV3* [*Lerhis et al.* 2007]. Среди латышей ситуация обратная: латышскоязычное *LTV1* предпочитали 78% зрителей [там же].

Протесты против введения в действие поправок, вовлекшие, по разным оценкам, от 20 до 60 тыс. человек [Hogan-Brun 2006], не привели к каким-либо результатам, и реформа была проведена в полном объеме, а дальнейшие попытки срыва занятий и созыва митингов после принятия поправок уже не возымели успеха. Оценивая сегодня свое участие в протестах 2004 г., респонденты — в то время учащиеся русских школ — не воспринимают свою борьбу и её провал всерьез, скорее представляя ее как подростковый протест против системы, окончившийся вместе с осознанием бессмысленности дальнейшей борьбы [ПМА 2017, 2018]. Смена поколений и рост знания латышского языка среди школьников как результат произведенных изменений привели к тому, что среди опрошенных отношение к реформе сменилось, скорее, к осторожному одобрению, нежели критике [Cheskin 2015].

После школьной реформы долгое время вопросы языка практически не поднимались, и многие информанты, вспоминая эти годы, говорят о постепенном налаживании взаимоотношений между русскоязычными и латышами, прежде всего, в пространстве рабочих и неформальных контактов [ПМА 2017, 2018]. Многим русскоязычным, готовым встраиваться в новое общество, за это время удалось с тем или иным успехом выучить латышский язык, получить гражданство страны и разрешение на работу, найти работу и друзей в латышскоязычной среде.

Однако новой точкой раздора стал референдум 2012 г. об установлении русского языка как второго государственного. Поводом к его организации стала неудачная попытка ряда националистических партий провести референдум о переводе всех школ нацменьшинств на государственный язык, что повлекло за собой серьезное возмущение в русскоязычных медиа. В конечном счете организованное группой радикальных политиков движение «Родной язык» смогло собрать достаточное количество подписей для подачи предложений в сейм, а затем и для организации всенародного референдума. Широкая кампания как «за», так и «против» поправок серьезно повлияла на ситуацию в стране, взбудоражив общество. Референдум стал еще одним примером взаимоотношений по типу треугольника Брубейкера. Многие русскоязычные политики и общественные деятели вы-

ступили в поддержку референдума, в их числе — русскоязычный мэр Риги и лидер крупнейшей фракции в сейме Нил Ушаков. Среди латышей, в том числе и среди высокопоставленных политиков, вплоть до президента страны [Berziņš: Referendums par 2012], вопрос о статусе русского языка как второго официального воспринимался как опасное движение в сторону России и даже в сторону потери независимости. Неоднократны были и заявления российского МИДа в поддержку референдума и в защиту прав русскоязычных жителей Латвии на использование родного языка.

В итоге, несмотря на отрицательный результат референдума (против инициативы выступило более 74% проголосовавших), сейм Латвии впоследствии ужесточил законодательство о референдумах и ввел в конституцию страны преамбулу, упоминающую «латышский язык как единственный государственный» [Satversme].

На обывательском уровне, в среде смешанных компаний русскоязычных и латышей референдум вызвал ожесточенные споры. Среди русскоязычных, опрошенных для данного исследования, последствия референдума, как и сам этот процесс, оцениваются негативно, прежде всего, как новый повод к раздорам и взаимным опасениям, нарушившим постепенное примирение общин [ПМА 2017, 2018].

Как мы видим, языковой вопрос и связанное с ним разделение общества — неотъемлемая часть истории Латвии, часть её повседневной жизни, без которой невозможно в полной мере понять современное состояние общества. Рассмотренные выше события — лишь наиболее показательные примеры проводимой в Латвии языковой политики и отношения к ней как латышей, так и русскоязычных.

Современный языковой ландшафт: 2 + 1?

Противостояние двух языковых общин так или иначе продолжается и до сих пор. Среди его проявлений стоит отметить уличные протесты против новой реформы русских школ, предполагающей переход на латышский как единственный язык обучения в старших классах. Между тем ни ожесточенность

протеста, ни его массовость уже не могут сравниться с накалом противоборства 2004 г., когда на улицы Риги выходили десятки тысяч человек. По данным СМИ, на митинг в поддержку русских школ в мае 2018 г. вышло около пяти тысяч человек [Енифанова 2018].

Такое снижение протестной активности можно объяснить повышением уровня знания латышского среди русскоязычных, прежде всего, среди молодежи. Массовые опросы 2015 г. (последние на момент написания данного текста) показывают, что более 44% русскоязычных признали свое знание языка «хорошим» или «очень хорошим», еще 33% оценили свое знание как «среднее» [Valodas situācija Latvijā 2016]. Лишь 9% жителей утверждают, что не знают латышского. Важно отметить, что среди представителей русскоязычного меньшинства в возрастной группе 15–24 уровень знания латышского языка гораздо выше: по данным государственного Агентства по делам латышского языка, 78% оценивают свой уровень языка как «хороший» и «очень хороший», 20% — как «средний». Наблюдения, а также данные интервью показывают высокий уровень владения латышским языком среди молодого поколения русскоязычных, чьи школьные годы прошли во время или после школьной реформы. Латышский язык среди русскоязычных актуален и для рабочей, и для неформальной среды; например, отказ от общения на латышском внутри Латвии воспринимался многими молодыми информантами, скорее, как маргинальное поведение [ПМА 2017, 2018]. К схожим результатам приходит и Ческин в своем исследовании по идентичности современных русскоязычных, связывая билингвальность молодого поколения с его привязанностью к Латвии как к единственной осознаваемой родине [Cheskin 2015]. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что политика государства по упрочению положения латышского языка в стране привела к определенному росту общего числа говорящих на латышском языке, росту актуальности латышского языка. Но все же эти успехи языковой политики не означают полного размывания и ассимиляции русскоязычных. Перепись населения 2011 г. — последняя на момент написания этого текста — показывает, что в Латвии, несмотря на все вышеуказанные меры по укреплению

роли латышского языка, сохраняется значительный процент русскоязычного населения, включающего в себя и иные нацименьшинства, и некоторую часть латышей — всего около 37%. При этом в столице Латвии Риге на русском как родном говорит более 55% населения, а во втором по численности городе страны Даугавпилсе — более 88% [Latvijas 2016].

Кроме того, русский в Латвии сохраняет свою роль *lingua franca*. По данным опросов [Latviešu valodas aģentūra], среди всех жителей Латвии русский до сих пор остается наиболее распространенным языком: хотя бы в какой-то мере говорят по-русски 98% против 91% у латышского языка [Valodas situācija Latvijā 2016]. Уровень понимания русского языка среди латышей также остается крайне высоким: более 72% населения признали свой уровень русского «хорошим» или «очень хорошим», 20% — «средним», однако нельзя не отметить, что уровень владения русским языком среди молодежи неуклонно падает [там же].

Высокая концентрация русскоязычных жителей в городских центрах Латвии при высоком уровне владения русским языком среди всех жителей страны приводит к тому, что он продолжает оставаться широко востребованным на рынке труда. Так, работодатели часто выдвигают знание русского как необходимое условие при приеме на работу². В сфере туризма русский язык и вовсе необходим, так как он продолжает играть роль языка взаимодействия с путешественниками из стран бывшего СССР. По словам информантки, работающей в отеле в старом центре Риги, знание русского языка (наряду с латышским, английским и датским) было огромным плюсом при поступлении на работу, и ей постоянно приходится переходить на русский язык в общении с выходцами из бывших советских республик [ПМА 217, 2018].

Русский был и остается языком культурного обмена как внутри страны, так и с мировым русскоязычным сообществом: на нем вещают как популярные латвийские радиостанции (в том числе и 4-й канал общественного Латвийского радио), так и филиалы российских радиостанций. Большинство российских телеканалов доступно в частных кабельных сетях вещания, часть

² Эта ситуация вызывает серьезные дискуссии в парламенте страны, где обсуждается законодательный запрет требования знания иностранных языков (сейм поддержал норму 2018).

из них производит собственный контент исключительно для латвийского зрителя³. В Латвии работают русскоязычные культурные площадки, такие как Рижский русский театр им. Чехова, проходят концерты русскоязычных артистов, фильмы выходят в прокат как на латышском, так и на русском языке, а до 2014 г. курортная Юрмала принимала у себя международные русскоязычные юмористические и музыкальные фестивали. Кроме того, за годы независимости была сформирована русскоязычная система частного среднего и высшего образования [Volkov 2009].

Но несмотря на существующую связь с российским культурным пространством, для молодежи, родившейся и выросшей в Латвии, гораздо более актуальна связь внутри русскоязычной общины и с Латвией как родиной, нежели связь с современной Россией и россиянами. Последние количественные исследования показывают, что Российская Федерация, несмотря на языковую и культурную общность, признаваемую респондентами, зачастую не осознается ими в качестве родной страны; россияне часто и вовсе воспринимаются русскоязычными Латвии как «иные» или «не свои». Об этом пишет британский исследователь Аммон Ческин по материалам опросов 2014 г. [Cheskin 2015]. Так, например, русскоязычные Латвии зачастую воспринимают себя как большие европейцы, нежели россияне, делая такие выводы на основе сравнения своих условий жизни с теми, которые они видят в соседних российских регионах, и в итоге большинство респондентов Ческина связь с Латвией ощущают гораздо теснее, нежели связь с «исторической родиной» [Cheskin 2015].

Представители латвийской русскоязычной молодежи, выросшие в двуязычной среде и владеющие обоими языками на высоком уровне, часто имеют двойную языковую идентичность. Их языковую практику можно охарактеризовать как код-свитчинг (*code switching*), когда выбор языка напрямую зависит от окружающей ситуации. Проявления код-свитчинга отмечены как в ходе полевых наблюдений, так и при анализе интервью: переход на латышский язык у русскоязычных происходит зачастую неосознанно, как нечто само собой разумеющееся [ПМА 2017, 2018].

³ К примеру, ретранслятор «Первого канала» — «Первый Балтийский канал» — выпускает собственные аналитические передачи и новостные программы, посвященные событиям в Латвии.

При этом латыши часто сами переходят на русский язык, если замечают сложности (в том числе и мнимые) при общении на латышском языке; такой феномен информанты описывают как «языковую вежливость».

Вот один из многочисленных примеров, отмеченных во время наблюдений: обычный короткий диалог между клиентом и работником кафе велся сначала на латышском (обращение официанта и ответ посетителя), потом на русском (официант перешел на русский из-за акцента посетителя), и снова на латышском (посетитель продолжил говорить на латышском, и официант отвечал ему далее на латышском) [ПМА 217, 2018]. Как мы видим, оба участника пытались установить, какой из языков общения удобен обоим и пришли к неверbalному соглашению. Нередки случаи, когда оба собеседника могут говорить на разных языках одновременно, не испытывая дискомфорта [ПМА 2017, 2018]. Схожее поведение отмечается и в Эстонии в контексте общения русскоязычных и эстонцев в быту и на работе [Zabrodskaia 2007; Zabrodskaia 2013].

Безусловно, языковое разнообразие не ограничивается только латышским и русским языком. Знание английского языка серьезно улучшилось за годы независимости: так, при переписи населения 2000 г. лишь 14,3% населения страны утверждали, что владеют английским языком [Valodas situācija Latvijā 2016]. К 2012 г., по опросам Агентства по делам латышского языка, на английском говорило хотя бы на каком-то уровне 64% латышскоговорящего населения, среди представителей этнических меньшинств в 2009 г. о наличии навыков английского заявили 53% [там же].

Закономерно, что наиболее распространенный в мире *lingua franca* [о роли английского языка как международного см. de Swaan 2001] занял свое место в жизни страны, однако причины столь высокого уровня его распространения стоит рассмотреть отдельно. Безусловно, этому помогли усилия государства: английский включен в школьную программу как первый иностранный язык в большинстве школ Латвии — как в латышских, так и в школах нацменьшинств [*Izglītības likums*], несмотря на отсутствие у языка какого-либо особого статуса в Латвии. На

английский язык как международный переводятся многие официальные сайты, законы и постановления правительства, опубликованные в Интернете, дублируются многие информационные материалы, выпускаемые официальными инстанциями. Английский занял свое место и в культурной среде — к примеру, американские и британские фильмы наряду с российскими зачастую показываются в оригинале с латышскими субтитрами — как в кинотеатрах, так и на телевидении.

Немаловажным фактором жизни Латвии является стабильно отрицательный миграционный баланс, который влияет на все сферы жизни страны. Если в 1990-е годы, как об этом писалось выше, основным направлением выезда были государства СНГ и прежде всего Россия [Волков 2013, Hazans 2010], то после вступления Латвии в Европейский союз и открытия общеевропейского рынка труда в 2004 г. эмиграционные потоки сместились на Запад. Первыми странами, принявшими граждан Латвии после вступления в ЕС, стали англоязычные Великобритания и Ирландия; большинство других стран — членов Союза воспользовались правом отложить на 7 лет открытие своих рынков труда [Dirba 2016]. Отложенный доступ в другие страны Европы привел к тому, что именно в Великобритании и Ирландии к настоящему времени сформировались крупнейшие диаспоры латвийцев: соответственно 76 тыс. (40,6%), и 20 тыс. (10,7%) из 187 тыс. живущих за рубежом граждан Латвии [Ārvalstīs dzīvojošo 2019]. В 2007 г. право на въезд в большинство стран ЕС (кроме, однако, Великобритании и Ирландии) получили неграждане страны, которые стали пользоваться возможностью получать в этих странах вид на жительство [Dirba 2016], а затем и полноценное гражданство. По данным Евростата, около 13% трудоспособного населения Латвии живет и работает в других странах Европейского союза.

Столь распространенный по вышеуказанным причинам английский язык также участвует в системе код-свитчинга, как латышский и русский, и выбор удобного языка опять же становится в зависимость от ситуации. В ходе наблюдений не раз была подмечена ситуация, в которой английский язык являлся наиболее удобным для всех участников разговора вне зависи-

ности от их родных языков, т.е. выступал в роли *lingua franca* [ПМА 2017, 2018].

Заключение

В современной Латвии сформировалась ситуация, в которой два языка — латышский и русский — являются, по сути, не только важнейшими проводниками коммуникации для всех жителей Латвии, но и основными факторами для формирования идентичностей.

Латышский, язык большинства населения страны, получивший в свое время статус государственного, в результате действий властей стал необходимым для работы и учебы в стране, стал определяющим критерием принадлежности к гражданству республики. Таким образом, общение на латышском языке и принадлежность к латышскоязычному сообществу обеспечивает наиболее комфортные условия для жизни в стране, отделяя латышскоязычных от остальных жителей республики. Вместе с этим растет роль латышского языка в межгрупповом общении внутри страны по мере постепенного перехода всего школьного образования на государственный язык, тем самым расширяется пространство использования языка в быту.

Русский язык, наравне с общностью исторической памяти, остается основным связующим звеном для особой идентичности — русскоязычных Латвии. Объединенная родным языком треть населения страны является важным фактором в жизни государства, непосредственно участвуя в политических и экономических процессах. Несмотря на постепенное увеличение роли латышского языка среди русскоязычных, актуальность такой языковой идентичности остается высокой.

С одной стороны, за русским языком в Латвии сохраняется особая роль в неформальном общении и бизнесе, ведь русский язык, несмотря на отсутствие официального статуса, остается самым распространенным в стране. С другой стороны, русский язык продолжает играть роль *lingua franca* на территории постсоветского пространства и сохраняет актуальность для культурных контактов между латвийским русскоязычным меньшинством и международным русскоязычным сообществом.

Латышский и русский языки формируют особые сообщества, особые идентичности, находящиеся в постоянном взаимодействии, и история современной Латвии неотделимо связана с одним из проявлений этого взаимодействия — языковым конфликтом. Долгие годы между русскоязычными и латышами продолжалось (и продолжается) противостояние, принимающее различные формы, но все же постепенно борьба сходит на нет. Русский язык по мере увеличения латышского компонента в образовании становится для молодежи языком семейного и дружеского общения [ПМА 2017, 2018], сокращается роль русского языка и на международной арене по мере отхода постсоветских стран от влияния России [Pavlenko 2006]. Латышский язык укрепляет свои позиции внутри Латвии, однако естественная убыль населения и высокий уровень миграции как среди латышей, так и среди русскоязычных постепенно сокращает число носителей латышского языка. Билингвальность, присущая латышской части населения республики, постепенно становится нормой и для русскоязычных, и вместо противостояния появляются новые формы взаимодействия, прежде всего, на личном уровне, что отражается в проявлениях код-свитчинга.

Вместе с этим особую роль играет включенный глобализацией в жизнь Латвии английский язык. Общемировой *lingua franca*, столь актуальный в контексте рабочей миграции из Латвии, английский постепенно становится необходимым и внутри страны, прежде всего, в туристической сфере и международном бизнесе. Кроме того, английский включается в повседневность — и в контексте код-свитчинга [ПМА 2017, 2018], и в контексте постепенного перехода на английский следующего поколения мигрантов, остающихся в других странах (подробнее о латвийских мигрантах см.: [Latviešu emigrantu kopienas 2015]).

Данное исследование не претендует на завершенность, но предлагает исследователям иной подход к рассмотрению групповых идентичностей и их взаимоотношений, нежели этнический, зачастую используемый в отечественной науке при изучении стран Балтии. Языковой подход создает новое поле для исследований в области формирования и сохранения идентичностей, не связанных с этническим самосознанием, а также предлагает

новый взгляд на проблемы межгрупповой коммуникации, причины формирования конфликтов в гетерогенных сообществах.

Источники

1. 1989. gadā vissavienības 1990 — 1989. gadā visavienības tautas skaitīšanas rezultāti Latvijas PSR (demogrāfiskie rādītāji). Statistiks biļetens. — Rīga, 1990.
2. Епифанова 2018 — *Епифанова М.* Мирно не получилось. Борьба за русские школы в Латвии оформилась в уголовное дело // Новая газета. — 2018. — 23 мая. — URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/05/23/76568-mirno-ne-poluchilos> (дата обращения: 26.03.2019).
3. Население СССР 1990 — Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. — М., 1990.
4. ПМА 2017, 2018 — Полевые материалы автора: интервью, записанные в Риге, Латвия в 2017 и 2018 годах.
5. Сейм поддержал норму 2018 — Сейм поддержал норму о запрете требования знаний иностранного языка у работников // Latvijas Sabiedriskie Mediji. — 2018. — 6 сент. — URL: <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/politika/seym-podderzhal-normu-o-zaprete-trebovaniya-znaniy-inostrannogo-jazika-u-rabotnikov.a291342> (дата обращения: 14.03.2019).
6. Список различий 2013 — Список различий в правах граждан и не-граждан Латвии. — Рига: Латвийский комитет по правам человека, 2013. — URL: http://lhrc.lv/biblioteka/svod_razl_2013_rus.pdf (дата обращения: 11.03.2019).
7. Ārvalstīs dzīvojošo 2019 — Ārvalstīs dzīvojošo sadalījums pēc dzimšanas gada un valstiskās pieredžas. 2019. 1. janvāris. — URL: https://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/backup/PSAV_Aarvalstiis_Latvijas_VPD.pdf (дата обращения: 19.03.2019).
8. Bērziņš: Referendums par otru valsts valodu būs balsojums pret Latviju kā valsti // Latvijas Sabiedriskie Mediji. 2012. 1. janvāris. — URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/berzins58-referendums-par-otru-valsts-valodu-bus-balsojums-pret-latviju-ka-valsti.a32546/> (дата обращения: 14.03.2019).
9. Informācija par 2018 — Informācija par naturalizācijas iesniegumu skaitu un uzņemšanu LR pilsonībā līdz 2018.gada 31.martam. — URL: http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/documents/naturalizacija33/Naturaliz%C4%81cija%20_marts2018/stat_latv1.pdf (дата обращения: 29.03.2019).

10. International long-term — International long-term migration. — URL: <https://www.csb.gov.lv/en/statistics/statistics-by-theme/population/migration/tables/ibg010/long-term-migration> (дата обращения: 24.09.2019).
11. Izglītības likums 2019 — Izglītības likums. — URL: <https://likumi.lv/ta/id/50759-izglitibas-likums> (дата обращения: 11.03.2019).
12. Latvijas 1990 — Latvijas Tautas frontes vēlēšanu platforma 1990. gada Augstākās Padomes vēlēšanām. — URL: <https://www.historia.lv/dokumenti/latvijas-tautas-frontes-velesanu-platforma-1990gada-augstakas-padomes-velesanam-3219901> (дата обращения: 25.04.2018).
13. Latvijas 2002 — Latvijas 2000. gada tautas skatīšanas rezultāti. Statistikas datu krājums. — Rīga, 2002.
14. Latvijas 2016 — Latvijas 2011. gada tautas skatīšanas — rezultāti. — Rīga, 2016. — URL: http://www.csb.gov.lv/sites/default/files/publikacijas/2015/Nr%202012%20Latvijas%202011.%20Tautas%20skaitisanas%20rezultati_Results%20of%20the%202011%20Population%20and%20housing%20census%20in%20Latvia%20%2815_00%29_LV_EN.pdf (дата обращения: 07.03.2019).
15. Latvijas iedzīvotāju 2018 — Latvijas iedzīvotāju sadalījums pēc valstiskās piederības. — URL: http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/documents/Iedzivotaju%20re%C4%A3istrs/07022017/ISVP_Latvija_pec_VPD.pdf (дата обращения: 21.03.2019).
16. Latvijas 1989 — Latvijas Padomju Sociālistiskās Republikas valodu likums. — URL: <https://web.archive.org/web/20120206224252/http://www.liis.lv/latval/valoda/v9-6.htm> (дата обращения: 26.03.2019).
17. Noteikumi par valsts 2019 — Noteikumi par valsts valodas zināšanu apjomu un valsts valodas prasmes pārbaudes kārtību profesionālo un amata pienākumu veikšanai, pastāvīgās uzturēšanās atļaujas saņemšanai un Eiropas Savienības pastāvīgā iedzīvotāja statusa iegūšanai un valsts nodevu par valsts valodas prasmes pārbaudi. — URL: <https://likumi.lv/ta/id/194735-noteikumi-par-valsts-valodas-zinasanu-apjomu-un-valsts-valodas-prasmes-parbaudes-kartibu-profesionalo-un-amata-pienakumu-veiksanai-pastavigas-uzturesanas-atlaujas-sanemsanai-un-eiropas-savienibas-pastaviga-iedzivotaja-statusa-iegušanai-un-valsts-nodevu-par-valsts-valodas-prasmes-parbaudi> (дата обращения: 21.03.2019).
18. Otrā tautas 1925 — Otrā tautas skaitīšana Latvijā. — Rīgā, 1925.
19. Pilsonības likums 2019 — Pilsonības likums. — URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57512> (дата обращения: 03.03.2019).
20. Satversme — Latvijas satversme 2019 — Latvijas satversme. — URL: <http://www.saeima.lv/lv/likumdosana/satversme> (дата обращения: 23.03.2019).

21. Valodas situācija Latvijā 2016 — Valodas situācija Latvijā: 2010—2015. Sociolingvistisks pētījums. — Rīga, 2016.
22. Valsts 2019 — Valsts valodas likums. <https://likumi.lv/doc.php?id=14740> (дата обращения: 19.03.2019).

Библиография

1. Богушевич Т. Протестная мобилизация русскоязычного меньшинства в Латвии // Этническая политика в странах Балтии. — М., 2013. — С. 236—257.
2. Волков В. Демография русского населения Латвии в XX—XXI веках // Этническая политика в странах Балтии. — М., 2013. — С. 177—197.
3. Диманте И. Русский язык в Латвии: взгляд в прошлое, настоящее и будущее // Коммуникативные исследования. — 2017. — № 1. — С. 107—122.
4. Манаков А.Г., Чученкова О.А. Этнический состав населения на территории Эстонии и Латвии по результатам дореволюционных переписей (1881 и 1897 гг.) // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки». — 2016. — № 9.
5. Пярт И. Прерванный эксперимент? Политика правительства Александра III в Прибалтийских губерниях // Родина-2. — 2015. — С. 78—80.
6. Фейгмане Т.Д. Русские в довоенной Латвии. — Рига: Балтийский русский институт, 2000.
7. Филей А. Проблемы билингвизма и обзор социолингвистической ситуации в Латвии // Социо- и психолингвистические исследования. — 2014. — № 2. — С. 69—83.
8. Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов. — М.: Наука, 2013.
9. Bleiere D. Ncaionālkomunisms Latvijā (20. gadsimata 50. gadi) — dažas pētniecības problēmas // Latvijas Vēstures institūta Žurnāls. 2016. № 4. P. 113—139
10. Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996.
11. Cheskin A. Exploring Russian-Speaking Identity from Below: The Case of Latvia // Journal of baltic Studies. 2013. № 3. P. 287—312
12. Cheskin A. Identity and Integration of Russian Speakers in the Baltic States: A Framework for Analysis // Ethnopolitics. 2015. № 14.
13. Cilevičs B. Language Policies in Latvia: Lessons for Minority Protection // Integration and exclusion. Linguistic rights of national minorities in Europe. Conference book. Vilnius, 2015.

14. *Dirba M.* Latvian people on the move and the impact on education // Migration and the Education of young people 0-19. An Introductory guide. New York, 2016. P. 50–61.
15. *Hanovs D., Tēraudkalns V.* Ultimate Freedom — No Choice: The Culture of Authoritarianism in Latvia, 1934—1940. European History Quarterly. 2014. 44 (2). P. 331–332.
16. *Hazans M.* Latvijas emigrācijas mainīgā seja: 2000—2010 // Pārskats par tautas attīstību 2010/2011. Nacionālā identitāte, mobilitāte un rīcībspēja. Rīga, 2011.
17. *Hogan-Brun G.* At the interface of language ideology and practice: The public discourse surrounding the 2004 educational reform in Latvia // Language Policy. 2006. № 5. P. 313–333.
18. *Hogan-Brun G.* Language policies and practices across the Baltic: processes, challenges, prospects // European Journal of Applied Linguistics. 2013. № 1. P. 55–82.
19. *Kruk S.* Television Changing Habits: TV Programming in 1960s Soviet Latvia // Modernization, nation-building, and television history. Abington-New York, 2015.
20. *Krūma K.* Country report on citizenship law: Latvia. Florence, 2015.
21. *Krūma K.* Latvian integration policy: Lost in translation // A Re-definition of Belonging? Language and Integration Tests in Europe. Leiden-Boston, 2010. P. 241–266.
22. *Kuczyńska-Zonik A.* Non-citizens in Latvia: Is it a real problem? // Nationalities Affairs. New series. 2017. № 49.
23. *Laitin D.* Identity in formation. The Russian-Speaking Populations in the New Abroad. Ithaca, 1998.
24. *Lerhis A., Kudors A, and Indāns I.* Ārvalstu ietekme uz sabiedrības etniskās integrācijas procesu Latvijā. Rīga, 2007
25. *Loader M.* Restricting Russians: Language and immigration laws in Soviet Latvia, 1956—1959. Nationalities Papers, 2017. 45 (6). P. 1082—1099.
26. *Metuzāle-Kangere B., Ozolins U.* The language situation in Latvia 1850—2004 // Journal of Baltic Studies. 2005. № 3. P. 317—344.
27. *Pavlenko A.* Russian as a lingua franca // Annual Review of Applied Linguistics. 2006. № 26. P. 78—99.
28. *Rozenvalds J.* The Soviet Heritage and Integration Policy Development Since the Restoration of Independence // How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges. Riga, 2010. P. 33—61.
29. *Sasse G.* Ukraine: The role of regionalism // Journal of Democracy. 2010. № 3. P. 99—106.
30. *de Swaan A.* Words of the World The Global Language System. Cambridge Polity Press. 2001.

31. Šulmane I. The media and integration // How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges. Riga, 2010. P. 223–253.
32. Šūpule I., Bebriša I., Kļave E. Latvijas nepilsoņu integrācijas procesa analyze / Analysis of integration of Latvian noncitizens. Rīga: Baltic Institute of Social Sciences, 2014.
33. Vanags E., Krastins O. et al. The Improvement of Statistics and Social-Economical Development of Territories in the Context of the EU // Main Research Directions of Economies and Law Science in 2003. Riga, 2004. P. 163–173.
34. Volkov V. «The Russian Community» as a Means of Self-identification of Russians in Latvia // Proceedings of the Institute for European Studies. 2009. № 6. P. 104–123.
35. Zabrodskaja A. Morphosyntactic contact-induced language change among young speakers of Estonian Russian. // Studies in Language Variation. 2013. № 12. P. 77–104.
36. Zabrodskaja A. Russian-Estonian code-switching in the University // Arizona Working Papers in SLA & Teaching. 2007. № 14. P. 123–139.
37. Zepa B. Citizenship, official language, bilingual education in Latvia: Public policy in the last 10 years. 2003. URL: <http://pdc.ceu.hu/archive/00001163/01/bilingvalaIzglitiba10g.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).
38. Zepa B. The changing discourse of minority identities: Latvia. Riga, 2006.

Научное издание

С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова, И. Л. Бабич, М. Ю. Мартынова,
А. А. Плеханов, Б. А. Синанов, В. А. Тишков, Х. М. Акбаев,
С. В. Галактионов, О. А. Подлесных, К. Г. Шаховцов

**СМЕРТЬ ЯЗЫКА – СМЕРТЬ НАРОДА?
ЯЗЫКОВЫЕ СИТУАЦИИ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА В РОССИИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ**

Ответственные редакторы Е. И. Филиппова и С. В. Соколовский

Редактор И. А. Елисеев
Компьютерная верстка И. А. Елисеева
Обложка художника О. Г. Карповой

Опубликовано по заказу Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Точка зрения авторов может не совпадать с позицией редакции. Авторы несут личную ответственность за достоверность изложенной в их публикациях научной информации и научно-справочного аппарата, а также и за сам факт их публикации.
Любое воспроизведение материалов и их фрагментов возможно только с письменного разрешения авторов и других правообладателей.

Подписано в печать 17.11.2019. Формат 60×90/16.
Усл. изд. л. 16,25. Тираж 500 экз. (1-й завод 100 экз.) Изд. № 190836
ООО «Научно-техническое издательство «Горячая линия – Телеком»
Адрес издательства в Интернет WWW.TECHBOOK.RU